

Сергей Ковалев
Закливание сорок пятого калибра

«Сергей Ковалев. ЗАКЛИВАНИЕ СОРОК ПЯТОГО КАЛИБРА»: Издательство
АЛЬФА-КНИГА; Москва; 2010
ISBN 978-5-9922-0529-9

Аннотация

Частный детектив — профессия романтическая? Загадочные преступления, перестрелки и погони, таинственные враги и умопомрачительные красотки — то, чем

наполнена жизнь частного детектива? Как бы не так! Розыск домашних животных и потерянных предметов — вот из чего состоит моя жизнь. Также в ней есть место безалаберному напарнику, сумасшедшим клиентам и сверхъестественному. Ах да, забыл представиться! Я — частный детектив по сверхъестественным делам Виктор Фокс. Если ваш домовой ворует печенье, на огороде поселилось привидение, а ваш босс — натуральный упырь, обращайтесь в агентство «Фокс и Рейнард». Не обещаю, что мы справимся с вашей проблемой, но шума будет много!

Сергей Ковалев

Заклинание сорок пятого калибра

Ретроспектива

2003 год, где-то по дороге в Иркутск

Мне повезло. За мгновение до смерти я был абсолютно счастлив.

Для мира, в котором счастье — вообще редкий гость, получить такой подарок судьбы перед смертью — уникальное везение.

Ночь стремительной рекой проносилась мимо, обтекая крохотную желтую точку — свет от фары моего мотоцикла. Двигатель рокотал мерно и мощно, глушители выправляли звук, насыщая его благородным низким тембром. Если открутить ручку газа сильнее, рокот перерастет в рев, слышимый за десятки километров. А мотоцикл превратится в разрывающий ночь раскаленный болид.

Но я не стану этого делать.

Во-первых, скорость и без того приличная. Восемьдесят километров в час по незнакомой дороге, да еще и ночью — предел комфортной езды для меня. Не люблю, как говорит один мой приятель, нюхать, «чем пахнет адреналин».

Во-вторых, ночное шоссе, прорезающее тайгу, луна в небе, сияющем звездной паутиной, наполненный запахом тайги ветер — я ведь ради этого и отправился в путь. А вовсе не ради того, чтобы пролететь на одном дыхании отрезок дороги между двумя пропахшими дешевым пивом и хлоркой гостиницами в двух одинаковых городках.

Есть такая древняя шутка, что молодые байкеры едут, чтобы доехать, а старые — чтобы ехать. Я не считаю себя старым, но сажусь на мотоцикл, чтобы просто ехать. Видать, кто-то из моих предков был кочевником, вот и не дают мне покоя гены древних кочевников. По-настоящему я живу только в дороге. На самом деле это хреново, потому как получается всего месяц настоящей жизни против почти целого года тягостного существования в утробе мегаполиса. Но после этих тупых офисных дней, похожих один на другой, как ночные кошмары, грязных серых улиц, забитых вечными пробками, я целый месяц живу так, как хочу. В дороге. Один.

Раньше я ездил со спутниками. Так казалось веселей. И с девушками на заднем сиденье — это казалось романтичным. Но чем дальше, тем отчетливее я стал понимать, что независимость от других мне дороже самой хорошей компании.

В последнее время знакомые укоряют меня, что я, мол, не люблю людей.

Это не так. Я люблю людей, потому и стараюсь держаться от них подальше. Как-то так выходит, что любить людей у меня получается только на расстоянии.

Впрочем, большинство сверстников, составлявших мне раньше компанию, сами постепенно растворились в быте. Остепенились, вплотную озаботились карьерой. Вчерашние без башенные парни стали благопристойными отцами семейств, а озорные девчонки нашли себе мужей и превратились в добропорядочных до сведенных скул матрон. Мои вчерашние товарищи пересели с мотоциклов в более комфортные и безопасные автомобили. Теперь им жалко тратить отпуск на бесцельную поездку, они охотнее проведут время, поджаривая тело на пляже или шашлык на даче. Конечно, на их место пришло новое

поколение мотоциклистов, но оно — именно новое. Не мое. Молодым парням и девчонкам на блестящих пластиком спортивных мотоциклах нечего делать на пыльных раздолбанных дорогах между городами, названия которых вылетают у меня из головы раньше, чем я их покидаю...

Я не жалею об этом. Одиночество тяготит, когда его слишком много. В современном большом городе одиночество — роскошь. Там мне ежедневно приходится общаться с десятками людей, хочу я этого или нет. Никого не интересует, могу ли я еще терпеть тупоголового клиента, в сотый раз переправляющего «Наш лучший товар» на «Лучший наш товар» и обратно, или уже готов перегрызть ему горло. Если бы не этот месяц одиночества, я бы, наверное, стал серийным убийцей!

Но сейчас — да, сейчас и еще целых две недели! — я был один на ночном шоссе и чувствовал себя абсолютно счастливым.

Лес вокруг сгустился, обступил дорогу. Запахло листвой, прелой древесной корой.

Я сбросил скорость до шестидесяти и плавно вошел в поворот. В свете фары асфальт показался белым.

Показался?

Возможно, белое каменное крошево оставил за собой самосвал, когда его тряхнуло на повороте, или просто нанесло ветром — кто знает? Колеса скользят по крошке, словно по воде. Мотоцикл сносит влево...

Есть! Удержал!

Внезапно оказываюсь в фокусе чужих фар...

Время замедлилось. Я словно со стороны увидел себя слившимся с продолжающим скользить на встречную полосу мотоциклом. И огромную фуру, неумолимо наплывающую из-за поворота. Растерянное лицо дальнобойщика за лобовым стеклом. Еще бы ему не растеряться! Пустое шоссе на многие десятки километров. За всю ночь я встретил едва ли пять-шесть машин. И мой невольный убийца тоже не ожидал подобной встречи на ночной дороге. Еще успела мелькнуть мысль — какое нелепое, совершенно идиотское совпадение!

Время обрело свой привычный темп.

Визг тормозов.

Удар.

Мгновенная боль, которая, впрочем, тут же исчезла. Ощущение полета.

Еще удар. Мелькают свет и темнота...

Потом мир вокруг меня перестал вращаться.

Я увидел над собой звездное небо в обрамлении черных верхушек деревьев. По краям эту картину охватывала причудливая ломаная рамка в сетке мутных трещин. Через некоторое время я догадался, что это торчат осколки визира на моем шлеме.

Послышались торопливые шаги. Небо заслонили два силуэта.

— Эй... эй, паря! Ты как?

Я попытался ответить, но никак не мог собраться с мыслями. Как я? Откуда мне знать? Вроде жив... Пока я размышлял над этим, за меня ответил второй дальнобойщик:

— Дурак, что ли? Нашел, что спросить! Сам не видишь?!

— Эй...

— Не трогай его! Пошли... Поехали отсюда!

— Ты чего?! Надо это...

— Что — «это»? Я не хочу сидеть из-за какого-то придурка!

— Дык он же сам!

— Сам! А кто видел?! Пока докажешь, все жилы вытянут. Да и все одно —дохлый он уже! Поехали!

Силуэты исчезли. Я услышал, как на дороге взрыкнул двигатель фуры, и вновь стало тихо.

Дохлая? С ума они сошли?! Я в порядке! Даже не болит ничего! Я попытался сесть, но тело мне не повиновалось. Даже руку не смог поднять... на самом деле рук словно и не

было. Ни рук, ни ног — ничего. Боли я по-прежнему не чувствовал. Вот оно что... Мои медицинские познания можно смело назвать ничтожными, но даже я знал, что это означает. Пожалуй, даже хорошо, что эти двое сбежали.

Какое-то время — не знаю даже приблизительно сколько — я лежал в тишине, глядя в небо и чувствуя, как силы покидают меня. Нестерпимо клонило в сон. Я сопротивлялся — звездное небо казалось мне в тот момент самой прекрасной картиной.

Раздававшиеся неподалеку тонкие голоса я принял за галлюцинацию. Кто-то перекликался в высокой траве пискляво и неразборчиво, как мышата в мультфильмах. Голоса приблизились, застрекотали возле самых ушей, о чем-то явно споря, ссорясь. Я скосил глаза, но, естественно, никого не увидел. Голоса вновь стали удаляться, пока совсем не исчезли.

Вскоре я услышал шаги. Шагали неспешно, но легко. Небо вновь заслонил темный силуэт, на этот раз женский — стройный, с длинными серебристыми в лунном свете волосами.

— Привет. — Странно, но язык меня еще слушался. Разве что говорить было тяжело, поэтому вместо слов получилось едва слышимое бормотание.

Но незнакомка разобрала мой шепот.

— Привет.

Она остановилась в нерешительности. Ну да... Я бы тоже на ее месте растерялся. Гуляешь себе спокойно по ночному лесу и тут — на тебе! Куча переломанных костей... Находка не для слабонервных!

— Если тебе страшно, уходи — ничего, нормально... только не сообщай никому.

— Мне не страшно. Я видела много смертей. Если хочешь, я побуду с тобой... до утра.

— Странно...

— О чем ты?

— Меня вот все стращали... мол, будешь так жить — умрешь в одиночестве... и надо же, получилось наоборот.

— Да, странно, — согласилась женщина. Я до сих пор не мог разглядеть ее лица, но голос мне показался самым прекрасным из всех, что я когда-либо слышал. Или сказывалось понимание, что это — последний раз, когда я слышу женский голос? Как и любой голос вообще.

Женщина плавно опустилась на колени рядом со мной. Теперь я смог разглядеть высокие скулы на треугольном лице, раскосые глаза под тяжелыми веками, маленький острый нос «клювиком», рот с пухлыми губами. Странное лицо. Изысканно прекрасное, какими иногда бывают лица местных красавиц, но — странное. Как у портрета или статуи. Таких совершенных лиц у людей я не видел. И что она делает посреди ночи в лесу?

— Кто ты?

— Когда-то давно люди меня называли Арья Хайша — Священные Ножницы.

— А-а-а... Так ты пришла за мной?

— За тобой? А, ты об этом... нет. Я не Смерть. Я лишь отмеряю время. Хотя иногда нас путают... пугали раньше, когда у нас еще были капища. Случалось, их строили в честь одной из нас, а поклонялись в нем другой. Мы не ревновали — тогда это не имело значения. Теперь — тем более.

— Значит, боги все-таки существуют...

— Я не знаю. Это люди называли меня богиней... Ты, кажется, разочарован? Ты не верил в богов? Хотя бы в вашего нового бога?

— Если бы я верил... мне пришлось бы восстать против такого бога... а я слишком ленивый.

Арья Хайша улыбнулась, но почти сразу улыбка исчезла с ее прекрасного лица.

— Ты боишься?

— Не знаю, — подумав, признался я. — Наверное, нет. Боялся бы — ходил бы пешком и ел обезжиренный йогурт. Страшно терять что-то важное, а в моей жизни нет ничего

такого... Жаль только — вот так внезапно. Не успел... хотел в настоящее путешествие — на мотоцикле в Китай. Или в Индию. Или в Африку... Все откладывал на потом. Знал бы... А в общем-то все равно.

— А я боюсь, — неожиданно призналась Арья Хайша. — Прожила столько, сколько люди и не мечтают, а все равно страшно.

— Разве боги умирают?

— Да. Когда в нас перестают верить, мы лишаемся силы. Когда люди про нас забывают совсем — мы исчезаем.

— Про тебя забыли?

— Да. Уже давно. Сейчас от меня осталась лишь тень былой силы. Я привязана к этому лесу, к последним сохранившимся развалинам моего капища. Все мои подданные — горстка бестолковых одичавших анахаи, это они тебя нашли и позвали меня. Для этих крох я по-прежнему могущественная богиня. А я даже появляться теперь могу лишь ночью. Скоро от меня ничего не останется.

— Жаль... Я бы хотел помочь, но — сама видишь... Могу, правда, обещать, что буду верить в тебя до конца жизни. С этим проблем явно не предвидится.

— Ты смеешься?

— Извини... просто это действительно смешно — умирающий человек встречает умирающую богиню... Извини.

— Ты странный человек. Ты умираешь и смеешься над собой. Ты смеешься надо мной, но я чувствую, что на самом деле тебе меня жаль.

— Думаешь, так не бывает?

— Обычно люди в такой момент беспокоятся о себе. А если и вспоминают о богах, то только чтобы попросить помощи.

— Какой теперь смысл? Кажется, я могу позволить себе роскошь больше не думать о себе. Или ты способна меня исцелить?

— Нет. Даже раньше, при всем моем могуществе, исцелять людей было не в моей власти. Я — Священные Ножницы. Могу лишь обрезать нить.

— Почему же ты медлишь? Обрежь мою...

— Не знаю. Я не хочу, чтобы твое время истекло.

— Брось! Мне кранты. Даже я сам это чувствую.

— Не хочу. Если твое время действительно истечет, здесь сразу объявится моя сестра. Правда... она и так придет. Даже если бы я не захотела обрезать твою нить, она бы все равно взяла тебя — она-то с каждым столетием становится все сильнее. Я уже ничего не решаю. Я стала бесполезным призраком...

— Очень красивым призраком. Жаль, я сейчас несколько не в форме...

— Ну ты и тип! — Хайша невольно рассмеялась.

— Мне это часто говорили. Хайша... отпустила бы ты меня, а? Устал я что-то...

Богиня пристально посмотрела мне в глаза:

— Ты хочешь жить?

— Я похож на идиота? Конечно, хочу... но не так. Если ты собираешься держать меня, пока кто-нибудь не наткнется и не вызовет «скорую», не делай этого. Жить парализованным я не смогу.

— Я хочу предложить тебе кое-что другое.

— Что? Ты же сказала, что не можешь исцелить меня.

— Тебя — нет. Но себя — могу. Если бы в твоём теле была моя душа...

— Ты хочешь, чтобы я отдал свое тело... тебе?

— Интересно, что бы ты ответил, предложи я именно это? Молчи! — Хайша приложила руку к моим губам. Этого небольшого жеста оказалось достаточно, чтобы я не смог произнести ни слова. А некоторые женщины еще жалуются, что не могут заставить меня держать язык за зубами! — Я не стану подвергать тебя такому испытанию. И себя — тоже. Я не прошу отдать мне все тело — только потесниться. Дай мне место в своем сердце.

— И ты сможешь исцелить нас?

— Нет. Моих теперешних сил не хватит на это, — призналась богиня. — Но самые серьезные раны смогу залечить. А дальше тебе придется бороться самому. Но ты сильный. Вместе у нас есть шанс выжить.

— Есть шанс выжить — значит, есть вероятность умереть, причем обоим. Я прав?..

Хайша промолчала, продолжая так же пристально смотреть мне в глаза.

— Значит, прав. Зачем тебе это?

— Я же говорила, еще лет сто — и от меня ничего не останется. И что за жизнь у беспомощного ночного призрака? А если ты выживешь, то и у меня будет возможность прожить — пусть и деля с тобой — еще сколько-то лет настоящей, полной жизни... И потом...

— Что?

— Ты смотришь на меня, как на женщину. После стольких столетий забвения это возбуждает...

Она наклонилась и поцеловала меня. Рот и горло наполнились сладким ледяным потоком, словно я пил родниковую воду. По мере того как этот холод опускался все ниже, заполняя каждую клеточку моего тела, Хайша становилась все прозрачнее — через нее уже просвечивали звезды, верхушки деревьев... Потом она исчезла совсем.

Я умер совершенно счастливым.

А потом пришла боль.

Невыносимая, жгучая, благословенная боль.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Наконец-то этот сумасшедший день закончился!

То есть на самом деле, если я весь день бегал по городу, пытаюсь поймать домашнего любимца, сбежавшего от эксцентричного богатого старика, — это вполне нормальный день для меня. Такова уж доля частного сыщика. Это только в старых голливудских фильмах с Хамфри Богартом жизнь детектива состоит из расследования преступлений века и бурных романов с красивыми блондинками в перерыве. Не знаю, может, у них там, в Америке, так и есть. Но я-то живу здесь! И мой типичный рабочий день заключается в блуждании по помойкам и опрашивании прохожих — не попадался ли им на глаза полуметровый поросенок в черепашем панцире, с крокодильим хвостом и истеричным характером. Время от времени — отмечу особо — извергающий огонь.

Именно то обстоятельство, что искать надо огнедышащего свинодракона жутковатой наружности, и придает обыденному рабочему дню отчетливый привкус безумия. Но такая уж у меня работа.

А с другой стороны, почему бы эксцентричному богатому старику не держать в качестве домашнего любимца чжуполуна? Если подумать, разве не что-нибудь подобное подразумевают, говоря об эксцентричности? А то, что большинство людей считает чжуполуна существом вымышленным, так это, извините, в силу узости кругозора. Ну не любят люди то, что не укладывается в куцую картину мира, которую им вкладывает в голову средняя школа! Не верите? Думаете, это у меня приступ мизантропии? Как бы не так!

Вот вам живой пример. Ташу я, значит, эту тварь — чжуполуна Ми-ми — в нашу берлогу и у самого порога встречаю соседку по лестничной клетке, Едвигу Константовну, которая вышла покурить. Произойди эта встреча лет пять назад, когда мы с напарником только открыли агентство, я заволновался бы, что пожилая женщина сейчас упадет в обморок. Но эти пять лет меня многому научили, потому спокойно раскланиваюсь с ней и начинаю отпирать дверь.

— А что это вы, товарищ Фокс, никак собачку завести решили? — Сквозь сигаретный дым нацеливает Едвигу Константовну ястребиный взгляд в сторону домашнего любимца. Несмотря на жутковатый внешний вид, Ми-ми немедленно осознает свое низшее положение

в пищевой цепочке и, поджав хвост, пытается спрятаться у меня за спиной.

— Это, Едвиг Константовна, чжуполун, — спокойно отвечаю я, пытаюсь затолкать пускающего от страха пар Ми-ми в квартиру. — Клиент попросил разыскать.

— Никогда не слышала о такой породе! — вздергивает брежневской густоты бровь соседка. — На редкость уродливый пес! Вы смотрите, чтобы он не лаял по ночам! У нас дом образцового содержания, к вашему сведению!

Я рассыпаюсь в вежливых заверениях, что хозяин заберет Ми-ми еще до вечера, а даже если и не заберет, то Ми-ми лаять ни в коем случае не будет. Что, в общем, правда, поскольку самый громкий звук, который этот истеричный керогаз умеет издавать, — сиплый свист не громче, чем у закипающего чайника.

Но суть не в этом, а в том, что Едвиг Константовна пребывает в святой убежденности, что видела собаку. Очень уродливую, но вполне обычную.

Тут открывается дверь лифта, и на площадку вываливается тяжело пыхтящий сосед с восьмого этажа. А сосед этот, между прочим, относится к теневой расе каборов. И Едвиг Константовна еще раз с успехом подтверждает статус среднестатистического здравомыслящего человека: она спокойно здоровается с соседом, не замечая ни трех слоновьих лап, ни зеленоватой кожи кабора. Для нее он — обыкновенный почтенный джентльмен. Подозреваю, куда более почтенный и достойный уважения, чем ваш покорный слуга!

Я когда-то читал, что первые конкистадоры долго не могли убедить американских индейцев, что приплыли из-за океана на кораблях. Они приводили индейцев на берег, показывали им свои каравеллы, но индейцы утверждали, что ничего не видят. И, что самое удивительное, они действительно ничего не видели! Их разум просто отказывался воспринимать нечто, столь явно не вписывающееся в их привычную картину мира.

Так и с моей соседкой и с большинством людей в этом сумасшедшем городе. Да и, наверное, во всем мире. Я и сам был таким, пока не столкнулся нос к носу с тем, что считал вымыслом...

Так о чем это я?

Ах да! К счастью, этот сумасшедший день закончился.

Закрыв за собою входную дверь, я избавил несчастного Ми-ми от поводка, достал из кладовки пакет сухого кошачьего корма и большую миску.

— Проголодался? — Чжуполун обнюхал горку сухариков и поднял на меня грустный взгляд. — Ну, извини, лягушек и крыс у меня нет. Нечего было от хозяина сбежать... Не бойся — это просто кот, он тебя обижать не будет. Правда, Паштет?

Кот презрительно сощурился, давая понять, что само предположение, что его превосходительство снизойдет до конфликта с плебеями, звучит оскорбительно, и принялся вылизывать лапу. Появление в конторе свинодракона его не заинтересовало.

Обрадовав по телефону хозяина Ми-ми, я достал из холодильника пакет кефира и устроился в кресле, возложив уставшие от дневной беготни ноги на стол. Когда видишь подобную позу в кино, то она всегда кажется вызывающей. Первая мысль — что человек этим хочет продемонстрировать свое особое положение. На самом же деле, когда весь день провел на ногах, под вечер так и тянет поместить их куда-нибудь повыше, а о каком-то вызове и мысли нет. Я бы сейчас с удовольствием завалился на диван, а ноги задрал на стенку, если бы не ждал еще одного клиента, с которым договорился о встрече на семь часов вечера. Интуиция подсказывала, что встречать клиента на диване, да еще задрав ноги на стену, не стоит — это может отрицательно сказаться на репутации нашего агентства.

Паштет немедленно соскочил с дивана, вспрыгнул на мой живот и заурчал, словно внутри у него был маленький моторчик. Вот интересно, с какой эволюционной целью у кошек появилась способность к мурлыканью? Неужели только чтобы у людей руки сами собой тянулись погладить уютную мохнатую «грелку»?

«Фокс, ну о чем ты думаешь?!» — услышал я в голове голос Хайши.

«А что такого? Нет бы, подтвердить или опровергнуть мою теорию! Ты ведь, можно

сказать, непосредственная свидетельница эволюции!»

«Во-первых, ты редкостный хам! Я не настолько стара, чтобы помнить эволюцию кошек! А во-вторых, я все-таки богиня и вообще не должна верить в эволюцию!»

«А я, между прочим, атеист и не должен верить в богов! — возмутился я. — И тем более давать всяким бездомным богиням приют в своем теле!»

«Мне кажется, ты тогда все-таки слишком сильно ударился головой! И до сих пор регулярно бредишь!» — буркнула Хайша.

«Ну да, мои мысли, надо признать, далеки от гениальности, и что? Я вообще-то умный. Просто жизнь у меня сейчас такая, что ногами и руками приходится работать гораздо чаще, чем головой. Я бы и сам с удовольствием посиживал в кресле и находил разгадки одной силой дедукции, а не бегал по городу, высунув язык».

Хотя дедукция вряд ли помогла бы мне найти Ми-ми, не думаю, что чжуполун в своих похождениях по окрестным помойкам руководствовался какой-то логикой. Иногда нужно просто пойти и сделать что-то, без всяких умствований.

За этими внутренним спором меня и застал Алекс.

Мой напарник пребывал в отличном расположении духа. Алекс вообще редко предается греху уныния — если честно, он для этого слишком легкомыслен. Но, слава всем богам, у него нет привычки постоянно насвистывать популярные мотивчики. Подобными музыкальными упражнениями он занимается, только когда в его жизни происходит нечто очень хорошее. А хорошим в жизни Алекса считаются вполне определенные вещи.

— Ну и кто она? — блеснул я проницательностью.

— Ты о чем это? — рассеянно поинтересовался мой напарник, разглядывая контору, словно впервые здесь оказался. — Какая еще «она»?

— Ты впадаешь в эйфорию по двум известным мне причинам, — решил я продемонстрировать Хайше блестящее владение дедуктивным методом, а Алексу — свое занудство. — Когда на дороге ввязываешься в гонки с таким же упрямым ослом, как ты, и побеждаешь, или когда находишь очередную не обремененную хорошим вкусом девушку. Твоя машина уже неделю в ремонте. Давай колись, кто она?

— Чтоб вы знали, мистер Холмс, в эйфорию меня приводит еще кое-что, — надменно возразил Алекс. — Богатый и глупый клиент с простенькой проблемой, за решение которой можно содрать не хилые бабки!

— Серьезно? О! Вот это и впрямь хорошая новость! — обрадовался я. Потом вспомнил «простенькие проблемы», которые обычно находил мой напарник и насторожился: — И что это за дело?

Вместо ответа Алекс взял с полки скоросшиватель с каким-то старым делом, засунул в него пластиковый файл, как мне показалось, с одним-единственным листочком и вернул папку на полку. Прошелся по комнате, заложив руки за спину и насвистывая. Нехорошие предчувствия усилились.

— Понятно. Ты еще не знаешь. Но уже согласился. Я прав? И хватит свистеть!

— Да, согласился, ну и что? — беззаботно пожал плечами Алекс. — Что серьезного может произойти у клиента, живущего в Липовке? Призрак в имении, домовый расшалился...

— В Липовке? Погоди... Это там, где поселок Липовый Цвет?! Пафосное гетто московского бомонда?!

— Ага! — подмигнул Алекс. — Оценил? Представляешь, какие бабки можно срубить!.. Мои нехорошие предчувствия переросли в уверенность.

— Я представляю, какие неприятности там можно «срубить» вместо денег! И начнутся они еще до того, как мы возьмемся за дело! Ты хорошо подумал, как будешь проводить расследование среди этих звездунов и звездулек? Говорю тебе — прекращай свистеть!

— Да брось! Наверняка там и расследовать нечего. И вообще, мы не в том положении, чтобы отказывать клиентам.

— Я только что звонил его хозяину, — кивнул я в сторону Ми-ми, который уже некоторое время с возрастающим интересом прислушивался к насвистыванию Алекса. —

Деньги сегодня или завтра у нас будут... По-хорошему прошу, хватит свистеть!

— Эти деньги уйдут на оплату аренды, — парировал Алекс, не обращая внимания на телодвижения Ми-ми. — И даже их не хватит! Ты не забыл, что хозяин обещал нас выселить, если мы не заплатим за последние три месяца? Так что оденься попримечнее и дуй в Липовку! Только не вздумай поехать туда на своем драндулете, не позорь контору! Вот тебе визитка клиентки.

— Я?! Какого черта?! Ты этого клиента нашел, тебе и карты в руки!

— Я не могу, мне нужно поработать над делом Минцкевича. Давай же, не капризничай!.. А-а-а! Фу-у-у!

Собирая информацию о чжуполунах, я узнал многое о привычках и особенностях поведения этих тварей. В частности, чжуполуны обладают скудным запасом звуков для выражения эмоций. Они рычат, когда злятся, хрюкают, пыхтят и сипло свистят, когда хотят привлечь к себе внимание. А еще самки чжуполунов во время гона издают мелодичный свист. А еще я знал, что у чжуполунов плохое дневное зрение.

В какой-то момент Ми-ми уверился, что слышит призывное насвистывание самки, прыгнул на Алекса, сбил с ног и принялся тщательно вылизывать ему лицо.

— Сними с меня это! — взвыл Алекс, безуспешно пытаясь уклониться от смрадных нежностей Ми-ми. В следующее мгновение мой напарник узнал, что рот в такой ситуации лучше не открывать. — Ап... Уф!

— Я же просил тебя не свистеть, — чувствуя себя отмщенным, попенял я Алексу. Чтобы оттащить прочь раздраженно пускающего пар Ми-ми, пришлось изрядно попотеть. — Вот! Из-за тебя нанес психологическую травму животному. Он теперь будет считать себя отвергнутым самкой и у него разовьются комплексы!

— Тьфу... — попытался возразить Алекс сквозь липкую слюну Ми-ми. — Брр!

— Ладно, пойду переоденусь в цивильную одежду. Надеюсь, меня пустят в дом без смокинга... А тебе, раз так, придется встретиться с потенциальным клиентом — он к семи обещал быть. Все записи в папке «Новое». И дождись хозяина Ми-ми — он вот-вот должен приехать. Не обижай зверушку. И не свисти больше... Впрочем, может быть, тебе понравилось? Тогда не смею мешать вашему счастью! Adios!

Оставив невнятно ругающегося Алекса в компании забившегося в кладовую Ми-ми, я быстро переоделся в свой лучший... гм... в свой единственный костюм и отправился в Липовку.

В полном соответствии с моим предсказанием проблемы начались еще до того, как я взялся за дело. Собственно, они начались уже в такси. Стоило шоферу услышать адрес, как глаза его подернулись мечтательным туманом, зато меня заломленная им сумма повергла в депрессию. Чувствуя себя состоявшимся неудачником, я доехал до последней станции метро, пересел на автобус и только в ближайшем к Липовке поселке договорился с частником, что он довезет меня за адекватную плату. Можно было бы, конечно, и пешком дойти, но в таком месте это наверняка расценили бы как вопиющий моветон. Даже потрепанная «пятерка» вызвала у охранников на въезде в поселок нездоровый ажиотаж. Мне пришлось пережить унижительный допрос, доказывая, что я не журналист и что у меня нет с собой фотоаппарата. Впрочем, дозвонившись до нашей потенциальной заказчицы и получив ее подтверждение, охранник сразу стал предельно вежливым и пропустил машину, объяснив, как найти нужный дом.

Название «коттеджный поселок» слабо отражало истинное положение вещей. Впрочем, название «поселок вилл» или «дворцовый поселок» звучало бы не менее глупо. Мне с трудом удавалось сохранять равнодушно-пренебрежительное выражение лица, словно и не такое доводилось повидать. То есть, конечно, доводилось — иногда перипетии жизни сталкивали меня с богатыми и даже очень богатыми людьми, — но никогда еще я не встречал такой концентрации денег и пафоса на сравнительно небольшом клочке земли.

Машина остановилась у ворот одного из особняков, я расплатился и вышел.

Огляделся.

«Если бы ты меня слушался, жил бы в таком месте!»

«Да не хочу я тут жить! — возразил я Хайше. — Как тут вообще можно жить?! Да это место похоже на лагерь строгого режима!»

На первый взгляд еще могло показаться, что я попал в какой-нибудь маленький европейский городок — чистая, хорошо заасфальтированная улица, свежий воздух, зелень вокруг (точнее, о присутствии зелени оставалось только догадываться). Собственно, на этом «первый взгляд» и заканчивался. Высоченные глухие заборы разрушали европейскую иллюзию, полностью скрывая жизнь местных обитателей. Только хозяин одного-единственного особняка — соседнего с тем, в который приехал я, — нарушил этот архитектурный дресс-код. Вместо сплошного забора его дом окружала кованая решетка, сквозь которую можно было рассмотреть английский парк. Но и решетка была частой, высокой и заканчивалась острыми наконечниками. Повсюду на солнце поблескивали объективами камеры наблюдения. У меня зрела уверенность, что в таком месте лучше не соваться к соседям, например, за спичками — запросто расстреляют как нарушителя лагерного режима.

Любопытно, при такой охране на въезде в поселок, внутри-то они кого боятся? Друг друга, что ли? Или были прецеденты, что олигарх у олигарха столовое серебро украл?

Продолжая размышлять о тяжелой жизни нуворишей, я надавил на кнопку селектора на калитке. Достал из кармана визитку.

— К Еве Барановски из агентства «Фокс и Рейнард».

Селектор что-то вежливо пробубнил, и калитка отворилась, пропуская меня во двор, в глубине которого уродливо раскорячился трехэтажный особняк. Я не сноб — есть такой «снобизм наоборот», когда скопом осуждают вещи только потому, что они дорогие, — нет, как правило, дорогие вещи мне нравятся. Но как еще можно сказать про странное сочетание угрюмых казарменных форм в стиле «новорусское баррако» с викторианскими портиками и колоннами, увенчанное по углам готическими башенками? Именно раскорячился. И именно уродливо. Попытки садовника как-то прикрыть это архитектурное убожество розовыми кустами лишь усугубляли впечатление — из-за них особняк походил на украшенный цветами склеп.

На полпути к дому в воздухе висел голубь. Птица изо всех сил махала крыльями, но не сдвигалась ни на сантиметр.

«Ты это тоже видишь?»

«Вижу, — ответила Хайша. — Какая-то странная магия».

Оскальзываясь на брусчатке, которой явно из садистских соображений выложили садовую дорожку, я доковылял до двери, где меня уже встречал самый натуральный дворецкий — в ливрее, с внешностью английского лорда и с седыми бакенбардами. В бакенбардах явственно пробивались зеленые ростки с мелкими листиками и цветочками. На мгновение мне даже показалось, что я смотрю на него тeneвым зрением, но дворецкий вполне обыденно произнес:

— Госпожа Барановски примет вас в гостиной.

Стало ясно, что это все-таки настоящий «дневной» облик дворецкого. Видимо, его хозяевам нравились советские фильмы про викторианскую Англию, и они могли оплачивать неудобства, которые наверняка доставляла такая внешность. Увидев, что я разглядываю его бакенбарды, дворецкий бросил взгляд в зеркальную дверь, охнул и бросился прочь, причитая:

— Да что же это?! Да когда же это закончится?!

Пожав плечами, я прошел в гостиную.

Внутри меня поджидала та же эклектика, что и снаружи. Создавалось впечатление, что люди, создававшие интерьер этого дома, прошлись по антикварным магазинам и тупо скупили все, что попало на глаза, лишь бы это выглядело «богато». Возможно, хозяевам казалось, что обилием тяжелого старого дерева, темного лака и натуральной кожи удалось воссоздать атмосферу английского клуба. На самом деле бросающаяся в глаза разнородность

предметов создавала впечатление съемной квартиры с наборной мебелью. Надо признать, хозяйка дома прекрасно вписывалась в этот интерьер. То есть, я имею в виду, была столь же чужда ему, как и все остальные элементы были чужды друг другу. Я редко смотрю телевизор и совсем не смотрю сериалы, но госпожа Барановски так часто мелькает в новостях, что не узнать ее было невозможно. Звезда нескольких успешных «мыльных опер», любящая жена удачливого бизнесмена и счастливая мать... Я невольно потянул за узел галстука, ослабляя воротник. В свои тридцать «с хвостиком» Ева вполне органично смотрелась в ролях юных смешливых провинциалок, приехавших завоевывать столицу. И даже в домашней одежде и, как мне показалось, без макияжа была очаровательна. М-да, тяжелая работенка мне предстоит!

«Постоянное общение с Алексом дурно на тебя влияет!»

«Брось! Не знаю, кем надо быть, чтобы не отреагировать на такую женщину! И я точно не из этих!»

— Алексей... кажется, Рейнард? — Ева протянула руку то ли для пожатия, то ли для поцелуя. — Представьте себе, где-то забыла вашу визитку! Ах, у меня такая плохая память! Представьте себе, я постоянно забываю телефон дома! Ха-ха-ха! А еще никак не могу запомнить имена режиссеров, иногда выходит так неловко! Ха-ха-ха! Надеюсь, вы меня извините?

— Алексей — младший партнер нашего агентства, — не удержался я от мелкой бессмысленной мести Алексу. Потом со всем доступным мне изяществом поцеловал ухоженную ручку. Не стоит упускать случая польстить клиенту... да и, в конце концов, мне самому это приятно. Длинные изящные пальцы заметно дрожали. — Меня зовут Виктор Фокс. Я предпочитаю лично встречаться со столь известными клиентами... и столь красивыми.

— Ах, вы мне льстите! Ха-ха-ха! — пророботала Ева, механически повторив стандартную фразу. Мысли ее были явно заняты вещами более серьезными, чем обмен светскими любезностями. Она внимательно, можно даже сказать беззастенчиво, рассматривала меня. — Прекрасно... Так... Повернитесь-ка к свету... Да, отлично!

— Простите?

— Хорошо, что приехали именно вы! — удовлетворившись осмотром, произнесла Ева. — У вас именно тот типаж, который требуется. Не слишком умный, но хитрый, грубоватый, но обаятельный, свойский парень с окраины, добившийся всего в этой жизни собственными силами. Ха-ха-ха! Раскрывает преступления, пользуясь больше пистолетом и кулаками, чем интеллектом... Да, вы именно то, что мне нужно!

— Простите? — только и смог повторить я, чувствуя себя донельзя глупо. Четыре поколения сугубо интеллигентных предков, среди которых были врачи, учителя и даже один композитор, а также мои личные два высших гуманитарных образования настоятельно требовали немедленно одернуть субретку. В то же время лицо, которое я каждое утро вижу в зеркале — особенно перебитый в двух местах нос и старый глубокий шрам от скулы до подбородка, — гарантировало, что любые мои протесты будут выглядеть неубедительно. — Вы меня что, на роль просматриваете?

— Ах, не обращайтесь внимания, это профессиональное! Ха-ха-ха! — рассмеялась Ева переливчатым смехом, составлявшим, как писали многие журналисты, не меньше половины ее сценического обаяния. — Но вы действительно идеально подошли бы на роль частного детектива...

— Не интересуюсь, — отрезал я, стараясь не выказывать смущения. — Меня вполне устраивает моя работа.

— Вы кокетничаете! Все хотят сниматься в кино, и вы не можете быть исключением! Не можете, не можете, не можете! И не спорьте! Ха-ха-ха! Это ведь нельзя даже сравнивать — какую-то там работу и кино! Ха-ха-ха!

У меня начала болеть голова от Евиной манеры стремительно говорить, прерывая речь смехом. Да, я готов согласиться с журналистами — смех у госпожи Барановски весьма

милый, но когда он раздается через каждое слово к месту и не к месту — это как-то дезориентирует. К тому же мне совсем не нравилось направление, в котором развивался наш разговор. Что бы там милая барышня ни воображала, но я совершенно точно не собирался менять свою работу сыщика на съемки в кино.

«А что? Признайся, это в любом случае лучше, чем твое нынешнее занятие!»

«Не говори ерунды! Чтобы я променял свободную жизнь на нелепое лицедейство?»

«Давай я сформулирую иначе: что угодно лучше, чем твое нынешнее занятие! Тем более работа актера!»

«И что в ней такого хорошего? Постоянный страх остаться не у дел? Интриги за каждую роль?»

«Известность, толпы сумасшедших фанаток...»

«Гм... Это лучше было бы Алексу предложить!»

«Солидные гонорары...»

«Гм... ну, если подумать...»

— Ах, да не напрягайтесь вы так! Ха-ха-ха! — вернула меня в реальность Ева. — Я пошутила! Ха-ха-ха! Я же не продюсер и не режиссер. И вообще, в боевиках не снимаюсь. Не мое амплуа! Ха-ха-ха! Хотя я смогла бы! Анжелина может, а я чем хуже?! Я ведь лучше Джоли?! Ха-ха-ха!

Но вы мне нужны именно как детектив! Ах! У меня такая проблема! Ха-ха-ха!

— Какая же? — терпеливо спросил я, украдкой потирая ноющий висок. Одну экзальтированную дамочку, без устали щебечущую всякую чушь, я еще мог вынести. Но когда к ней — внутри моей бедной головы — присоединилась Хайша, мозг начал закипать от перегрузки. Очень сильно захотелось рывкнуть: «Заткнитесь обе!», но с клиентами так разговаривать не принято, а Хайша мой приказ наверняка проигнорирует.

— Ах! Я не знаю, как и сказать! Вы решите, что я сошла с ума! Ха-ха-ха!

— Поверьте, я так ни в коем случае не решу, — лицемерно вздохнул я, едва не брякнув, что уже успел об этом подумать. И что, пока она платит, мне плевать на ее нормальность. — Специфика нашего агентства такова, что мы постоянно сталкиваемся с... э-э-э... скажем так, с нестандартными делами.

— Вот именно! Да-да-да! У меня как раз очень нестандартный случай! Ха-ха-ха! Очень!

Актриса неожиданно умолкла, глядя куда-то поверх моей головы. Я обернулся. На лестнице, ведущей на второй этаж, стояла девочка лет десяти и как-то очень недобро, совсем не по-детски, разглядывала меня.

— Ариночка, детка, — приторно-сладким голосом пропела Ева, — поздоровайся с дядей Ал... дядей Кол...

— Виктором, — подсказал я шепотом.

— Да, конечно! Поздоровайся с дядей Виктором! Он мой хороший знакомый!

— Такой хороший, что ты даже не знаешь его имени? — хмыкнула девочка.

— Что ты такое говоришь? Конечно, я знаю его имя! Я же его только что сказала! Поздоровайся...

Девочка вновь уставилась на меня и мрачно буркнула:

— Ну привет.

Я ответил не менее мрачно:

— Привет.

Никогда не умел общаться с детьми. И особого желания научиться, признаюсь, не испытывал. Во всяком случае, я бы совершенно точно не хотел общаться с этим конкретным ребенком. Да что там говорить! От выражения лица, с которым смотрела на меня девочка, у меня мурашки по спине забегали. Я глянул на Арину тeneвым зрением. Ого! Знак у меня на груди сразу нагрелся.

«Спокойно! Нас это не касается!» — мысленно произнес я, возвращаясь к нормальному зрению.

«Ага, рассказывай! А если ей что-то не понравится и она решит тебя прихлопнуть?! И меня заодно?! Отказывайся от этой работы, пока не поздно, и бежим отсюда!»

«Еще чего! Я здесь, знаешь ли, по делу!»

«Если нас прибьют, дело будет только у местных слуг — смывать с потолка и со стен Виктора Фокса!»

«Хватит ныть! Веди себя как богиня в конце концов!»

Я надеялся, что Ева отошлет дочку в детскую и мы сможем поговорить о делах, но женщина зачем-то продолжила явно тяготивший всех присутствующих разговор:

— Ариночка, расскажи дяде... Виктору, чем ты сегодня занималась?

— Что, еще один мозговед? Обойдетесь!

— Ариночка...

— Надоело! — Девочка топнула ногой. — Иди на...!

Одарив нас фундаментальным оборотом обценной лексики¹, девочка развернулась и убежала на второй этаж.

— Гм... милое дитя, — пробормотал я, делая вид, что ничего особенного не случилось. — Так мы можем вернуться к обсуждению вашего дела?

Ева опустила в кресло и устало произнесла:

— Арина и есть это дело.

— В каком смысле?

— У девочки одержимость. И не говорите, что не заметили!

Я резко осознал, что больше не хочу заниматься этим делом. Ну вот просто совсем, ни при каких обстоятельствах и ни за какую плату!

— Одержимость? Да с чего вы взяли? Просто у малышки повышенная агрессивность...

«Да, конечно! А у Калигулы были просто небольшие проблемы в общении!»

— Десятилетние дети так не разговаривают! — отрезала Ева. — Если не выросли на улице. А моя дочь всегда под надзором гувернантки. Вернее, раньше была. Недавно Ольга уволилась. И это тоже важно! Ольга опекала мою дочь много лет, но в последнее время стала ее бояться! Она так и сказала мне, что в Арину вселился дьявол! Я не придавала этому значения — мало ли что болтает глупая испуганная девица. Но, похоже, она была права!

— И вы решили, что у вашей дочери одержимость, исходя только из суеверной болтовни гувернантки? Это же смешно! Одержимость — очень редкое явление...

— Редкое — значит, возможное!

— Возможное, но редкое! У девочки просто, извините, скверный характер. Это часто случается с детьми богатых родителей.

«Не люблю, когда ты врешь, Фокс. Уж больно неуклюже у тебя получается. Но в этот раз постарайся, я не хочу в этом участвовать!»

«А я, по-твоему, так просто горю желанием?!»

— Ах, бросьте! — отмахнулась Ева, ничуть не обидевшись. — Я прекрасно знаю, какими бывают дети у людей нашего круга. Но моя дочь не такая! Я никогда ее не баловала! Еще пару месяцев назад Ариночка была очень милой послушной девочкой. А потом ее как подменили!

— Резкая перемена в поведении может свидетельствовать о болезни. Вы обращались к врачам?

— Разумеется! Я пригласила к Арине лучшего детского психоаналитика, консультировавшего многих моих знакомых...

— И что он сказал?

— Ничего он не сказал. И, боюсь, уже не скажет. Он провел с Ариной три сеанса и сошел с ума.

¹ Обценная лексика (от *лат.* *obscene* — непристойный, распутный, безнравственный) — сегмент бранной лексики различных языков, включающий грубейшие бранные выражения, например, мат. — *Примеч. авт.*

— В каком смысле?

— В прямом. После третьего сеанса он долго не выходил из ее комнаты, и мой муж пошел проверить, все ли в порядке. Ну вы же понимаете, специалисты такого уровня задерживаются у пациента, только если действительно что-то случилось. Муж нашел доктора сидящим на полу с бессмысленным выражением на лице... Мы недавно справлялись о его здоровье. Он до сих пор в больнице, рассказывает об интересных медицинских случаях прикроватной тумбочке и проводит сеансы группового психоанализа с умывальниками.

— Ну... это, конечно, выглядит ужасно, но я уверен, не более чем совпадение.

— Совпадение? Ха-ха-ха! — вновь заставила меня вздрогнуть Ева, рассмеявшись на этот раз совершенно жутко, словно баньши. — Знаете, что сказала Ариночка? Что доктор ей надоел и она его прогнала! И что так же случится с любым другим «мозговедом», которого мы на нее натравим. Она именно так и сказала — натравим! У нее даже запас слов стал, как у взрослого человека!

— Это еще не говорит об одержимости, — продолжал я защищаться. В общем-то это была почти правда. У Арины не было одержимости, у нее было кое-что другое. Не болезнь, конечно, но именно поэтому мне совершенно не хотелось браться за дело. — Она могла услышать их по телевизору или прочитать в Интернете! Она любит читать?

— С ее компьютера открыт доступ только на детские сайты! И в нашем доме не смотрят телевизор!

— Да, конечно, как я мог такое предположить! — сдался я. — Хорошо, я проведу обряд экзорцизма, раз вы так хотите.

«Виктор Фокс! Вы — идиот! Я не хочу больше иметь с вами дела!»

— Э-э-э... вы имеете в виду — католический священник? — догадался я.

— Ах, да не знаю я! Не разбираюсь в религиях! — отмахнулась Ева. — Но мне нужен именно такой священник! Он идеально впишется в мою гостиную!

— Вы его что, вместо торшера собираетесь использовать?! — опешил я.

— С чего вы взяли? Не говорите ерунды! Просто он должен хорошо смотреться во время этого... как вы сказали... экзер... экзо... в общем, я не могу ударить в грязь лицом перед друзьями! Все должно быть на высшем уровне! Настоящий сыщик, настоящий священник...

— Перед друзьями? — Я решил больше ничему не удивляться. — Вы хотите позвать друзей? Чтобы они присутствовали при... э-э-э... ритуале?!

— Разумеется, нет!

— Уф-ф... а я-то уж подумал...

— Разумеется, я не буду приглашать друзей специально на ритуал. Это было бы не комильфо — стали бы говорить, что я на все готова ради пиара. Но ко мне каждый вечер кто-нибудь заглядывает, если я сама не уйду с визитом. Мои знакомые в курсе, что двери моего дома всегда для них открыты, и я не хочу менять эту традицию. Ничего страшного ведь не произойдет, если двое-трое моих ближайших друзей будут сидеть в гостинной, пока священник проведет этот ваш эк... экзр... ритуал!

— М-да... — Я прикрыл глаза, досчитал до десяти и, когда это не помогло, напомнил себе про пустой банковский счет. — Хорошо! Я сегодня же начну искать священника. Вот моя визитная карточка — звоните, если в ваших планах что-то изменится.

Барановски, я выскочил из особняка, добежал до калитки и, лишь оказавшись на улице, облегченно выругался.

«Если нас из-за тебя убьют, я тебе этого никогда не прощу!» — самозабвенно продолжала пилить мои мозги Хайша.

«Солнышко, ты же знаешь, я и сам ненавижу такие заказы. Но еще больше я ненавижу отсутствие заказов!»

«Давно бы уже бросил это дурацкое занятие и нашел нормальную работу!»

«Опять сидеть в офисе с девяти до шести? Прогибаться под начальство? Носить костюм?!»

«Не заводись, Виктор!»

«Ты же знаешь, как я ненавижу костюмы! А к нему еще и галстук! Галстук!»

«Тихо, тихо! Все в порядке, можешь уже снять его!»

Я сорвал с шеи мерзкую удавку.

«Ох, ну ладно! Поступай как знаешь!»

Голова перестала болеть — Хайша сдалась.

Я остановился у ворот, обдумывая ситуацию. Дело было не то чтобы трудным, просто неприятным. Да еще и клиентка оказалась... гм... весьма странным человеком. Похоже, актриса была всерьез напугана происходящим с ее дочерью. И при этом явно собиралась устроить из ритуала шоу для знакомых. Чем дольше я живу, тем меньше понимаю людей!

Вообще специфика дел, за которые берется наше агентство, неизбежно провоцирует визиты различных астрологов, шизотериков, контактеров и прочих фриков. К счастью, по-настоящему неприятные типы среди этой в целом безобидной публики встречаются редко. Но уж если не повезет...

С другой стороны, экзальтированная актриса была не самой большой моей проблемой. Самой большой проблемой было то, что я увидел тeneвым зрением: черный с золотом бутон над головой девочки, знак будущей ведьмы. Пока Арина еще не понимает, что с ней происходит. В ее сознание потоком льются новые удивительные знания, странные ощущения. Скоро бутон раскроется в цветок-корону, и девочка получит силу управлять Тенью. И станет настоящей ведьмой. Ну а там — как она сама решит распорядиться своей силой. Возможно, когда-нибудь наши интересы пересекутся. Но сейчас я ничего не могу сделать, только разыграть дурацкий спектакль для ее мамы.

«Довольно здорово смахивает на жульничество, не правда ли?» — проворчала Хайша.

«Я не могу себе позволить быть чистоплюем! — напомнил я своему второму «я». — В конце концов, это ее дочь и ее проблемы. Да и навредить девчонке фальшивая процедура экзорцизма не может».

«Но он ей не поможет!»

«А ей никто не поможет. И вообще, ей-то помощь как раз не особо нужна. Вот окружающим — да. Но я — не супермен, у меня даже красного плаща нет!»

«Самокритично!»

«Ладно, надо убираться отсюда. А то, не ровен час, примут за папарацци и пристрелят!»

Оглядевшись, я пришел в еще худшее расположение духа. Машины, доставившей меня сюда, не было. Собственно, я сам не сообразил попросить, чтобы меня дождались. Ну и как прикажете теперь выбираться из этого окутанного паранойей райка? Можно, конечно, вызвать такси... Я достал бумажник и пересчитал наличность — действие сугубо ритуальное, не столько у меня этой наличности, чтобы не помнить, сколько ее есть. И не столько, чтобы хватило на такси до Москвы. Время не то чтобы очень позднее, но если идти до автобусной станции пешком, вполне можно не успеть на последний рейс. Вернуться и попросить госпожу Барановски подбросить меня до Москвы? Машина-то у нее есть, и даже наверняка с личным шофером. Только мне почему-то кажется, что подобная просьба никак не согласуется с образом успешного детективного агентства, который мы с Алексом поддерживаем из последних сил.

У ворот соседнего дома стоял, негромко урча двигателем, черный «бургтроттер». Если его хозяин собрался в Москву, ему ведь не составит особого труда подвезти меня? Скажу, что моя машина сломалась... Нет, не годится, по мне ж сразу видно, что не принадлежу к «их кругу». Да и наверняка они тут все друг друга знают.

Я все-таки подошел к джипу. Переключившись на тeneвое зрение, я убедился, что ни водителя, ни пассажира в роскошном салоне нет. Двигатель работает, машина на нейтралке и на ручнике — все говорит о том, что хозяин джипа собирался уезжать, вспомнил о чем-то и на минутку вернулся в особняк. И даже двери не заблокировал.

«Эй! Я чувствую, что ты опять собираешься совершить какую-то глупость!»

«Да ничего особенного! Просто давно хотел узнать, что чувствуешь, управляя машиной стоимостью в хороший дом!»

Я быстро огляделся по сторонам, убедился, что нахожусь в мертвой зоне для камер охраны, и нырнул в приятно пахнущее нутро джипа. Не знаю, как этого добились японские умельцы, но изнутри машина казалась даже больше, чем снаружи. Водительское сиденье в прямом смысле обняло меня, руль оказался именно на том месте, где мне было удобно за него взяться, рычаг передач приятно лег в руку. Так... если мне память не изменяет, нужно сначала выжать педаль сцепления. Я тупо уставился на две педали в полу.

«Вик, — осторожно поинтересовалась Хайша, — а ты вообще машину-то водить умеешь?»

«Конечно! Когда в автошколе учился... странно, я точно помню, что тут должно быть три педали!»

«В автошколе?! Пятнадцать лет назад?! Вылезай немедленно из машины! Даже я знаю, что такое коробка-автомат!»

«А! Точно! Спасибо, Хайша!»

Признаться, после автошколы мне ни разу не пришлось сидеть за рулем машины — не люблю эти консервные банки, в которых ни обзора нормального нет, ни дорогу толком не чувствуешь. Получив права, я забыл про это нелепое изобретение человечества. Впрочем, управлять огромным джипом оказалось проще, чем мотоциклом, — знай себе крути баранку. А то, что бордюр в землю в катал, так это из-за непривычных габаритов! Пока доехали до ворот, я уже освоился с управлением. Главное, нужно было не забывать, что рулить всем телом невозможно!

Как я и рассчитывал, охрана распахнула ворота заранее. Видимо, машины жителей поселка здесь знали «в лицо». Лихо рыская громадным джипом из стороны в сторону, я выбрался на шоссе, врубил третью скорость и покатил в сторону Москвы. Хорошее настроение меня не покидало, но проснулся здравый смысл. Поглядывая на часы, я прикидывал: вот хозяин джипа обнаружил пропажу. Он забежал в дом явно ненадолго, раз не стал даже глушить двигатель. Несколько минут он будет в растерянности — уж где-где, а на тщательно охраняемой территории поселка он никак не мог ожидать угона. Придя в себя, бросится звонить охране на воротах и узнает, что джип только что покинул поселок. Допустим, на это уйдет еще минут пять. Потом — звонок в ГИБДД. Это тоже недолго, но вот дальнейшее развитие событий предвидеть уже труднее. Как любой большой и сложный механизм, ГИБДД часто действует медленно. И вполне возможно, я смогу не только доехать до Москвы, но еще и несколько дней спокойно пользоваться угнанной машиной. Но если среди знакомых хозяина джипа есть большие чины в ГИБДД или милиции — а у таких людей они чаще всего есть, — то меня «примут» уже на первом или втором посту...

И тут у меня волосы на загривке встали дыбом — на заднем сиденье явно кто-то был! Этот кто-то возился у меня за спиной и тихо постанывал. Я ударил по тормозам. Сзади раздался звук падения и протестующее мычание. Я осторожно посмотрел в промежуток между передними и задними сиденьями. Там отчаянно барахтался связанный человек с черным мешком на голове.

«Ну что, доигрался? — самодовольно прокомментировала мою находку Хайша. — А я ведь предупреждала!»

Я отвернулся и уставился на дорогу, пытаюсь унять сумбур мыслей.

Нет, пожалуй, мои претензии к Алексу несправедливы. Я и без него прекрасно умею впутываться в неприятности. Правда, до сих пор мне удавалось из них самому же и выбираться. Главное правило в такой ситуации — не тратить время впустую, а действовать.

То есть бросать машину и делать ноги.

Это было самое умное, что можно сделать в такой ситуации. Разумеется, если ты не клинический идиот. Или тебя не зовут Виктор Фокс.

Но именно так меня и зовут.

Я открыл бардачок, но тот оказался вызывающе пуст — не было даже пачки сигарет

или какого-нибудь другого мусора, обязательно скапливающегося в укромном месте. То ли машина совсем недавно куплена, то ли хозяин страдает противоестественной аккуратностью. В принципе узнать имя владельца проблем не составляло — можно хоть сейчас позвонить паре знакомых, навести справки. Но задавать такие вопросы — палка о двух концах. Ведь мои знакомые могут оказаться и знакомыми хозяина джипа. Проверять лояльность этих людей без особой необходимости я не собирался. Прежде чем привлекать к себе внимание, следовало разобраться, во что же я влип.

Я перебрался на заднее сиденье — благо внутри джипа было просторнее, чем у меня в комнате. Вытащил человека из прохода на сиденье. Это оказалось нетрудно — похищенный был невысок ростом и субтильного сложения. Неприятная догадка мелькнула у меня в голове, но отступать было поздно, и я стащил с головы пленника мешок, уже догадываясь, что увижу.

Нет, ну вообще-то иногда меня получается удивить.

— Э-э-э... — протянул я, изумленно таращась на взъерошенную шевелюру как минимум трех разных цветов. Кислотно-пронзительных и совершенно, замечу, не сочетающихся. — Тебя что, похитил парикмахер-маньяк?

Девчонка ничего не ответила, поскольку ее рот был заклеен пластырем, но попыталась испепелить меня взглядом. Я считаю, что заклеивать рот пластырем — не самый лучший аргумент в споре. Но, надо признать, в споре с женщиной это может оказаться единственным убедительным аргументом. У меня при себе всегда куча всякого барахла, совершенно необходимого в непредсказуемых буднях частного сыщика. В том числе перочинный нож и два ключа от стандартных наручников. Стоило мне освободить девушке руки, как она немедленно попыталась сорвать пластырь, но после нескольких безуспешных попыток сдалась, утирая выступившие слезы. Пластырь оказался на удивление качественным.

— Да, это не так просто, — посочувствовал я. — Очень больно. Но можно сделать процесс менее болезненным, если потерпишь до дома. Полежишь немного в горячей ванне, пластырь отмокнет и его проще будет снять. Только напиши, куда тебя отвезти?

Девчонка яростно затрясла головой и снова попыталась сорвать пластырь. Снова безуспешно.

— Ладно, понял. Дай я сделаю. Теперь потерпи немного...

— ...!!!!!!!

— Эй, сестренка, я же предупреждал — потерпи! — Я не без труда парировал весьма профессиональный хук правой, — Черт! Вот и помогай после этого всяким...

— Извините, — прошлепала вмиг распухшими губами девушка. — Это у меня инстинктивное. Когда мне делают больно, я всегда бью в ответ...

— У тебя здоровые инстинкты, — похвалил я ее, возвращаясь на водительское место. — Но не хотел бы я быть твоим стоматологом. Держи расческу. Приведи себя более-менее в порядок... хотя, ладно, не обращай внимания. Тебе и так хорошо.

— Вы издеваетесь? — Девчонка перебралась на место рядом со мной и чуть не плача стала разглядывать себя в зеркале заднего вида. — У меня губы, как у гламурной утки!

— У уток нет губ... Не расстраивайся, это быстро пройдет. Да и, честно говоря, не об этом сейчас следует беспокоиться в первую очередь.

— Ну ни хрена себе! — Оставив в покое зеркало, девчонка с изумлением осматривала салон машины. — Вот это номер!

— Угу, — кивнул я, — Я тоже в первый раз вижу гостиничный номер vip-класса на четырех колесах. Жаль, придется его бросить.

В свете моей неожиданной находки избавиться от приметной машины становилось вопросом жизни и смерти — в прямом смысле! Теперь понятно, что хозяин джипа в ГИБДД обращаться не станет, но, право слово, я бы предпочел иметь дело с милицией, нежели с похитителями. Вообще-то мысль!

— Может быть, имеет смысл остановиться у гаишного поста? — предложил я девчонке. — Заявишь о похищении...

— Нет! — Она посмотрела на меня, как на полоумного. — Ты что? Да им заплатят и нас сдадут в подарочной упаковке!

— Откуда такая уверенность? А! Дай угадаю: любишь в газетах про милицейскую мафию читать?

— Я газеты не читаю! У меня свои источники. Если собираешься сдать милиции, высади меня прямо здесь! Я сама как-нибудь доберусь.

— Господи, за что мне это? Хайша, молчи, я не к тебе обращался. Э-э-м... впрочем, ты права, в данном случае совершенно ясно, за что... Ладно, не дергайся, попробуем выбраться вместе.

По правде сказать, мне и самому не особо хотелось иметь дело с милицией. Не потому, что разделял убежденность девчонки, — слава богу, я знаком с этой кухней изнутри, — просто мое собственное положение в свете угона джипа было весьма двусмысленным. Ладно, значит пойдем сложным путем!

Интересно, какой след оставило в умах обитателей поселка Химмотортрест (это романтическое название я прочитал в расписании автобусных рейсов) наше прибытие? Когда громадный, как авианосец, вполне бандитского вида джип причалил к сельмагу, благообразные старушки на лавочке умолкли и уставились на лакированного пришельца из другого мира. Когда из него вывалился я в своем затрапезном костюмчике, с непривычки зацепившись ногой за бортик и едва не пропахав носом асфальт, они замерли столбиками, словно суслики у нор. Двое мужичков, мирно потягивавших пиво, прервали свое занятие и стали с интересом ждать продолжения. Когда из другой двери ловко выпрыгнула девчонка со стоящими дыбом волосами всех цветов радуги, у старушек отвисли челюсти, один из мужичков поперхнулся пивом, а проезжавший мимо на велосипеде парень едва не въехал в открытую дверь магазина.

Наверное, потом, когда очевидцы нашего появления рассказывали об этом событии знакомым, их воспринимали как свидетелей высадки инопланетян. То есть, я хочу сказать, ну кто же в здравом уме поверит, что какие-то люди бросили посреди улицы открытой крутую тачку, чтобы уехать рейсовым автобусом? И уж совсем не представляю, какими слухами обросло это событие, когда за джипом явился его хозяин.

Автобус ехал не спеша, подолгу стоял на остановках, словно специально испытывая мои нервы на прочность. Оставалось надеяться, что хозяин джипа, пытаясь нас перехватить, двинет прямо в Москву. Идея рвануть на угнанной тачке до самой столицы была достаточно глупой, чтобы прийти в голову большинству людей. Собственно, я ведь и сам размышлял над таким вариантом. При удаче какое-то время уйдет на погоню, возможно, — если я связался с какой-то серьезной бандой — будут выставлены заслоны. Джип станут искать на шоссе, а у нас появится час-полтора, прежде чем наш противник убедится, что его машина до Москвы не доехала. Если мы тем временем успеем добраться до столицы, то искать нас будет безнадежной тратой времени. А я постараюсь как можно быстрее выяснить, кому наступил на мозоль и что теперь с этим делать.

Кстати, выяснением некоторых вопросов можно заняться прямо сейчас.

Пассажиров в автобусе было немного, я пересел на сиденье напротив девушки и стал довольно бесцеремонно ее разглядывать. Спасенная оказалась милым созданием крайне юного возраста. Растрепанная короткая прическа, оттопыренные уши и обильные веснушки на круглом личике с вздернутым носом вызвали в памяти образ девчонки-хулиганки из старых фильмов. Правда, в те патриархальные времена было не принято красить волосы в несколько кислотных цветов одновременно. Станным образом девчонке это даже шло. Да и одета она была вполне подходяще: кеды, джинсы с художественными прорезами на коленях, кожаная «косуха», из-под которой выглядывала футболка с изображением каких-то мультяшных большеглазых девочек с гитарами. Гаврош эры киберпанка.

— Ну? — наконец не выдержала девчонка. — Че пыришься?

— Да так... пытаюсь понять, что в тебе может быть такого ценного, что кому-то понадобилось похищать эдакое сокровище?

— Спасибо! Ты мне тоже сразу понравился, если че!

— На здоровье. Рад, что между нами вот так сразу возникла обоюдная симпатия. Приятно быть пристреленным в хорошей компании.

— Ой-ой! Счас расплачусь! — фыркнула девчонка. — Меня-то не тронут, если че. Я им нужна.

— А-а, ну тогда все в порядке, — с театральным вздохом откинулся я на спинку сиденья. — Раз тебе ничего не грозит, доезжаем до Москвы и разбегаемся.

— Да флаг в руки! Типа можно подумать, я тебя о чем-то просила! Может, ты сам и есть похититель? Сначала похитил, а потом типа освободил?!

— Да на фига мне это? — поразился я богатой фантазии девчонки.

— А может, ты втираешься ко мне в доверие, чтобы я согласилась пахать на тебя? Или чтобы соблазнить? Типа освободил от бандосов, весь такой из себя Чак Норрис, — и тупая кукла сразу на шею бросится!

— Угу. Ты себя в зеркале давно в последний раз видела? — участливо поинтересовался я. Эх! Говорили же мне умные люди: добрые дела наказуемы!

Несколько мгновений девчонка явно размышляла, не вцепиться ли мне в волосы, но осторожность взяла верх, и она ограничилась демонстрацией среднего пальца и презрительным:

— Да пошел ты!

«Виктор! Не оскорбляй ее!»

«Ничего, потерпит! А если обидится и откажется от помощи, нам же лучше. Кто вечно требует, чтобы я не рисковал зря жизнью?!»

«Вот и не надо рисковать! Намекать девушке, что она некрасивая, — не лучший способ прожить долгую и счастливую жизнь!»

— Если решишь, что помощь тебе нужна, скажешь, — буркнул я, отворачиваясь к окну.

Девчонка опять молча показала оттопыренный средний палец.

Я равнодушно пожал плечами, продолжая смотреть в окно.

«Не узнаю благородного рыцаря и защитника сирых и убогих!»

«Это нечестно! Я, наверное, всего-то пару раз по глупости совершил благородный поступок! И за это ты меня теперь всю жизнь подначивать будешь?»

«Ты слишком несовременен, Вик, — вздохнула Хайша. — Даже на мой взгляд. Не верю, что ты оставишь девчонку без помощи».

«Блин... не оставлю, конечно. Просто я очень устал. Пусть она пока сама прокрутит в голове все, что в таких случаях говорят благородные герои в кино, убеждая принять их помощь. И все, что она отвечала бы, гордо отказываясь и постепенно поддаваясь на уговоры. Это сэкономит мне немного сил и времени».

Девчонка оказалась с характером — все полчаса, что автобус добирался до Москвы, она хранила независимое молчание. Но когда на остановке я помахал ей на прощание рукой и сделал вид, что ухожу, это ее все-таки проняло.

— Эй... — Она попыталась придать голосу насмешливые интонации, но получилось почти жалобно. — Ты что же, вот так бросишь меня?

— Запросто. — Я остановился, но не потрудился обернуться. — Слушай, я иногда помогаю людям решать проблемы. Мне это не то чтобы нравится, просто такая работа. И я делаю ее не бесплатно. Но сильно сомневаюсь, что у тебя есть, чем заплатить.

— Я... — Девчонка запнулась, но гордость взяла верх, — Ну и проваливай!

— Впрочем, — продолжал я, словно разговаривая сам с собой, но вполне отчетливо, чтобы меня было слышно, — у тебя есть кое-что, чем бы ты могла заплатить мне...

— Что?! Да пошел ты!

— М-да... — протянул я. — Откуда у тебя такие мысли? Такая молодая, а уже такая испорченная!

— А ты... а че, ты не хочешь?! — Парадоксально, но мои слова ее, кажется, обидели.

— Да нужны мне твои кости! И вообще, я никогда не пользуюсь тем, что женщина зависит от меня, чтобы затащить ее в постель. Делать так — себя не уважать. Слушай... Мы с тобой случайно вляпались в одно... гм... случайно оказались в одной лодке. Тебе нужна моя помощь, мне может пригодиться твоя. Но для этого мне нужно доверять тебе. И чтобы ты доверяла мне.

— Дове... да о чем ты вообще?! С чего это я буду доверять первому встречному?! Да еще с такой рожей, как у тебя?! Не обижайся, но человеку с такой странной физиономией я доверюсь в последнюю очередь, если че!

Я мысленно застонал и посмотрел в ночное небо.

«Ну вот, и что мне делать? Ты, мудрая богиня, живущая тысячи лет и повидавшая неизмеримо больше меня, что скажешь?»

«А вот намекать женщине на ее возраст вообще неприлично!»

«Ну хватит, Хайша. Дело-то серьезное. Эта упрямая глупая девчонка может стоить мне шкуры. И тебе за компанию».

«Можно подумать, ты и впрямь спрашиваешь у меня совета! Когда я тебе даю умный совет, ты всегда делаешь все с точностью до наоборот!»

«Нет, ну я серьезно! Что мне делать?»

«Дай ей денег на метро, поезжай домой и забудь об этой встрече!»

«Отлично!»

Я обернулся и посмотрел девчонке в глаза:

— Слушай, мелкая! Я постараюсь тебе помочь. Я сделаю все, что в моих силах, но при одном условии — ты будешь говорить мне только правду. Если я хоть раз поймаю тебя на вранье, будешь дальше выкручиваться сама. Если че.

Ретроспектива

Шестой год правления Аменхотепа IV, Уасет

— Учитель! Учитель!

Жрец храма Амона невольно вздрогнул, бережно положил глиняную табличку на стол. Долгие прожитые годы уподобили руки жреца рукам мумии. Увы, вместе с мускулами из тела изошла и сила. А табличку эту писцы еще не успели переписать, она — единственная. Не допусти Амон, выскользнет из немощных пальцев — и разлетятся мудрые слова по полу глиняной пылью! Лишь удостоверившись, что бесценные записи в безопасности, жрец обернулся к тяжело дышащему за спиной ученику.

— Сын раба и блудницы! — взревел он, давая выход злости и на глупого мальчишку, и на собственную слабость и испуг, — Ты обезумел совсем, вот так врываться в храм?!

Мальчишка растянулся на полу, запоздало бормоча положенные слова. Жрец махнул рукой:

— Встань. И объясни, из-за чего ты прибежал и ревел, как больной осел?

— Вода, учитель!

— Что «вода»? Говори толковее!

— Вода стала кровью! — захлебываясь новостью, затараторил мальчишка. — Тот пророк! То есть не пророк! Тот... из племени рабов! Все, как он говорил! Вода стала кровью!

Жрец поднял руку, останавливая поток бессвязных воплей мальчишки. Медленно вышел на балкон. Теперь он осознал, что уже некоторое время извне доносится отдаленный шум толпы. Вот оно что. Начали сбываться пророчества. Впрочем, какие, к Анубису под хвост, пророчества?! Жрец и сам мог бы заранее предсказать и отравленные воды, и тучи, заслонившие солнце на многие дни. Еще когда храмовый служка передал ему рассказы прибывших из-за моря купцов. Те, пьяные от счастья, что уцелели, рассказывали об извергающей огонь скале, которую видели по пути в Кемт. Уже тогда старый жрец знал, чего ожидать. И ничего не мог изменить.

Знать о грядущей беде и не иметь возможности ее предотвратить — печальная участь.

Прекрасный Уасет был охвачен паникой. Со стены храма старик видел, как мечутся по улицам фигурки людей, сталкиваются, падают. Кто-то уже тащит тележки со скарбом — бегут из города.

Только куда им бежать? В леса континента, где у диких племен всегда наготове острые копья для незваных гостей? В пустыню?

Когда взорвется вулкан, многие погибнут. Вода, еда, сам воздух будет отравлен. Гигантские волны захлестнут побережье, обрушатся старые дома. Больше всего людей умрет просто от страха — как всегда.

Но если покинуть города, погибнет куда больше людей: старики, дети, больные — все те, кто не смогут долго выносить жизнь бездомных изгнанников. Потому и молчит старый жрец. Хотя его, несмотря на дряхлость, одного из немногих спасло бы бегство из окутанного дымом Кемта. Светильники в храме давали достаточно теней, чтобы поддерживать существование мага, но только тень от живого Солнца могла вернуть ему силы.

Увы, теперь на многие дни небо над Кемтом будет затянуто тучами вулканического пепла... Юный фараон, давно мечтающий свергнуть старых богов, не упустит такой шанс. Люди боятся больше никогда не увидеть Солнце? Они гадают, чем прогневили его? Аменхотеп возведет на фундаменте этого страха величественный храм для своего божка — Атона, образ которого — солнце с множеством рук — будет понятен и близок даже крестьянину. «Молитесь Солнцу и надейтесь, что вновь увидите его» — так скажет фараон и примет новое имя, «Эхнатон». Он назовет Атона единственным истинным богом и обречет жрецов других храмов на изгнание или смерть.

Жрец храма Амона отчетливо видел будущее Кемта в тенях храмовых светильников. Не мог увидеть лишь собственной судьбы. А значит, нужно спешить перенести на камень знания о магии Тени, чтобы не пропала мудрость, накопленная за долгую жизнь.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Человеку свойственно надеяться на лучшее. Пусть суровая реальность раз за разом обрушивает возведенные на песке замки, надежда продолжает теплиться даже в самой пессимистичной душе.

В моей вполне пессимистичной душе, например, теплилась надежда отвезти спасенную девчонку в контору и в спокойной обстановке выяснить, кому я перебежал дорожку. Алекс в эту идиллию никак не вписывался — в силу безалаберного характера и болтливости языка.

Увы, мои надежды в очередной раз оказались разбиты — судя по горящему в окнах свету, Алекс успел вернуться в контору раньше нас. И можно было с уверенностью предположить, что заночевать он собирается на рабочем месте. В последнее время вялотекущая конфронтация между Алексом и Марго, его супругой, опять перешла в стадию обострения и вот-вот грозила перерасти в локальную термоядерную войну. Если отбросить в сторону корпоративную солидарность и мужскую дружбу, приходилось признать, что Алекс — болван и сам полностью виноват в своих проблемах. Любящая женщина способна простить мужу невнимательность, хроническое безденежье и даже перманентный кобелизм. Но не все же сразу!

Постоянно общаясь с Алексом уже много лет, я искренне считал Марго святой. Ее терпение меня неизменно поражало, но в последнее время, видимо, даже оно иссякло — мой напарник все чаще оставался ночевать в конторе, благо у нас целых три комнаты. Одна — проходная — служит приемной, во второй из соображений экономии живу я, а третья используется для разных целей: в качестве склада, лаборатории или, например, временного укрытия для важного свидетеля. Вот уже несколько недель подряд, с перерывами в два-три дня максимум, в ней укрывался от жены Алекс. Даже домашние тапочки завел.

— Извини, я надеялся ввести тебя в курс дела до того, как ты познакомишься с Алексом. — Я развел руками. — Видимо, не судьба. Запомни главное: как только он тебя увидит, сразу распушит перья. Хвост у него хоть и потрепанный, но вполне еще павлиний.

Не вздумай принять его заигрывания всерьез, этот Дон Жуан влюбчив, как мартовский кот, и уровень морали у него примерно такой же. Но в остальном он неплохой мужик, ты его не бойся...

— Я никого не боюсь! — немедленно вздернула нос девчонка.

— Угу, — буркнул я, не желая втягиваться в бессмысленный спор, открыл входную дверь и посторонился, пропуская гостью вперед.

— И-и-и! — завизжала девчонка и мгновенно оказалась у меня на руках..

Ми-ми, вышедший нас поприветствовать, от неожиданности выпустил струю горячего пара и попытался спрятаться под вешалку, не поместился, свалил хлипкое сооружение и, окончательно обезумев от страха, повизгивая, скрылся в глубине квартиры. На смену ему — а как же, ведь прозвучал женский голос! — выскочил Алекс, на миг остолбенел, после чего стал судорожно кутаться в трогательный халат, расшитый мишками. Забытый одной из бесконечного множества пассий Алекса, халатик доставал напарнику лишь до середины бедер. На лестничной клетке за моей спиной послышался скрежет и лязг многочисленных затворов, и я успел лишь тоскливо пробормотать:

— Только не сейчас!

— Гражданин Фокс!

Я обреченно повернулся к соседке лицом:

— Да, Едвиги Константиновна?

— Вы... Вы... Потрудитесь объяснить!

— В чем?! — Я бы развел руками, но они были заняты. — Поверьте, я не хотел шуметь! Вешалка рухнула совершенно случайно.

— Ваше поведение! Что за бесчинство вы собираетесь учинить с этим ребенком?!

— Я?! Как вы могли такое подумать обо мне?! — вполне искренне возмутился я. — Ладно бы еще про Алекса! Но я-то никогда не давал малейшего повода усомниться в моем полном благочестии!

— Тем не менее девочку на руках держите вы, гражданин Фокс! — непримиримо нахмурилась Едвиги Константиновна. — Да и гражданин Рейнард, как я вижу, присутствует, причем в виде, не допускающем разночтений!

— Но... — Когда соседка начинает обращаться ко мне «гражданин Фокс», мне в ее голосе чудится лязг ружейных затворов, и я невольно теряюсь. Даже боюсь представить, где и кем она работала до пенсии.

— Папа хочет сказать, что вы совершенно неправильно поняли ситуацию! — неожиданно подала голос девчонка.

— Папа? — Соседка подозрительно на нее уставилась, — Не знала, что у... Виктора Олеговича есть дети.

— Э-э-э... о-о-о... — Я заткнулся, не в силах вот так сразу осознать стремительное изменение своего семейного положения. Впрочем, девчонка прекрасно справлялась сама.

— А я с мамой живу в Питере! Родители давно развелись, и когда папа хотел меня увидеть, он всегда сам приезжал. А сейчас я к нему на каникулы приехала — очень хотелось Москву посмотреть! Мы гуляли, папа показывал мне город. И вот, как назло, я ногу подвернула... Папе пришлось меня на руках нести. А тут вешалка упала, я так испугалась!

Она произнесла свой монолог так искренне, с такими наивно-убедительными интонациями, что даже я засомневался, а нет ли у меня и в самом деле бывшей жены в Питере? Но я — это я, а закаленная регулярными боями с разносчиками рекламы Едвиги Константиновна — совсем другое дело. Тем не менее дальнейших гневных изобличений моего распутного облика не последовало. Соседка смирив подозрительным взглядом меня, потом Алекса и захлопнула дверь. Слушая, как гремят в обратной последовательности замки, я перевел дух и наконец вошел в квартиру.

— Какие неожиданные вещи приходится узнавать о старом друге! — воскликнул Алекс, когда я протиснулся мимо погибшей вешалки, опустил на пол девушку и запер за собою дверь. — Ты никогда не говорил, что у тебя есть взрослая дочь! Да еще такая... гм...

оригинальная.

— Что это был за крокодил? — поинтересовалась «моя дочь».

— Что? Эй! Нехорошо так говорить про пожилую женщину!

— Да я не про соседку! — отмахнулась девчонка, подозрительно оглядывая квартиру. — Я про чудовище, которое вешалку повалило! Оно еще паром плевалось! Что это было?

— Это... будет трудно объяснить, — вздохнул я. — Вообще-то его тут не должно было быть. Алекс, я же просил...

— А я тут при чем? Я уходил всего на полчаса, оставил в двери записку с просьбой подождать. Записку никто не трогал... ну, кроме Едвиги, конечно, — сообщил Алекс. — Хозяин Ми-ми так и не явился. Да и новый клиент тоже. Я был вынужден весь вечер провести в компании этой твари!

— Значит, придет завтра, — развел я руками. — Он клиент, он может себе это позволить. И вообще иди оденься, выглядишь, как звезда шоу трансвеститов.

— Я бы с радостью! — взвился Алекс. — Но когда я вернулся домой, этот урод опять набросился на меня и повалил. Тебя не было, оттащить его было некому, и он не успокоился, пока не обслуживал всю одежду. Пришлось стирать. Вот жду, пока высохнет.

— Похоже, это любовь! — хмыкнул я. — Не думал, что когда-нибудь скажу это, но... можешь взять мои джинсы. Твои коленки не настолько сексуальны, чтобы выставлять их напоказ.

— Твои джинсы он сожрал! — невесело сообщил Алекс. — И кеды!

Мне только показалось, или в его тоне явно звучали мстительные нотки?

— Черт...

— Да что это такое было?! Вы мне собираетесь хоть что-то объяснить?! — встряла в наш разговор девчонка.

— Это кто такая, кстати? И что у нее с головой?! Малышка, твой бойфренд увлекается граффити, а тебя использует в качестве кисточки? Бедная девочка! Сочувствую!

— А что у тебя с ногами?! — презрительно сощурилась девчонка. — Тебе их в детстве сломали, и они так криво срослись? Бедненький! Сочувствую!

— Виктор?! Кого ты к нам привел?! Ей не нравятся мои ноги! Всем женщинам нравятся, а ей...

«А она права! Вообще-то у Алекса ужасно кривые ноги!»

«Хайша... ты меня убиваешь!»

«Нет, я к тому, что обычная девушка этого заметить не может. Но это не теневое зрение».

«Обычная, не обычная... Впрочем, наверное, ты права. Мою рожу она тоже назвала странной».

Боги! Как же я устал! Я проковылял к своему любимому креслу и шлепнулся в него, задрав на стол ноги, обутые в классические туфли. До чего же уродливая обувь! Но кеды с костюмом не наденешь...

Проклятье! Мне же теперь ходить в костюме, пока не доберусь до ближайшего секонд-хенда! Ненавижу костюмы!

Я поднял глаза на девчонку, кивнул в сторону дивана:

— Садись.

— А вдруг это чудище под ним прячется?

— Оно тебя не тронет, — попытался взять реванш Алекс. — С такой встроенной сиреной ты можешь вообще ничего не бояться.

— Сиреной?! Ах ты, надутый индюк!

— Наглая мартышка!

— Все! — Я стукнул кулаком по подлокотнику кресла. — Заткнулись оба! Значит, так...

Но продолжить не успел — девчонка увидела Паштета, все это время с буддистским

безразличием наблюдавшего за шумными людьми.

— Ой! Неко! — Кот попытался спастись бегством, но слишком поздно осознал грядущую ему опасность. — Какой няшечка! Какой толстопузечный! А-а-а! Кто это у нас такой толстопузечный?!

Паштет обреченно обвис в ее руках.

— Как его зовут?

— Паштет.

— Почему?! Какое ужасное имя!

— Почему ужасное? — Алекс пожал плечами. — Имя как имя.

— Вы ничего не понимаете! Неужели вы правда не понимаете?! Ну как же так?! Почему вы не понимаете?! Это ужасное имя для кота!

— А он больше ни на какие имена не реагирует, — хмыкнул я. — Мы его по-всякому звать пытались — никаких эмоций. А стоит даже шепотом позвать: «Паштет», как он сразу примчится хоть с другого конца квартиры. Уж очень паштет любит... Да оставь ты его. Нам серьезно поговорить надо.

— Он мне не мешает. Ну?

Девчонка уселась на диван, не выпуская кота из рук. Впрочем, Паштет и не пытался вырваться, видимо, решив философски воспринимать происходящее.

— Меня зовут Виктор Фокс. Знакомые обычно зовут Виком или Фоксом. Мне плевать, зови, как тебе удобней. Я — частный детектив. Этот красавчик, неудачно косящий под шотландца, мой напарник. Его зовут Алексей Рейнард.

— Для друзей — Алекс!

— Не советую заводить с ним дружбу. В понимании Алекса дружба мужчины и женщины проверяется в постели.

— Спасибо, папочка!

— Эй, а ты ей не отец случайно на самом деле? — осторожно поинтересовался Алекс. — А то я замечаю некоторое сходство.

— Нет. Просто не хочу дополнительных проблем... Итак, твоя очередь.

— Ну... меня зовут Женя. Евгения Мелихан. Но зовите меня просто Женя.

Я выждал с минуту, но продолжения не последовало.

— Восхитительная лаконичность! Обстоятельства нашего знакомства подсказывают мне, что ты не «просто Женя». Давай-ка более подробно. Начни с того, почему тебя похитили?

— Ладно. Думаю, дело в том, что я — гений.

— Мило. Скромно и со вкусом! — прокомментировал Алекс.

Я укоризненно посмотрел на напарника:

— Заткнись! Тебя разве не учили, что с психами не спорят!

— Я серьезно! — обиделась Женя. — Я... Ладно, только это секрет! Я — Призрак!

Алекс вопросительно посмотрел на меня. Я ответил таким же недоуменным взглядом.

— Вы че? Хотите сказать, не слышали о Призраке? Блин, вот повезло же нарваться на реднеков! Что такое Интернет, вы хоть знаете?

— Ну ты уж нас совсем за деревенщин не держи! — возмутился Алекс. — Конечно, знаем!

— Угу, — подтвердил я, — Эта такая кнопочка на экране моего ноутбука, нажав на которую я бесплатно загружаю на свой компьютер блюз, а мой коллега — порнофильмы... Да шучу я, шучу! Не делай такое страшное лицо. Нам довольно активно приходится пользоваться Интернетом.

— Ну слава Ктулху! — Девчонка театральным жестом утерла воображаемый пот со лба? — Про хакеров, значит, тоже слышали?

— Доводилось. Ты — хакер?

— Ну-у... вроде того, — протянула Женька, рассеянно почесывая Паштета между ушами. — Вообще, терпеть не могу это слово! Сейчас все стали «хакерами». Любой скрипт-

кидци, взломавший хомяка на халявном акке, называет себя хакером. Новости читать просто смешно: там хакеры положили сайт знакомств, здесь хакеры взломали банкомат. Скоро будут писать, что колбасу в магазинах тоже хакеры воруют!

— Значит, ты не ломаешь сайты? — поспешил я прервать распалившуюся праведным гневом девчонку.

— Нет, ну... раньше случалось, — слегка покраснела Женька. — По малолетству тянет хулиганить. Да и тренироваться надо как-то. Но я давно такой ерундой не занимаюсь, если че.

— А какой?

— Что?

— Чем ты сейчас занимаешься? Ведь это из-за твоих талантов тебя похитили, да?

— Ну... наверное, да. Я могу взломать любую базу данных, — не без гордости ответила Женька. — Если к информации в принципе есть доступ, я до нее смогу добраться. Но просто взлом — это ерунда, топорная работа! Я умею собирать крупницы информации, рассеянные по всей Сети, и анализировать их. Иногда мне даже взламывать ничего не нужно — все данные для анализа удается собрать в открытом доступе, просто они не очевидны. А я умею это... ну, чувствовать, что ли. Это не хакерская работа, поэтому я хакером себя и не называю. Я — веб-хантер. И я — лучшая! В Сети все, кому надо, в курсе: если собрался найти «то, непонятно что», обращайся к Призраку. То есть ко мне. Я, конечно, не за все берусь. Есть информация, которую лучше не трогать. Измажешься так, что не отмоешься.

— И все-таки ты сунулась куда не следует?

— Нет... не знаю. — Девчонка пожала плечами. — На самом деле я не понимаю, почему меня похитили. Разве что из-за какого-то давнего дела, чтобы отомстить.

— Вообще-то бессмысленная месть не в привычках серьезных людей...

— Я в курсе. Но это не может быть из-за недавних дел — у меня их просто не было. У меня вообще не было никаких заказов за последние два месяца. Сессия ведь, некогда! А потом каникулы начались, неохота было работать. Как Призрак я вообще в Интернете давно не появлялась. Но меня как-то вычислили... Даже не представляю, как они докопались.

— Это нас приводит к следующему насущному вопросу: кто эти «они»?

— Я не знаю.

— Понятно, — вздохнул я, подумав в этот момент, что доставать при ребенке бутылку и поправлять свои растрепанные чувства хорошей порцией джина будет непедагогично. — Значит, это первое, что нам предстоит выяснить.

— Нам? — Алекс уставился на меня, уперев руки в бока. — Подожди-ка! С какой стати нам в это лезть?

— Ты — настоящий мужик! Халатик тебе как раз впору!

— Пока не знаю, — игнорируя ехидный комментарий Женьки, ответил я, — Если судить по машине и по месту, где мы встретились, наши противники — люди с деньгами и наверняка со связями. Может быть, проще будет отдать ее самим...

— Даже не надейтесь! Я скажу, что все вам рассказала, и вас уберут как свидетелей!

— Это не так просто, как тебе кажется, но ход твоих мыслей мне нравится, — усмехнулся я. — Хорошо, Алекс, не беспокойся, я разберусь с этим делом сам.

— И не в ущерб основным делам!

— Ладно, ладно... А вот и наше «чудовище». Ну иди сюда, не бойся!

Послышалось цоканье копыт, и в комнату опасно заглянул чжуполун. Убедившись, что охотиться на него никто не собирается, Ми-ми облегченно хрюкнул и заковылял к миске с водой. Женька смотрела на него во все глаза.

— Но это... это... что это?!

— Вик, ты в нее заглядывал? — прошептал Алекс.

Я почесал в затылке:

— Конечно. Теневой крови в ней вообще нет, ни капли. Но на нее не действует твоя магия. А еще раньше она сказала, что у меня странная рожа.

— Вик, не обижайся, но рожа у тебя и впрямь странная, без всякой Тени. А вот то, что она чжуполуна видит, — это факт. И я тоже не чувствую теневой крови. Но у нее теневое зрение...

— Так не бывает. Либо она закрывается, либо... А! — сообразил я. — Женя, тебе сколько лет?

— Что? — Все внимание девушки было поглощено чжуполуном. — Восемнадцать... ну, девятнадцать скоро будет. Я только первый курс закончила... Нет, ну правда, что это? Мутант? Вы занимаетесь генетическими экспериментами?

— Значит, восемнадцать? — Алекс покачал головой, — Но это очень много! Обычно в тринадцать-четырнадцать об этом уже и не помнят.

— Случаются отклонения. У меня других вариантов нет.

— Эй! Мне кто-нибудь собирается ответить? — Девчонка требовательно уставилась почему-то именно на меня, — И вообще, о чем вы там шепчетесь?

— Мм... ну как бы тебе объяснить?.. — предпринял попытку Алекс. — Вот ты веришь в чудеса?

— С тех пор как научилась пользоваться фотошопом, нет.

— Тяжелый случай.

— Видишь ли, это действительно трудно объяснить... — Я все-таки сдался, сходил к холодильнику за льдом и тоником, нацедил полстакана джина. Жизнь начала налаживаться после первого же глотка. — Мне придется рассказать тебе про многие невероятные вещи, а тебе придется просто в них верить. Ну или не верить — решать тебе, доказательств у меня нет. Впрочем, одно есть — вот эту тварь ты видеть не должна.

— То есть?

— Это чжуполун — существо, которое большинство людей считает вымышленным. Точнее, вру — большинство людей про такое существо даже не слышали. Сейчас мало кто интересуется историей, тем более историей так называемых суеверий. Раньше про дракона-свинью знали только в Китае, там вокруг него накрутили много всяких мифов. А у нас они появились недавно — любители экзотики привезли буквально пару экземпляров. Так вот, из тех, кто хотя бы слышал про чжуполунов, большинство считает их вымыслом. И, окажись они в этой комнате, увидели бы вместо Ми-ми большую уродливую собаку, или крокодила, или еще что-то, но только не свинью, покрытую панцирем и с драконьим хвостом. Сработали бы защитные механизмы психики, и обычные люди просто не смогли бы увидеть его. Даже если бы я совал им чжуполуна под нос, заставил погладить и почувствовать под рукой чешую, они бы были уверены, что их каким-то образом обманывают. Чтобы увидеть чжуполуна таким, какой он есть, человеку необходимо обладать теневым зрением.

— И я обладаю таким зрением? Вау! — Женя обвела комнату напряженным взглядом, видимо, ожидая увидеть толпу других странных существ. — А больше у вас никого нет?

— Только Паштет. Но он — самый настоящий кот, — Я сделал себе еще джин-тоник и вспомнил о правилах гостеприимства. — Хочешь чаю или молока? Извини, еды не предлагаю — чего нет, того нет.

— Я не голодная, — отмахнулась Женя. — Так, значит, я обладаю теневым зрением?

— Нет. Иначе ты увидела бы... мм... впрочем, неважно. Я думаю, у тебя сохранилось истинное зрение.

— Истинное? Это круче, чем теневое?

— Хм... Никогда не сравнивал, — признался я. — Дело в том, что истинным зрением обладают только дети. Становясь взрослее, человек утрачивает эту способность.

— Почему?

— Как бы это объяснить... — Я отпил глоток и стал разглядывать бокал на просвет. — Представь себе, что ты смотришь на мир из окна. Через стекло. В раннем детстве стекло твоего восприятия чистое, и ты видишь мир таким, какой он есть, без искажений и оценок. В этом мире удивительные краски, странные существа, непонятные события, которые замечаешь только ты. С каждым годом это стекло покрывается все новыми слоями пыли —

это те представления о мире, которые тебе внушают родители, воспитатели, учителя, друзья, прочитанные книги и просмотренные фильмы. Ну вот, представь себе, маленький ребенок видит некое существо на четырех ногах, покрытое шерстью. С хвостом. Он понятия не имеет, что это за существо. Родители говорят ему: «Это собачка! Видишь? Собачка говорит гав-гав!» Понятное дело, что слово «собачка» — просто набор звуков. И уж тем более ни одна собака на свете не говорит «гав-гав». Но после многократных повторений в голове ребенка навсегда совмещаются образ четвероногого существа, которое он видел, слово «собака» и то, что она лает. В дальнейшем эта матрица неосознанно накладывается на все, что более-менее похоже на ту первую собаку. Постепенно скапливается набор матриц — «собака», «кошка», «лошадь» и так далее, — обозначающих реальных существ. И набор матриц — «дракон», «чудовище», «леший» и тому подобное — существ нереальных. Когда человек видит существо нереальное, разум в целях самозащиты подменяет эту матрицу другой — матрицей существа реального. «Ох, что это?! Дракон?! Этого не может быть! Драконы не существуют! Это просто странной формы облако!» Это грубый пример, но в целом система действует именно так. Каждое навязанное описание или оценка — одна из пылинок, искажающих представление о мире. Постепенно стекло становится таким мутным, что ты видишь не сам мир, а его искаженную карикатуру. Краски потускнели, а феи и гномы перекочевали на страницы книг. Поскольку эта «пыль» — сумма общих усредненных представлений о мире, она примерно совпадает с тем, что видят остальные. Более того, если тебе каким-то образом удастся стереть эту «пыль», окружающие перестанут тебя понимать и сочтут сумасшедшей. Впрочем, это редко кому удается.

— Но я... я ведь не стирала никакую «пыль»!

— Просто тебе удалось каким-то чудом сохранить свое «стекло» относительно чистым, — развел я руками. — Могу предположить, что в детстве родители не особо занимались твоим воспитанием, большую часть времени ты была предоставлена сама себе. Ты одиночка, друзей у тебя нет...

— Не надо предполагать! — вспыхнула Женя. — Тоже мне, доктор Фрейд! Я тебя поняла, достаточно!

— Ого! — усмехнулся Алекс, — Нет, правда вы точно не родственники?

— Заткнись! — Я сделал вид, что собираюсь метнуть в Алекса стакан. — В общем, на твоём «стекле» явно меньше «пыли», чем должно быть у нормального подростка. Потому ты и увидела истинный вид Ми-ми. А также — мой и Алекса. Наверняка тебе и раньше случалось видеть такое, чего вроде бы не бывает?

— Ну допустим, — кивнула Женя. — А чем это отличается от теневого зрения?

— Чтобы объяснить, нужно сначала ввести понятие Тени, — сообщил я, вновь доставая из тумбочки бутылку джина, — Ты не будешь так любезна принести из кухни тоник и лёд?

— Я пошел спать, — зевнул Алекс. — Если Виктор начал вворачивать светские выраженьица, значит, разговор затянется. А всю эту философскую дребедень я слышал уже тысячу раз и ни разу не осилил дослушать до конца. Вик, не забудь, у нас завтра вечером важное дело. Спокойной ночи!

— Проваливай! — без особого сожаления напутствовал я напарника. Пояснил для Женьки: — Алексу повезло. В нем есть теневая кровь и ему плевать на теорию, все, что нужно, он ощущает спинным мозгом.

— Теневая кровь? — подалась вперед Женька. — Что это значит?

— То, что он не человек.

— Хочешь сказать, линуксойд?

— Кто?

— Ладно, проехали. Так что это за теневая кровь?

— О... Ну я же говорю, сначала надо пояснить, что такое Тень. Слушай, ты точно не хочешь чаю?

— Нет, а вот от коктейля не откажусь.

— Маленькая еще!

— Не настолько, — отрезала наглая девчонка, завладев моими припасами и делая себе джин-тоник. — Если нам дальше работать вместе, относись ко мне как к равной.

— Ну твои проблемы, — вздохнул я. — Не мне кидать в тебя камень... Так о чем мы? А! Как ты знаешь, при малейшем освещении у всех видимых предметов появляется тень. Но далеко не все знают, что эта физическая тень порождает тень, так сказать, метафизическую, или Тень с большой буквы. Тень — полноценный мир, но зависящий от нашего. Впрочем, тот мир, который мы привыкли считать единственным реальным, тоже зависит от Тени. Если спилить дерево в нашем мире, то исчезнет его тень. Если в мире Тени воздействовать на тень этого дерева... впрочем, вот это как раз сложно и доступно только сильным магам. Наши миры взаимно проникают и влияют друг на друга. У всего существующего в этом мире есть свое воплощение в мире Тени. Теневое зрение позволяет видеть это воплощение.

— Я своим зрением не могу видеть Тень? Да?

— Не можешь, — кивнул я. — Зато ты можешь видеть истинный облик существ и явлений. Исходный, свободный от примесей. Но теневые облики от тебя скрыты. Ты увидела, извини, кривые ноги Алекса, но не увидела его теневой облик. И мое лицо показалось тебе только лишь странным. Теневой облик... мм... как бы это объяснить? Он еще сильнее искажен по сравнению с истинным. Как тень выглядит сильно искаженным отражением предмета. Но это искажение не произвольное — оно раскрывает внутреннюю суть. Хотя, понять, что именно видишь, бывает довольно сложно.

— Но ведь жопа... чжупа... свинодракона-то вашего я вижу!

— Потому что это его истинный вид. В Тени он, впрочем, выглядит почти так же. Животные имеют тот же вид в Тени, что и в нашем мире. Они ведь не умеют скрывать свою истинную суть.

— Значит, теневое зрение все-таки круче! — заключила Женька и закручинилась. Паштет ободряюще мявкнул и начал тереться мордой о ее щеку. — Это несправедливо!

— Вот, блин! — расстроился и я. — А ты представь, сколько на свете людей не имеют ни теневого, ни истинного зрения! Им-то каково?!

— Да уж! — согласилась Женька, делая еще по коктейлю. — Кошмар!

— Нет, ты не представляешь! — погрозил я ей пальцем, — Вот я это знаю точно. А еще хуже, когда обретаешь теневое зрение неожиданно! Сначала мозг вообще заклинивает. На своей шкуре испытал. И вот что я думаю: хорошо, что у большинства людей «стекло» «пыльное». Не так уж и здорово видеть этот мир таким, какой он есть на самом деле.

— погоди, погоди, — уцепилась за мои слова девчонка. — Так теневому зрению можно научиться?

— Научиться можно, конечно, но при очень сильном везении. Почти невероятном. А вообще, маги давно придумали амулеты, позволяющие людям без теневой крови видеть Тень.

— Серьезно? — У девчонки загорелись глаза. — А мне можно достать такой амулет?

— Надо поговорить с Ивором. Это быстро не делается... Слушай, давай-ка спать, а? Уже два часа ночи, а нам завтра предстоит тяжелый день!

— Почему?

— Потому, сестренка, что мы на двоих выпили почти литр джина.

Я знал это обманчиво легкое состояние, когда тело кажется невесомым и очень ловким, но почему-то за все цепляется и опрокидывает окружающие предметы. Будь я один, еще пара стаканчиков джин-тоника последовала бы обязательно, гарантированно отправив меня в нокаут без сновидений. Однако при Женьке мне было неловко напиваться.

«Ну хоть какая-то польза от нее есть!» — услышал я ворчание Хайши, перед тем как заснуть.

А потом как-то сразу настало утро.

Умные люди говорят: утро добрым не бывает. Особенно это справедливо, когда утро начинается с телефонного звонка. Хорошо еще, что я положил телефон на пол рядом с кроватью. Не из какой-то особой предусмотрительности, просто вчера, раздеваясь, я

выронил его из кармана брюк и не рискнул наклониться, чтобы поднять. Зато сегодня мне не пришлось вставать и даже открывать глаза, чтобы нащупать мерзко пиликающий аппарат и прохрипеть:

— Фокс слушает.

— О-о-о, брат, — раздался в трубке отвратительно бодрый голос, — ты, что же это, еще спишь?

— Уже не сплю, — проворчал я. — Благодаря тебе.

Игоря Дэнбеева, в байкерских кругах больше известного под кличкой Хафиз, я знал еще с институтских времен. Точнее, со вторых моих институтских времен, когда я, вернувшись из армии и отчетливо осознав бесперспективность моего искусствоведческого образования, решил стать дипломированным управленцем. С Игорем, поступившим в университет после срочной службы, нас объединяло то, что оба мы были гораздо старше основной массы однокурсников и интересы у нас были куда более взрослые. Меня вчерашние школьники вообще видели только во время сессий — чтобы оплачивать второе высшее, мне приходилось работать больше, чем учиться. Игоря же они считали «тормозом». Такой вывод, сделанный с присущей юности безапелляционностью, был, конечно, ошибочным. Достаточно было задуматься, а как это «тормоз» умудряется гонять на литровом спортивном мотоцикле? И как получается, что у «тормоза» четвертый дан в кэмпо? Уже тогда Игорь имел право руководить школой и называться красивым словом «сэнсэй», но ему было плевать. Он предпочитал свободу. Любовь к свободе и мотоциклы объединяли нас: когда два человека ездят на байках, им всегда найдется, о чем поговорить.

Но, блин, не в семь же утра!

— Не стоит благодарностей, — ничуть не смутился от моего мрачного тона Игорь. — Кто рано встает...

— Тот всех достает! Ты чего хотел-то?

— Во-первых, это не я хотел, это ты хотел — новые тормозные колодки. Так вот, они у меня есть. Вчера приехал человек из Владивостока, привез.

— Колодки... — протянул я. — Колодки — это, конечно, хорошо. Но я не знаю, будут ли у меня деньги в ближайшее время. По идее, должны быть, но сам знаешь, как бывает...

— Фокс, ядрен батон, мы с тобой сколько знакомы? Будут деньги — хорошо, не будет денег — поставим так. Я же знаю, что ты обязательно отдашь! Так что я тебя жду.

— Только не сегодня! У меня куча дел в разных концах города, не смогу.

— Ну не сегодня, так завтра или послезавтра. Не затягивай — с тормозами не шутят!

— Я это знаю лучше, чем кто-либо, — проворчал я. — Ладно, спасибо за колодки!

— Не за что! Жду!

Я бросил трубку на постель и попытался открыть глаза.

Как нетрудно догадаться, я оказался пророком.

Вернее, полу пророком, поскольку мое предсказание сбылось лишь наполовину — в том, что касалось лично меня. Женька, судя по жизнерадостному пению и какой-то возне, доносившейся из приемной, пребывала в отличном расположении духа, и ее вызывающая бодрость усугубляла мои моральные и физические мучения. Нет, я искренне считаю свой возраст самым лучшим для мужчины, но вот в такие дни вынужден признать, что и у молодости есть свои плюсы.

Впрочем, если вспомнить, я ведь и выпил намного больше!

Я наскоро причесался, поискал джинсы, выругался, вспомнив про их безвременную кончину в пасти Ми-ми, натянул брюки с рубашкой и попытался повязать галстук. Через пять минут мучительной борьбы с этой удавкой осознал, насколько же ненавижу костюмы и все, что с ними связано! Справившись, сообразил, что сначала следовало бы побриться. Распутывая галстук, сочинил несколько новых ругательств.

Вяло помахав рукой Женьке, подметающей пол, добрал до ванной и пустил воду. С опаской заглянул в зеркало. М-да... Из зеркала на меня смотрел помятый громила, на небритом лице которого читалась приверженность всем порокам большого города. Как там

изволила выразиться госпожа Барановски? «Не слишком умный, но хитрый, грубоватый, но обаятельный, свойский парень с окраины...» Да уж, припечатала — так припечатала!

Вспомнив о Еве, я сумел вывести себя из апатичного созерцания зеркала: предстояло найти типа, который согласится сыграть католического священника, составить сценарий и подготовить реквизит. Но сначала предстояло хотя бы побриться.

Через полчаса усилий под ехидные комментарии Хайши я вернулся в приемную чисто выбритый и всего с несколькими порезами на лице. Женька закончила подметать и сидела за моим столом, точнее, на моем столе, скрестив ноги по-турецки, мало того — с моим ноутбуком на коленях. Плюс к этому в руке она сжимала кусок пиццы, а на столе рядом с ней дымился полулитровый бумажный стакан с кофе.

— Зальешь клавиатуру — убью! — мрачно подытожил я эту идиллическую картину.

— И тебе доброго утра! Хочешь кофе?

— А есть?

— Угу. Я на тебя тоже заказала. — Женька протянула мне второй стакан, закрытый крышкой, — Пиццу бери.

— Нет, спасибо. — О том, чтобы что-то съесть, даже подумать было страшно. — А где Алекс?

— Убежал куда-то на рассвете. Я еще спала.

— А откуда тогда вся эта роскошь?

— К твоему сведению, еду можно заказывать через Интернет, — усмехнулась Женька. — И не только еду.

— Это я знаю. Но вчера у тебя не было ни копейки. Даже билет на автобус я тебе брал.

— Потому что за проезд нельзя расплатиться электронными деньгами. — Женька оторвала взгляд от экрана, — Вик, я же тебе вчера объяснила: я очень хороший специалист, известный в определенных кругах. У меня есть деньги. Просто я не привыкла носить с собой наличные. А ноут и телефон у меня этот урод отобрал. Хорошо еще, что я на харде ничего важного не храню.

— Плохо, — нахмурился я, отпив кофе. — Нет, кофе-то вполне ничего. Я про то, что ты пользовалась счетом. Раз на тебя открыт сезон охоты, могут следить за твоими финансовыми операциями. Конечно, шанс невелик, но нельзя исключать вариант, что сейчас курьера этой пиццерии уже расспрашивают, куда и кому он возил пиццу.

— Ну ты меня совсем уж за нуба не держи, — одарила меня высокомерным взглядом Женька. — У меня несколько счетов, и все они анонимные. Проследить их связь со мной нереально — я сама схему рассчитывала, за нее любой наркобарон душу бы продал.

— Что ж, придется довериться твоему профессионализму. — Допив кофе, я понял, что более-менее пришел в себя. — У меня дела в городе. Тебе лучше сегодня никуда не выходить.

— Я и не собиралась, — пожала плечами девчонка. — У меня каникулы, если че.

— Вот и хорошо. Двери незнакомым не открывай. Знакомым — тем более. Если вдруг в нашу дверь постучится твоя лучшая подруга, затаись и не подавай признаков жизни. Сама понимаешь, что это значит.

— Угу... А ты куда?

— У меня встреча. Не поверишь — со священником.

Если кто-то уверен, что в Москве можно достать что угодно, пусть попробует раздобыть католического священника. То есть в принципе католические священники в столице есть, но у меня были серьезные основания сомневаться, что предложение изобразить ритуал экзорцизма они воспримут с энтузиазмом. Самым простым выходом было бы пригласить на эту роль безработного и не отягощенного комплексами актера. Увы, далеко не все актеры подходят на роль «типичного священника», о котором мечтала мадам Барановски, и, что еще печальнее, совсем мало шансов, что кто-то из актеров свободно владеет церковной латынью. Вряд ли, конечно, среди друзей актрисы найдутся знатоки, желающие перекинуться со «священником» парой фраз на языке Цицерона, но я давно уже запретил

себе пренебрегать мелочами. Если что-то может пойти вкривь и вкось, именно так и произойдет — таков закон мироздания. Мистификация должна быть настолько правдоподобной, чтобы мадам Барановски никогда — ни через год, ни через десять лет, ни даже через сто — не узнала, что ее обманули. Последнее условие, кстати, вообще заставляло усомниться в целесообразности поручения этого дела профессиональному актеру. Актерская тусовка достаточно тесная, и существует вероятность, что в один не очень прекрасный день Ева лицом к лицу столкнется со «священником» где-нибудь на съемочной площадке.

Поразмыслив над этой проблемой, я вспомнил одного своего знакомого, удовлетворяющего как минимум двум требованиям: он прекрасно знает церковную латынь и умеет проводить обряды. К тому же, при его образе жизни, навряд ли он когда-нибудь еще встретится с Евой и раскроет тайну моей мистификации.

Но есть у него и один существенный недостаток. То есть, я хочу сказать, недостатков у него полно, но именно этот больше всего портит жизнь и окружающим, и самому преподобному пану Замойскому...

— Нет покаяния, — сурово произнес падре, сжимая вытянутой рукой горло противника, — нет и спасения. — Мосластый кулак пана Замойского с глухим стуком врезался в узкий крепкий лоб, будто специально созданный природой для подобных «благословлений».

Я искренне поаплодировал преподобному:

— Хорошая работа.

— Аминь, — вздохнул пан Замойский, оглядывая поле боя. Двое парней с характерной внешностью мелких уголовников лежали неподвижно, третий стонал и пытался сесть, явно не осознавая, что с ним случилось.

В поисках Яна Замойского я всегда шел на звук скандала или драки, и эта методика меня еще ни разу не подводила. Внешность пана Замойского — высокого, тощего, сутулого, с длинными нескладными конечностями, длинным узким лицом, длинным носом, растерянным взглядом голубых глаз и вечно растрепанной седеющей шевелюрой — словно магнитом притягивала любителей легкой добычи. Одежда священника обещала, что добыча не будет сопротивляться, а сильнейший запах спиртного и нетвердая походка — что и не сможет, даже при всем желании.

Преподобного пытались ограбить не реже двух раз в неделю. Из моих знакомых Ян был единственным человеком, которого однажды пытались ограбить три раза за день. Примерно с той же периодичностью его пытались побить совершенно бескорыстно. Есть такой тип людей, в которых вид беззащитного человека вызывает желание поиздеваться над оным. А особенно вид священника, которому вроде как сам Бог велел подставить обидчику вторую щеку. Подвох крылся в том, что пан Замойский весьма своеобразно трактовал Библию и подставлять щеку не собирался. Впрочем, я не помню, чтобы кому-то удалось его ударить хотя бы по одной щеке. Рожденный в семье поляков, эмигрировавших в США из Европы во время Второй мировой, Ян провел свое детство в бедняцком квартале Чикаго. Уроки выживания на улице он усвоил намертво и позже только оттачивал, поскольку выбрал беспокойную стезю уличного проповедника. Сначала он нес Слово Божье бандитам, наркоманам и проституткам в родном городе, потом — в Африке, в Малайзии и много где еще, пока несколько лет назад его каким-то ветром не занесло в Россию. Специфика паствы наложила отпечаток на образ мыслей пана Замойского — преподобный органично совмещал в своих проповедях божественную латынь и ругательства на всех языках мира, без малейших колебаний утверждая постулаты веры кулаками. Теневая кровь позволяла ему творить мелкие чудеса, но он редко и неохотно прибегал к этой своей способности, отчасти из-за того, что религия запрещала заниматься магией, но в основном из-за того, что употребляемое им виски делало результат волшебства непредсказуемым. Увы, про этот недостаток я и говорил: Ян слишком долго жил в тропических странах, где спиртное служило ему защитой от болезней, и превратился в законченного пьяницу.

Надо признать, проповеднической деятельности пана Замойского это не мешало. И

даже придавало его проповедям особую энергичность и убедительность. Но вот для коллег из католической архиепархии в Москве преподобный был настоящей паршивой овцой. После очередного конфликта пан Замойский окончательно расплевался с братьями по вере и теперь пребывал в неопределенном статусе. Стяжательство было ему совершенно чуждо, впрочем, как и элементарная предусмотрительность, поэтому денег у него почти никогда не было. Чтобы оплачивать жилье и виски, Ян брался за любую работу, в том числе и на грани законности — единственный закон, который пан Замойский признавал, были десять заповедей. То, что не было перечислено в этих заповедях, падре искренне считал законным.

«В общем, идеальный вариант для твоего грязного розыгрыша!»

«Рассматривай это как театральную терапию!»

— Сногшибательная вышла проповедь, Ян. — Я кивнул в сторону начинающих приходить в себя гопников.

Ян посмотрел на меня своим фирменным грустным взглядом потерявшейся собаки и осуждающе покачал головой:

— Не смейся над бакланами, Фокс. Они не виноваты, что живут не по понятиям, ведь путь их начался во тьме и невежестве. Вспомни Новый Завет — даже для разбойника оказалось возможным спастись, стоило ему отринуть понты и открыть свое сердце правильному базару. Так и для этих заблудших овец полученное от меня вразумление может оказаться первой ступенью к спасению души и собственных задниц. Кстати, Фокс, не кажется ли тебе знаменательной наша встреча? Ты по-прежнему придерживаешься этой своей ереси?

— Извини, Ян, но у меня нет никакого желания вступать с тобой в религиозный диспут! — Бросив взгляд на все еще пребывающих в нирване грабителей, я невольно поежился. — Да и времени тоже. Я к тебе по делу.

Я кратко изложил падре ситуацию с Ариной.

— Как видишь, мне совершенно необходим священник.

— Хм... — Ян задумчиво почесал длинный, плохо выбритый подбородок. — Все это, конечно, возможно. Но экзорцизм?..

— Да мы не будем никого изгонять, — поспешил я успокоить падре. — Проведем какой-нибудь бессмысленный ритуал. За час работы получим хорошие деньги!

Ян пренебрежительно отмахнулся:

— Хрусты — не главное. Чую, есть в этом неуважение к вере!

— Ничего подобного! Кроме нас двоих, никто и знать не будет, что ритуал не настоящий. Кому наше представление принесет вред? Да никому! Наоборот, мать наконец перестанет переживать из-за вымышленной одержимости дочери. А значит, после удачно проведенного ритуала авторитет католической церкви в глазах хозяйки дома поднимется до небывалых высот. Ты имеешь шанс обратить в веру еще одну душу!

— Думаешь? Хм... Тогда я не имею права упустить этот шанс!

Договорившись с паном Замойским, я немедленно позвонил Еве и обнадежил ее, сообщив, что священник найден и он готов завтра же провести ритуал. Актриса среагировала в своей обычной манере, засыпав меня потоком бессвязных благодарностей, прерываемых спонтанным смехом, но я выдержал это испытание, поскольку в итоге узнал, что на счет агентства уже переведен аванс. Если честно, это было все, что мне хотелось услышать от Евы Барановски. Ее образ все еще волновал меня, но близкое общение с дивой подвергало мои чувства слишком серьезному испытанию. Условившись с Евой, что вечером подвезу необходимый реквизит, я отправился в центр. Сегодня мне предстояло сделать еще два дела, причем оба мне совершенно не нравились. Впрочем, мне вообще редко нравится то, что приходится делать. Сам не понимаю, какого дьявола я до сих пор в этом бизнесе?!

До Воробьевых гор я добрался за полчаса. Мне нужна была знаменитая «сталинская высотка» — главное здание МГУ. Насколько я знал, механико-математический факультет располагался именно здесь.

Стоя у лестницы, я окинул фасад тeneвым зрением. Да-а... В Тени старые постройки,

особенно имеющие насыщенную историю, сильно отличаются от оригиналов. Но здание МГУ могло соперничать даже с такими местами, как Кремль или Останкинская башня! Передо мною высилось нечто, что могло родиться разве что в воображении художника-сюрреалиста, обдолбанного по самые уши «кислотой». Нормальной в теневом варианте главного здания МГУ была только лестница, да и то — ступени ее растрескались, из трещин торчали пучки лиловой травы и какие-то страшненькие растения. Более-менее нормально выглядел и парадный вход — подумаешь, висящие в туманном мареве двери! И не такое доводилось видеть. Поднимаясь выше, туман сгущался и обретал форму... Точнее, с моей точки зрения, бесформенность, поскольку я просто не знаю слов для обозначения того, что видел. Более всего это напоминало застывший взрыв кучи строительного мусора. Впрочем, приглядевшись, я понял, что зависшие в воздухе элементы расположены в определенной гармонии: сплетаясь и уплотняясь, выше они образовывали переплетение бетонных труб и кубов, уходящее в небо. Тысячи маленьких, трепещущих растрепанными тряпочками крыльев созданий — эмофагов — кружились вокруг здания, ныряя в видимые только им отверстия, чтобы через некоторое время вновь присоединиться к общему рою.

— Вольготно им тут. Раздолье...

— Простите? — Я оглянулся. Рядом стоял, тоже наблюдая за эмофагами, старик в поношенной одежде средневекового покроя с привязанным за спиной факелом. Факел был огромный, метра полтора длиной, явно тяжелый — старик пошатывался под тяжестью своей ноши и опирался обеими руками о посох. — Что вы сказали?

— Раздолье для этих тварей, — пояснил старик. — Тысячи молодых эмоциональных студизусов ежедневно переживают сотни тысяч маленьких событий — неверные ответы или честно выстраданные пятерки, дружба, любовь, измена... Вы не поверите, мой друг, ежедневно изрядная часть эмофагов гибнет от обжорства!

— Невероятно! — покачал я головой и перешел на обычное зрение. Мой собеседник оказался подтянутым моложавым мужчиной в стандартном деловом костюме и с дорогим портфелем в руках. — Мы случайно не знакомы? Меня зовут Фокс. Виктор Фокс.

— Возможно... — Мой собеседник вежливо сделал вид, что пытается меня вспомнить. — Увы. Даже если мы раньше и встречались, не могу вас припомнить. Моя память в последние два столетия порядком ухудшилась. Меня зовут Иоганн Экхарт. Конечно, здесь я преподаю под другим именем, но вы ведь тоже человек Тени?

— Как видите, — развел я руками. — Значит, вы преподаете здесь? Это невероятная удача для меня! Мне нужно кое-что узнать об одном из студентов, вернее, студентке. Насколько я понимаю, она учится на первом курсе мехмата.

— Если это будет в моих силах. — Иоганн сделал приглашающий жест, — Идемте! Нет-нет, только не через Тень! Как я понимаю, вы впервые здесь? Уверяю, в этом месте без особой необходимости в Тень лучше не входить. Даже я стараюсь не рисковать, хотя перебрался сюда из Кельна двадцать лет назад. Здание меняется слишком динамично, в нем легко заблудиться и оказаться, например, запертым в шкафу в лаборатории или выйти в реальность метрах в двух над кафедрой прямо посреди лекции. Я не преувеличиваю — были прецеденты! Лучше уж я вас проведу обычным путем.

Благодаря судьбу за столь удачную встречу, я последовал за мастером Экхартом. Он оказался несовременно любезен и не только провел меня внутрь, но и представил секретарше в деканате как своего давнего друга, попросив всячески мне содействовать. Похоже, Иоганн обладал здесь весомым авторитетом: скромность и врожденный рационализм не позволяют мне списать на свое обаяние энтузиазм, с которым девушка взялась мне помогать. Впрочем, может быть, ей просто было скучно?

Уже минут через пять я увидел на экране монитора знакомый курносый нос и оттопыренные уши. Получается, девушка назвалась настоящим именем. Конечно, для опытного хакера влезть в базу данных университета было проще простого, но, к счастью, даже в самых передовых учреждениях у нас до сих пор сохранили добрые традиции бумажных архивов. Я не большой знаток современных компьютерных технологий, но

уверен, что способа залезть в шкаф через Интернет и внести исправления в бумажные документы пока еще не изобрели. Секретарша безропотно отыскиала тоненькую картонную папку. Я мельком просмотрел несколько листков: анкету Евгении Анатольевны Мелихан, справки, копии документов — все то, чем современный человек волей-неволей обрастает с самого детства. Вернул папку секретарше, явно удивленной таким невниманием. Но данные Женьки меня в общем-то и не интересовали. Важен был сам факт наличия этих документов. Даже если предположить, что девчонка готовила внедрение в наше агентство заранее и предвидела мой визит в деканат, ей пришлось поступать в университет по настоящим документам.

«Или она — теневая ведьма! Для действительно сильной ведьмы не составит труда закрыться от теневого взгляда, а уж подделать бумажки — вообще раз плюнуть!»

«Так далеко даже моя паранойя не простирается! Брось! Кому нужна такая морока, чтобы внедрить девчонку в нашу контору? Это же смешно!»

Что ж, можно было успокоиться, Женька именно тот человек, за которого себя выдает: невинный ребенок, настроивший против себя какую-то серьезную криминальную структуру. Я прислушался к своим ощущениям. Спокойствие не приходило.

— А вы знаете, — задумчиво произнесла секретарша, разглядывая анкету, — этой девушкой примерно месяц назад уже интересовались. Ой! А вы тоже из КГБ?!

— Милая девочка, КГБ уже давным-давно не существует, — произнес я строгим тоном, пристально глядя в расширившиеся от сладкого ужаса глаза секретарши. — Так что я никоим образом не могу быть оттуда. Как и предыдущий... гм... визитер. Кстати, он предъявил свои документы?

— Да! — истово закивала головой девушка. — Удостоверение. Бордовое такое!

— Ага, понятно, — вздохнул я. — Раз бордовое, то все в порядке. И что же именно его интересовало?

— Я не знаю. Он просто посмотрел досье, спросил, в какой комнате общежития поселили студентку Мелихан, и ушел.

Еще через час я выбрался на улицу и отправился к метро, размышляя попутно о странностях человеческой психологии. Ни секретарша, ни соседка Жени по комнате никогда не имели дела с грозной организацией под аббревиатурой КГБ. Они и Советский Союз-то застали в столь раннем детстве, что никаких внятных воспоминаний о тех временах не сохранили. Тем не менее некий самозванец с «корочкой» (подозреваю, купленной в ближайшем сувенирном ларьке) напугал обеих девушек одним лишь упоминанием трех знаменитых букв. И те выложили «комитетчику» все, что знали о Жене.

Впрочем, я пошел тем же путем, грех было не воспользоваться такой наивностью. И, замечу без ложной скромности, мне даже не понадобилось поддельное удостоверение.

Кто именно интересовался Женей, выяснить не удалось. Девушки достаточно подробно описали мне визитера, а Женькина соседка даже набросала примерный портрет. Рисовала она неплохо, да и лицо у «комитетчика» было, как с плаката советских времен, прославляющего доблестную милицию. Или доблестных пожарных. Или доблестных сталеваров. Эдакое идеализированное лицо строителя социализма. Если встречу его, узнаю сразу. Только вот какова вероятность случайно встретить нужного человека в Москве? Даже когда преступника ищет по портрету милиция, шансов немного — разве что случайно задержат для проверки документов и найдется внимательный милиционер с хорошей памятью. При этом отпущенные усы или кардинальное изменение прически в разы уменьшают шансы быть узнанным. А я ведь даже не мог размножить портрет и развесить его по отделениям милиции.

Но кое-что любопытное я все же узнал. Самозванец тоже не интересовался личными данными Женьки. Секретарша потому и вспомнила о нем, что тот — точь-в-точь, как я, — пролистал дело и вернул, даже не читая. Меня биография Женьки не интересовала по понятной причине — я в любой момент мог узнать нужные подробности от нее самой. А «комитетчик»? Получается, он знал про студентку Мелихан все необходимое еще до визита в

деканат. И интересовало его только одно — где сейчас можно ее найти. Что мне это дает?

А черт его знает. Можно предположить, что это кто-то из знакомых девушки. Но также возможно, что «комитетчик» просто уже получил всю необходимую информацию в другом месте. Где? Да хотя бы в школе, где училась Женька. По-хорошему, следовало бы сейчас съездить в Питер, чтобы выяснить на месте, интересовался ли кто-нибудь биографией Евгении Мелихан и кто это был. Но Алекс меня убьет, если я так сделаю. Сегодня вечером у нас работа по важному заказу, а завтра я должен заняться «экзорцизмом» для Евы Барановски. Да и есть большая вероятность того, что и в других местах самозванец прикрылся «корочками» КГБ и никто не осмелился его проверить.

Ну да ничего, у меня есть еще несколько ниточек. Подергаю за все, глядишь, хоть одна дверь-то и откроется.

Купив большую спортивную сумку и набив ее каким-то барахлом, я поймал такси и отправился в Липовый Цвет.

Охранники у ворот стояли другие, к тому же в прошлый раз меня совершенно точно не могли разглядеть через сплошную тонировку джипа, но я все равно испытал некоторый дискомфорт, когда сковородообразное лицо заглянуло в окошко такси.

Волнение оказалось напрасным, один телефонный звонок Еве Барановски отворил ворота в локальный раек. Самой актрисы дома не было, и под чутким присмотром дворецкого я отволок сумку в одну из пустующих комнат особняка. Теперь можно было заняться тем, ради чего я на самом деле сегодня приехал. Надежды мои оправдались: в отсутствие хозяйки величественный, как английский лорд, дворецкий преобразился в обычного человека. Притом изрядно напуганного.

Спускаясь по лестнице, я самым нейтральным тоном бросил:

— Чудесное место этот Липовый Цвет, не правда ли?

— Это уж точно! — нервно вздрогнув, ответил дворецкий. — Чудеса так и прут!

— Что вы имеете в виду?

— А то вы не поняли! — Дворецкий огляделся и продолжил шепотом: — Вас ведь наняли девчонке мозги вправить? Вы там вроде экстрасенс какой-то известный, да?

— Вы же понимаете, я не могу распространяться на эту тему...

— Значит, так и есть! Дай вам бог удачи! Вы — наша последняя надежда! Уж очень не хочется увольняться. Зарплата тут хорошая, хозяйка добрая, сейчас такое место сложно найти... если бы не ее дочка! Она нас всех в могилу сведет!

— Вот как? — неопределенно протянул я, осматривая коридор тeneвым зрением. Банальные обои оживил сложный черно-золотой узор. Как я и ожидал. — Мне кажется, вам нечего бояться.

— Вам легко говорить! Вы с этим отродьем в одном доме не живете! А вот мне не кажется, мне очень страшно!

— Чем чаще вы будете называть девочку отродьем, тем вернее сбудутся ваши страхи, — сообщил я дворецкому и, пока он осмысливал глубинную мудрость совета, задал вопрос, ради которого и приехал: — А соседи ваши тоже какие-то знаменитости?

— Соседи? Да нет, обычные люди. Дом справа от нас вообще-то уже два месяца как пустует. Прежний хозяин уехал в Европу, видать, навсегда — прислугу всю уволили, даже сторожа. А дом все никак не продадут. А слева живет какой-то скоробогач. — Лицо дворецкого выразило высшую степень презрения. — Почитай, каждый вечер у него гости толпами, эта ужасная современная музыка, фейерверки...

— Веселый, значит, сосед... Хозяйка ваша у него на приемах бывает?

— Что вы! Конечно же нет! Хотя он каждый раз шлет приглашения, да еще с целыми корзинами цветов. Но это ему, разумеется, не поможет. Понимаете, такой купеческий шик в приличном обществе не одобряется.

— А не помните, как были подписаны эти приглашения?

— Что же вы думаете, я их читал?! — ненатурально возмутился дворецкий. — Ну вообще-то Келлер.

— Что?

— Келлер его фамилия, Анатолий Германович. А еще он вроде как академик. Так подписывает приглашения во всяком случае. Но не очень-то он на академика похож, наверняка купил звание!

Убедившись, что дворецкий больше ничего полезного сообщить не может, я попрощался и направился прямо к воротам особняка академика Келлера.

Ворота эти представляли собой уникальное творение кузнечного ремесла, удивительно, что в прошлый раз я не заметил чудесного переплетения кованых цветов, зверей и театральных масок. Тут я сообразил, что смотрю на ворота тeneвым зрением. Да, в реальности обычные ворота — банальная решетка, украшенная поверху острыми пиками. И не похоже, что старинная. Получается, Анатолий Германович весьма непрост. Или он сам, или кто-то в его доме имеет отношение к Тени. Перехватив поудобнее стеклянную банку, заранее заготовленную именно для этого визита, я нажал кнопку селектора.

— Да?

— Службодоставкимагазинвседлявасзавашиденьги! — скороговоркой протрещал я, улыбаясь всеми тридцатью двумя в повернувшуюся ко мне камеру. — Заказ академика Келлера.

«Какой еще заказ?» — поразилась Хайша.

— Какой еще заказ? — продублировал ее вопрос динамик. — Нас не предупреждали!

— Ну это ты у хозяина спроси! — пожал я плечами как можно равнодушнее. Повезет или нет? — Эй! Мне тут до ночи, что ли, ждать? Звони академику!

— Счас, подожди!

«Что ты несешь?! Ты же должен изображать крысолова, а не курьера!»

«Настоящий профессионал должен в совершенстве владеть искусством импровизации, — надменно сообщил я богине. — Узнав, что Келлер называет себя академиком, я сразу понял, какой это шанс! Крысолова охранники не пустят дальше подвала. А курьера, доставившего редкую зверушку для опытов, впустят в дом!»

«Гениальная задумка! — В тоне Хайши было больше яда, чем в последней чаше Сократа. — А если этот Келлер окажется дома?»

«Ну и что? — продолжая хладнокровно улыбаться, возразил я. — Скажу, что ошибся адресом».

«Если ты прав и воротам всего несколько лет, а их теневой облик уже так сильно изменился, то этот Келлер — крепкий орешек. Так просто его не проведешь!»

«Посмотрим. Не съест же он меня в самом деле!»

Но удача была на моей стороне. От дома к воротам торопливо прошлепал парень в черном комбинезоне и высоких армейских ботинках, открыл калитку и весьма недружелюбно уставился на меня.

— Ну?

— Чего «ну»?

— Давай, что ты там принес?!

— Ничего себе — «давай»! А платить кто будет? Пятьсот рублей, между прочим, на дороге не валяются!

— За что?! — возмутился охранник. — За это?! Блин, да ты офигел! Да у нас таких в подвале бесплатно пучок наловить можно!

Я посмотрел на трехлитровую банку, вернее, на сидящую в ней крысу. Крыса заинтересованно переводила взгляд с меня на охранника и обратно, явно догадываясь о том, что является предметом торга.

— Поспешу развеять твое невежество! Эта крыса является редким экземпляром *Rattus norvegicus*, выведенным специально для проведения экспериментов повышенной точности. С живущими в вашем подвале крысами эта имеет лишь внешнее сходство, обусловленное наличием общих предков. На деле же, между вашими крысами и этой сродства не больше, чем между тобой и шимпанзе.

— Чего? — растерялся охранник. — Какой еще «ратус»?

— М-да... пример оказался некорректным, — вынужден был признать я в пол голоса. — Короче, братан, эту крысу ваш хозяин заказал в нашем магазине, ферштейн? Я ее доставил. Зови хозяина, пусть расплачивается и забирает тварь.

— Это... погодь... Так хозяина нету! — протянул охранник. — Он по делам уехал. И ни о какой крысе не предупреждал!

— Тогда гони бабки и забирай ее. А академик твой, когда вернется, с тобой рассчитается.

— Счас! Может, хозяин ничего и не заказывал, откуда я знаю? Эдак мне тут каждый всякий будет крыс и жаб втюхивать!

— Ну так позвони ему! — терпеливо, как младенцу, подсказал я. — У тебя ведь телефон его должен быть.

— А точно! — Лицо охранника, не обезображенное интеллектом, озарила радость, — Погодь...

Я сдвинулся в сторону, чтобы тень от руки с мобильником падала на меня, и перешел на теневое зрение. Мысленно повторив номер про себя, я потянулся к телефону своей тенью и отменил вызов.

— Странно... Не соединяет...

Я достал свой мобильник, бросил взгляд на экран, демонстративно пожал плечами:

— У меня тоже связь пропала. Бывает. Мы же за городом...

— Никогда такого здесь не было, — возразил парень, пытаюсь повторить набор. — Ты шутишь — за городом?! Да здесь ловит лучше, чем на Красной площади!.. Да что за хрень?!

— Ладно, слушай, некогда мне тут прохлаждаться, у меня еще куча заказов. Я сейчас уеду, а в конце дня заеду еще раз. Часиков в семь. Надеюсь, академик твой уже вернется. Или связь наладится.

— А, ну давай! — явно обрадовался такому разрешению проблем охранник. — Я-то уже свало, у меня смена в шесть заканчивается. А сменщика предупрежу.

— Бывай, служивый...

Эх, будь у меня сил хотя бы как у Алекса, я бы, пожалуй, рискнул войти и обыскать дом, раз таинственный академик так удачно отсутствует. А охранника просто усыпил бы. Увы, во мне нет ни капли теневой крови, а возможности Хайши в моем теле крайне ограничены и... мм... узко специфичны. Пришлось довольствоваться телефонным номером, что, в общем, тоже неплохо. В современном мире такая информация может рассказать о человеке не меньше обыска.

На этот раз я предусмотрительно попросил водителя дожидаться меня, тем более что аванс, переведенный Евой на счет агентства, оказался весьма щедрым. В чем-то мой напарник, наверное, прав...

— Алекс, ты неправ! — убежденно произнес я, разглядывая старинный пятиэтажный дом в глубине арбатского двора. — Не стоило брать этот заказ.

— Брось! — отмахнулся напарник. — Ты всегда так говоришь. Будь твоя воля, мы брались бы только за поиск потерянных безделушек и сбежавших домашних животных!

— И жили бы мирно и счастливо! А главное, долго! Мне все это не нравится!

— Вот именно! Тебе всегда все не нравится! А дело-то пустяковое!

— Если оно такое пустяковое, то почему за него столько платят? — возразил я.

— Да просто Ивор не считает современные деньги... э-э-э... черт! — Алекс покраснел под моим пристальным взглядом. — Ну я... это...

— Значит, это дело подкинул Ивор?! Ты же говорил, что не знаешь заказчика!

— Да ладно тебе, — смутился Алекс. — Подумаешь...

— Вот именно! Тебе стоило бы подумать, прежде чем соглашаться! У Ивора всегда такие дела, на которых очень просто свернуть шею! Старый пенёк не осознает разницы между магами и обычными людьми вроде нас!

— Брось, Вик! — повторил Алекс. — Ничего особо сложного на этот раз! Никаких перестрелок и взрывов! Наоборот, все надо сделать тихо и незаметно! Нам даже не придется контактировать с объектом. Алхимик ушел домой полчаса назад. Магические ловушки я нейтрализую, с замками и сигнализацией ты справишься. Нужно только зайти и сфотографировать тетрадь, куда алхимик записывает ход экспериментов. Он даже не сообразит, что к нему кто-то залез. Ты, главное, ничего там не побей и не поломай!

— Я?! Но почему опять я?!

— Может быть, ты умеешь создавать «занавеску»? — съехидничал Алекс. — Тогда без проблем — я полезу в лабораторию. А ты останешься на улице и будешь отводить глаза прохожим и милиции. Сумеешь?

— Черт! — Я зло сплюнул на асфальт. — Ты хитрая теневая задница, Алекс! Когда-нибудь мне надоест таскать каштаны из огня и тебе придется искать нового напарника!

— Вик, — проникновенно сказал Алекс, утирая воображаемую слезу, — это будет самый печальный день в моей жизни! Но пока он не настал, кончай ныть и делай свою работу! Или ты предпочитаешь сказать И вору, что отказываешься от заказа?

Алекс не подвел — я чувствовал присутствие стандартного «цербера» и не столь распространенной «баньши», но на меня магические ловушки не реагировали. Я осмотрел входную дверь и пожал плечами: либо алхимик полагал, что в его лаборатории нет ничего ценного, либо был законченным фаталистом. Либо, что больше похоже на правду — как и большинство магов, ничего не смыслил в технике и искренне считал примитивную сигнализацию и два самых простых замка на двери надежной защитой. Если подумать, то он был не так далек от истины — другие маги, задумай они пробраться в его лабораторию, тоже сочли бы эту преграду непреодолимой. А обычных воров накрыли бы магические ловушки. Потому-то Ивор и обратился в наше агентство: Алекс немного смыслит в магии, а я — в технике.

А еще у нас очень гибкие жизненные принципы.

На сигнализацию и замки у меня ушло в общей сложности три минуты.

Закрыв за собой дверь, я замер, напряженно прислушиваясь. Тишина. Капает вода из крана, тихо шуршит электросчетчик. Похоже, в лаборатории, кроме меня, никого нет. Основным источником доходов для мага являлись, само собой, всякие алхимические составы, на которые всегда есть спрос в Тени. Заказчиков он принимал здесь же, в лаборатории, благодаря чему Алексу удалось под видом посетительницы заслать одну из своих знакомых. Судя по плану, который Алекс нарисовал с ее слов, квартира раньше была типичной коммуналкой. Длинный коридор вел в кухню, которую алхимик использовал по прямому назначению, как и санузел. Это и понятно: по результатам слежки, он проводит в лаборатории дни напролет и часто остается на ночь. Одна из комнат во время приема посетителей заперта. Можно с уверенностью предположить, что ее алхимик использует для отдыха. Первая дверь по коридору ведет в приемную — там ничего интересного нет. А вот за следующей дверью, вероятно, и расположен рабочий кабинет.

Я аккуратно отжал защелку, вошел внутрь, закрыл жалюзи и включил свет. Алекс не ошибся. Почти всю комнату занимал массивный деревянный стол, уставленный колбами, ретортами, горелками и прочим хламом, совершенно необходимым уважающему традиции алхимику. Полки вдоль стен заставлены книгами, склянками с жидкостями, коробочками, мешочками и свертками.

Нет, не так.

Полки вдоль стен завалены книгами, склянками, коробочками и свертками! Как и стол. Да еще, похоже, алхимик имел суицидальную при его роде занятий привычку перекусывать, не отрываясь от экспериментов, — сосуды с ядовитыми субстанциями мирно соседствовали с коробками из-под хот-догов и кусками засохшей пиццы. Ну и где в этой помойке искать рабочий журнал?

Впрочем, я частный детектив или так, покурить зашел? Используя логику и резиновые перчатки, я уже через пять минут извлек на свет божий толстенную тетрадь в клеенчатой

обложке. Пролистнув заполненные мелким неразборчивым почерком, столбцами формул и кривоватыми рисунками страницы, я убедился, что это и есть рабочий журнал алхимика. Я достал фотоаппарат и принялся методично делать снимки.

Страниц в тетради было много, мое невежество в алхимии не позволяло понять, что именно я фотографирую, и, пока руки делали свое дело, я вполне отслеживал окружающую обстановку.

Поэтому открывшаяся дверь не застала меня врасплох.

Впрочем, какая разница, если спрятаться в лаборатории было совершенно негде?

То есть, я хочу сказать, от оборотня с его волчьим нюхом особо не спрячешься, даже если есть где. Ну а в тесной лаборатории у меня вообще не было шансов.

Наличие оборотня было еще одной причиной (мною не учтенной) безалаберного отношения алхимика к замкам и охранным заклинаниям. Очень весомой причиной — этот конкретный оборотень весил больше ста килограмм, из которых жира набралось бы едва ли на одну свечку... Я постарался отогнать пессимистичные мысли. К тому же вес оборотня — не главное его оружие.

— Привет, Отбой! — поздоровался я первым. Когда имеешь дело с существом, способным за раз перекусить тебе ногу, так легко быть вежливым!

— Фокс... Ну конечно, кто же еще? — Оборотень меня тоже узнал, но, судя по интонациям, был не особо растроган встречей со старым приятелем. Если по правде, приятелями нас можно было назвать с некоторой натяжкой — мы ездили по одним дорогам, но принадлежали к разным клубам. Он, само собой, к «Оборотням», а я катался с «Раздолбаями». Иногда пересекались на открытиях-закрытиях сезонов и других байкерских тусовках. Иногда пили в одной компании в баре «У кота»... Дьявол! Если уж совсем по правде, Отбою не с чего относиться ко мне дружелюбно! Во время последней попойки я довольно глупо подшутил над ним. На тот-то момент мне казалось, что шутка была великолепной. Да и не только мне, а всей нашей развеселой компании.

И только сейчас, когда Отбой перекрывал мне выход из лаборатории и, как-то многозначительно ухмыляясь, разминал пальцы, я осознал, что сдавать пьяного в соплю оборотня в собачий приют было довольно глупо.

— Слушай, Отбой, я готов признать — это была не самая остроумная шутка!

— Это точно, — согласился оборотень, продолжая ухмыляться.

— Ты же не станешь из-за такой мелочи бить старого друга? — Я и сам почувствовал, как неубедительно прозвучали мои слова.

— Конечно нет, — успокоил меня оборотень. — За кого ты меня принимаешь? Чувство юмора у меня есть.

— Да? Слава богу! Знаешь, я...

— Но, видишь ли, — прервал меня Отбой, — мэтр Лепрос нанял меня охранять его лабораторию. И я поймал тебя на месте преступления. Так что, извини, ничего личного. Служба...

Я, в общем, и не ожидал, что Отбой меня вот так просто отпустит. Оборотни злопамятны, к тому же людей они презирают: в их звериной системе ценностей существам без клыков и когтей отводится роль жертвы. Вообще-то Анклав магов официально запрещает охотиться на людей, но Анклав не всеведущ.

Пытаясь заболтать оборотня, я напряженно искал способ сбежать. Увы, тесная захламленная лаборатория не располагала к маневрам... Тесная?

Я резко сунул руку за отворот куртки.

Оружия при мне не было. У меня есть «Van Helsing» сорок пятого калибра, но большую часть времени он проводит в сейфе агентства. Не то чтобы я пацифист, но искренне считаю, что размахивать оружием — дурной тон для частного детектива. Да и довольно утомительно таскать с собой громоздкую железяку весом больше килограмма.

Отбой, разумеется, всего этого не знал и на мой жест среагировал, как я и ожидал: обернулся волком и прыгнул. Красиво прыгнул — признаю! Мощно и высоко —

Отбой явно целил мне в шею. Но моей шеи там уже не оказалось — за мгновение до того я просто шагнул в сторону. Сильный бросок самоотверженно приняли на себя полки и стена лаборатории. Мне показалось, весь старый дом содрогнулся от удара!

Я навалился на стол и каким-то чудом сумел перевернуть деревянного монстра на барахтающегося в обломках оборотня. Взвились клубы разноцветного дыма от хаотично смешивающихся реактивов, пахнуло отвратительной вонью. Отбой взвыл.

Задерживаться, дабы проверить результат эксперимента, было бы не предусмотрительно. Я метнулся к двери... увы, оборотни — на редкость крепкие и живучие твари! Не успел я сделать и двух шагов, как сзади раздался грохот, и мне пришлось броситься на пол. Длинная тень пронеслась надо мною, обдав тошнотворным запахом. Я едва перевернулся на спину, как Отбой уже вновь сжался перед прыжком. Клыки оскалены. В глазах — бешенство. Шкура в разноцветных пятнах реактивов.

Он прыгнул, не позволив мне встать. Я успел только подтянуть к груди согнутые в коленях ноги и принять оборотня на них, застав от напряжения. С невероятным усилием мне все же удалось оттолкнуть его, перенаправив прямо в окно. Сто килограммовая туша вынесла стекло вместе с рамой, на улице раздался глухой удар, и тут же замяукала сигнализация. Покачиваясь от пережитого напряжения, я добрал до окна и выглянул на улицу: на смятой крыше какой-то иномарки копошился оглушенный падением Отбой. На противоположной стороне улицы соляным столпом застыл Алекс. Судя по выражению его лица, дома меня ждал тяжелый разговор.

Ретроспектива

1464 год, Рим

«Вороны, опять эти вороны... Что за дурные вести принесли проклятые Аполлоном птицы на сей раз? Какие новые беды предвещают?»

Массивный, с заметной проседью в коротко стриженных волосах мужчина тяжело оперся о балюстраду веранды, наблюдая за дракой траурно-черных птиц во внутреннем дворике. Вороны подпрыгивали, сшибались в воздухе, ругая противника на своем птичьем языке. Бывший деспот Морей передернул плечами — после череды трагедий последних лет он стал недопустимо суеверен. Наверняка вороны просто нашли какой-то съедобный мусор, вот и устроили драку. Возмутительно. Конечно, у него уже не осталось реальной власти, он всего лишь жалкий нахлебник, живущий на подачки Рима, но все же не пристало разводить авгиевы конюшни в своем доме. Нужно наказать управляющего...

За спиной раздались легкие робкие шаги. Прежде чем обернуться, Фома постарался убрать с лица выражение тревоги и раздражения.

Невысокая полная девушка в простом платье, совсем без украшений, склонилась в глубоком поклоне. Помедлила в нерешительности и робко произнесла:

— Отец... Дозволено ли будет мне спросить?

— Спрашивай. — Фома вздохнул, заранее предвидя вопрос. Он давно ждал этого момента, но так и не сумел подготовиться к разговору. В глубине души он надеялся, что сможет отложить его еще хоть ненадолго, но... приходилось признать: Софья давно уже не ребенок и имеет право знать правду.

— Отец! Почему вы так поступаете со мной? Вы не позволяете мне принять предложение ни одного из женихов, которых находит кардинал Виссарион, и не позволяете уйти в монастырь. Зачем мы сидим в этом развратном городе, в этом новом Содоме? Неужели вы сами не видите, что латиняне безумны?! Они были безумны еще до прихода Спасителя — их кровь выродилась и стала жидкой в те времена, когда они правили всем миром. А потом они смешали свою кровь с кровью диких племен — всех этих гуннов, готов и прочих варваров — и сами одичали. Неужели вы не видите, что творится в Риме? Отец Виссарион — кардинал! — делает мне такие намеки, от которых покраснела бы даже кухарка! Кардиналы и епископы, составляющие окружение папы, столь похожи на него

лицом, что только глупец не поймет, кто такие на самом деле эти «племянники». А про то, что на папский трон понтифик въехал на «золотом ослике», знают все римские бродяги. Неужели вам не противно и не страшно оставаться здесь? Не страшно за нас — ваших детей? Подумайте об Андрее — знаете ли вы, где он сейчас? Нет? И никто не знает. Моему брату понравился Рим, он становится все более похожим на латинянина. Недавно он сказал мне, что лучше быть богатым римским купцом, чем нищим наследником несуществующей империи...

Софья умолкла, борясь с подступившими слезами. Фома, с каменным лицом выслушав гневный монолог, вздохнул, обнял дочь за плечи.

— Пойдем. Ты уже достаточно взрослая, пора тебе узнать, зачем мы здесь и чего ждем. Я уже стар: Создатель может призвать меня в любой момент, а Андрей слишком молод и глуп, он ценит только внешнее... так что мое дело придется продолжать тебе.

— Не говорите так, отец! Вы проживете еще многие годы!

— Может, и так. Все в руках Господа...

Они спустились в подвал, прошли между полками, заставленными свертками и кулками с различными припасами, между мешками с мукой и бочонками с вином. По подвалу шныряли многочисленные кошки, и Софье казалось, что их мордочки хранят какое-то таинственное выражение. Фома передал дочери масляную лампу, обхватил один из бочонков и рывком сдвинул его в сторону. Под бочонком оказалась крышка люка. Ухватившись за кольцо, Фома откинул ее, открывая уходящую во тьму лестницу.

— Не бойся, здесь неглубоко.

Он первым спустился вниз и помог сойти путающейся в длинном платье Софье. Это тайное отделение подвала оказалось совсем небольшим — одной лампы вполне хватало, чтобы полностью его осветить. Вдоль стен стояли простые деревянные сундуки — без украшений, резьбы или кованых наугольников и петель. Казалось, они вырублены из сплошных деревянных колод. Над головой Софьи раздался шорох: вздрогнув, она обернулась и увидела несколько лазов, из которых выглядывали любопытствующие кошки.

— В городе меня из-за этих кошек ославили блаженным. — Фома усмехнулся и провел рукой по крышке ближайшего сундука, — На самом же деле я просто не могу позволить мышам и крысам прикоснуться к нашему семейному сокровищу...

— Так вы все-таки вывезли ее? — У Софьи захватило дух от понимания того, что находится в сундуках. — Но почему вы скрывали ее все это время?!

— Потому что ты права: латиняне действительно безумны, Рим развращен, ты еще так юна, а Андрей — слабый глупец... Нас бы не оставили в покое и в конце концов нашли бы способ отнять библиотеку. Когда пришлось покинуть родину, я отобрал самые ценные книги, и верный человек тайно доставил их в Рим. Все это время мне приходилось изображать при дворе папы жалкого попрошайку, вымогая деньги на содержание семьи, хотя продажа всего нескольких книг из этих сундуков могла обеспечить нам безбедную и независимую жизнь. Но их нельзя продавать, дочка. И не только потому, что об этом сразу узнает Сикст и наложит руку на наше достояние. В этих сундуках — будущее нашего рода. Твое будущее.

— Я не понимаю...

— Ты сокрушалась, что я не позволил тебе выйти замуж по протекции Виссариона. Но кого он предлагал? Забудь о них и не печалься. Ты была бы обречена на прозябание в каком-нибудь княжестве или королевстве, которое можно за день пересечь верхом на хорошем скакуне.

Нет, не такой судьбы желаю я для своей дочери. Ты — наследница Византийской империи, в твоих руках средоточие великой мудрости и величайшая драгоценность этого мира. Я знаю, ты и раньше, будучи ребенком, любила читать. Поэтому хочу, чтобы ты, соблюдая тайну, изучала книги и свитки, что мне удалось привезти с нашей несчастной родины. Я верю, однажды знания, которые ты почерпнешь, возвеличат тебя на удивление всему миру...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Как приятно, когда дома тебя кто-то ждет!

Правда, эта сентенция не относится к полутораметровому жизнерадостному поросенку в черепашьем панцире... ну, в общем, к Ми-ми это точно не относится! Я поморщился, потирая коленку, ушибленную о панцирь чжуполуна.

Помимо чжуполуна в конторе меня ждали Женька и Паштет. Да и то, сказать про эту парочку «ждали», будет некоторым преувеличением. Если сидевшая на диване девчонка все же на секунду оторвалась от ноутбука и приветственно кивнула мне, то кот лишь приоткрыл один глаз, потянулся и, отвернувшись к стене, продолжил спать.

— Что, дружище, — посочувствовал я радостно виляющему хвостом Ми-ми, — не слишком насыщенный выдался день? А почему, скажи на милость, тебя еще не забрали?

— Его хозяин звонил, — ответила за чжуполуна Женья, продолжая смотреть в монитор. — У него какие-то дела и он просил поддержать Ми-ми-у нас еще один день... Кстати, постель с утра надо застилать.

— Утром мне было не до того. И вообще, заходить в чужую спальню невежливо! Я так привык жить и...

— Да мне ваще-т по фиг, — прервала мой нравоучительный монолог девчонка. — Просто это чудище забралось на твою кровать и все там изорвало. Белье, одеяло и еще мелочь какую-то.

Я заглянул в свою комнату. М-да...

— Ну и зачем, скажи на милость, ты это сделал?

Ми-ми, крутившийся все это время у меня под ногами, радостно хрюкнул и бросился к чудом уцелевшему на спинке стула полотенцу.

— Вообще-то я спрашивал «зачем», а не «как», — вздохнул я, наблюдая за кружащимися в воздухе обрывками, — В энциклопедии ничего не говорилось о ненависти вашего брата к постельному белью.

Чжуполун снова хрюкнул с явно вопросительной интонацией и немедленно опроверг мое предположение, вцепившись довольно внушительными клыками в тапки.

— По-моему, он вообще не любит все, что можно порвать, — отметила Женья.

— Или, наоборот, любит. Это с какой стороны посмотреть.

Оставив Ми-ми наедине с его добычей, я вернулся в большую комнату и устроился в своем любимом кресле. И тут же чуть не выпрыгнул из него после вопроса, заданного Женькой самым невинным тоном:

— Ну что, убедился, что про институт я тебе не врала?

— Гм... — Я с трудом удержал на лице самоуверенную улыбку. — Понимаю... Современные технологии позволяют это сделать, не выходя из дома. Взломала доступ к какому-нибудь с путнику-шпиону и следила за мной?

— Хорошая идея, — кивнула Женька. — В следующий раз так и сделаю. Но ваще-т я просто догадалась, что ты меня проверять пойдешь, и позвонила Ирке. Когда ты свалил, она мне перезвонила и рассказала о визите «грозного кагэбешника».

— Ирка — это твоя соседка по общежитию? — Мое самолюбие было основательно задето. А ведь как умело изображала страх! — Что ж, ловко, ничего не скажешь. А про предыдущий визит она тебе тоже рассказала?

— Ага, — вздохнула Женька. — Ирка ваще-т умная, просто в тот раз растерялась. Ко мне ведь и на самом деле могли из комитета прийти, если че. Да и, промолчи она, меня все равно бы взяли, раз сумели узнать, что я и есть Призрак. А вот как они это узнали, очень интересно.

— Есть предположения? — У меня-то было предположение, но рассказывать девчонке про визит в Липовый Цвет я пока не собирался.

— Парочка мыслей есть, но их надо еще протестировать.

— О'кей, тестируй. У меня тоже есть некоторые подозрения. Будем думать в двух

направлениях, может, хоть одно приведет к правильному ответу.

Женька отложила в сторону ноутбук и посмотрела мне в глаза:

— Вик... если хочешь, я уйду. Ты меня спас, я тебе благодарна и все такое. Но прикрывать меня и дальше ты не обязан.

— У меня такая работа, если ты не забыла. Как я понял, ты вполне в состоянии оплатить счет?

— Глупая отмазка, Вик. Сам же понимаешь, на меня нацелились серьезные люди. Возможно, они действительно из какой-то государственной системы. Только не говори, что готов подставлять шею под топор всего лишь за деньги. Не поверю.

Я пожал плечами:

— Может, не такие уж они и серьезные. Надувать щеки сейчас многие умеют. Не забывай к тому же, что на меня у них теперь тоже зуб. Специально я нарушил их планы или нет, подозреваю, разбираться они не станут — уберут меня просто как ненужного свидетеля. Так что по-любому мне придется разобраться с ними первым — просто из чувства самосохранения.

— Ой-ой, какие мы крутые! — фыркнула девчонка. — Уверен, что сил хватит?

— Посмотрим... А ты закажи себе новый ноутбук, раз ты такой продвинутый хакер. Мне тоже работать нужно.

— Спорим, я найду тебе все, что нужно, в десять раз быстрее?!

— Девочка, мне ноут нужен для работы, а не по Интернету лазить! Ладно, пока обойдемся дедовскими методами.

— Так он тебе для этого нужен?! — Женька изумленно уставилась на колоду карт, извлеченную мной из ящика стола. — Ну ты даешь!

Я невозмутимо принялся тасовать карты.

— Как ты думаешь, откуда пошли все карточные игры? Это был риторический вопрос, можешь не мучить поисковую систему. Чтоб ты знала, карты прежде использовали для предсказаний — наравне с рунами, потрохами животных, кофейной гущей, гороскопами и прочими методиками.

— Да их и сейчас используют для этого, — фыркнула Женька. — В Сети полно сайтов с гаданием на картах. Ты что, веришь в эту чушь?!

— А ты не веришь?

— Я как-то обратилась к одному знаменитому астрологу, открывшему свой сайт. Честно заплатила за гороскоп немалую сумму. Он предсказал мне, что мой бизнес в новом году будет процветать, семейные проблемы уладятся и на горизонте появится новая любовь.

— Ну и что не так?

— Я тогда училась в восьмом классе и никакого бизнеса у меня еще не было. К тому же астролог пообещал, что ко мне вернется жена и что, перейдя на раздельное питание, я снижу свой вес со ста двадцати до восьмидесяти килограмм.

— М-да...

— Я, конечно, не потомственная гадалка и не магистр черной магии, но даже мне было очевидно, что он составил гороскоп на основании кредитки моего отца, которой я расплачивалась. Так что я не верю ни во что сверхъестественное!

— А ты верила в свинодраконов, до того как увидела Ми-ми своими глазами?

— Да я и сейчас не особо верю, — призналась девчонка, бросив взгляд на догрызающего тапки ящера. — Может, вы его все-таки путем каких-то генных экспериментов вывели?

— Ну нормально! — восхитился я. — Значит, в генные эксперименты на кухне ты веришь, а в магию не веришь?!

— Генетика — это наука! Я верю в науку.

— Извини, но судя по твоим представлениям, эта наука ничем не отличается от магии.

— Чушь!

— Да не хочу я с тобой спорить, — отмахнулся я, раскладывая карты. — Желание

спорить с женщинами у меня пропало еще лет десять назад. Вместе с первой женой.

— Ты был женат?!

— А что, по-твоему, я такой урод, что ни одна женщина не соблазнится? — хмыкнул я. — Так в те времена я редко получал по физиономии и выглядел куда более презентабельно. Кстати, из-за истинного зрения ты видишь меня несколько иначе, чем остальные люди. К тому же у меня была высокооплачиваемая работа и прочное положение в обществе.

— Я не это имела в виду! — Женька покраснела и вновь уткнулась в монитор. — Да, глупо прозвучало. Просто ты не похож на человека, который стремится к семейной жизни и все такое... Ну ты понимаешь, о чем я.

— Наверное, — пожал я плечами. — Люди меняются. Десять лет назад я был совсем другим.

— Понимаю... Но все-таки — пасьянс?..

— Вообще-то нет. Это карты Таро, а не игральные. Можешь считать, что карты помогают мне сосредоточиться, — примиряющим тоном ответил я, открывая очередную карту.

— Ага! Я же говорю: всему должно быть научное объяснение! Ты просто медитируешь при помощи карт, а на самом деле ответ тебе подсказывает твоя собственная интуиция!

Я окинул взглядом стол, вздохнул и принялся снова тасовать карты.

— И ты тоже права.

— Как меня бесит эта твоя снисходительность!

— Эти же слова мне постоянно твердила вторая жена...

— Ты был дважды женат?!

— Хм... ну, если честно, трижды...

— Ну ты извращенец!

— Почему это? Все мои жены были женщинами! Правда... последняя ушла от меня, осознав, что любит женщин, а не мужчин...

— Ох! Лучше молчи! — Женька уткнулась в ноутбук, проворчав напоследок: — Нет, я точно в какой-то дурдом попала!

— Кстати о дурдоме — Алекс не появлялся и не звонил?

Женька отрицательно помотала головой.

Я еще раз тщательно перетасовал карты и разложил «Круг друидов». Что бы там Женька ни думала, для людей Тени карты — нечто большее, чем просто средство сосредоточения. Я, например, иногда выигрываю в покер!

Ну и кой-какие намеки на ближайшее будущее можно с их помощью получить. Не очень точные, конечно, но на безрыбье и комар — мясо. Карты предсказали мне и Алексу неприятности, но не прямо сейчас, а в некотором скором будущем. Впрочем, если подумать, у нас почти все время случаются какие-то неприятности, так что беспокоиться не о чем.

Мои размышления оборвал звонок в прихожей.

— О! — Женька посмотрела на часы, потом подняла на меня взгляд, лишенный малейших признаков раскаяния. — Извини! Совсем забыла предупредить. Звонил какой-то деловой крендель, хотел поговорить с тобой или Алексом. Долго не хотел верить, что я не знаю номеров ваших мобил. Вообще-то я их узнала, но вы ведь не разрешали мне раскрывать эту информацию. Я его кое-как убедила, и он сказал, что придет вечером.

— Спасибо, очень своевременно вспомнила! — Я вложил в эти слова максимум ехидства. — Ладно, даст Локи, это будет богатый и наивный клиент! Посиди пока в моей комнате...

«Насчет богатства ты не ошибся! — отметила Хайша. — Да и сам он неплохо выглядит!»

«Прекрати! — одернул я богиню. — Не вздумай с ним флиртовать! Я тебе еще не простил того случая в баре!»

«Ладно, ладно, шучу! Будь осторожен — от него пахнет ложью!»

На мой взгляд, от появившегося на пороге незнакомца если чем и пахло, то большими деньгами. Впрочем, это определение было бы слишком вульгарным в данном случае. Скажу иначе: его окружала аура богатства и благополучия. Все: от шляпы, которую гость вежливо приподнял, здороваясь, до мысков новеньких туфель — было явно сделано на заказ. Незнакомец, похоже, был маниакально аккуратен: на костюме не было ни одной пылинки, туфли блестели, словно попали в нашу прихожую прямо со стенда в магазине, а щеки его были выскоблены с той особенной тщательностью, которую может обеспечить лишь опасная бритва. Единственная деталь выбивалась из образа и раздражала: пижонские усики, как у карикатурного сутенера. Впрочем, человек, который носит на запястье часы за десять штук баксов, может позволить себе дурной вкус.

Оставалось только мысленно поблагодарить Ми-ми за своевременно сожранные джинсы. Конечно, мой костюм стоил меньше одной запонки гостя, но это был хотя бы костюм.

— Добрый вечер! Могу я видеть господина Рейнарда?

— Добрый вечер, проходите! — Я изобразил на лице максимум радушия. — Я — Виктор Фокс, компаньон Алекса Рейнарда. Все дела, за которые берется наше агентство, мы ведем вместе, так что можете рассказать мне то, что собирались поведать Алексу.

— Видите ли, на днях я уже изложил ситуацию господину Рейнardu... — начал было объяснять гость, но тут увидел Женьку. Упрямая девчонка и не подумала меня послушаться. Расцветка ее шевелюры произвела на клиента неизгладимое впечатление, как и непринужденная поза, в которой Женька устроилась на диване с ноутбуком и куском пиццы. Глаза гостя самым натуральным образом вылезли из орбит, а челюсть отвисла чуть ли не до безукоризненного узла на галстукe.

— Не беспокойтесь, это тоже наша сотрудница, — попытался я как-то спасти ситуацию. — Ей можно доверять ровно столько же, сколько и мне.

— Я уже не уверен, что готов вам доверять, — проворчал мужчина, приходя в себя. — Ваша... гм... сотрудница весьма странно отвечала мне по телефону.

— О! Ну... у нее такой стиль общения, — развел я руками. — В нашем агентстве работают только профессионалы высокого уровня, а такие люди всегда с тараканами в голове.

— М-да? — Гость окинул Женьку недоверчивым взглядом. — И в чем же заключается профессионализм этого ребенка?

— В том, Альберт Виленович Орлов, — невозмутимо ответила Женька, — что вы зря тратите бабки на защиту от определителя номера. Любой профи ее сделает как два пальца об асфальт. Но «любой» на этом и скиснет. А я могу добавить, что вам сорок три года, женаты, имеете трех детей. Являетесь совладельцем и генеральным директором фирмы «Алконост». Фармацевтические препараты. Хобби — путешествия...

— Достаточно. — Надо отдать должное гостю, он выслушал этот доклад с равнодушным выражением на лице, — Вы меня убедили. Не скажу, что я прилагаю особые усилия для сокрытия информации о себе — мне скрывать нечего...

— В прошлом году скрыто от налоговой... — занудно продолжила Женька.

— Я же сказал, вы меня убедили! — замахал руками Альберт Виленович. — Достаточно! Я здесь по делу, не имеющему никакого отношения к моему бизнесу.

— Как вам будет угодно, — Я придвинул гостю кресло, — Присаживайтесь и расскажите, в чем ваша проблема?

— Я все подробно изложил господину Рейнardu, — буркнул Орлов, не скрывая раздражения. — Еще два дня назад. И надеялся, что он начнет действовать сразу. Однако, похоже, он даже не соизволил ввести вас в курс!

— У нас уйма дел, — пожал я плечами, мысленно посылая проклятия безалаберному компаньону. — Алекс просто не успел познакомить меня с деталями. Так что лучше будет, если вы расскажете суть проблемы.

— Проблема... Это не совсем проблема. Вот когда поставки от смежников

задерживаются — это проблема! Или оптовики задерживают наличные. Или что-то еще, связанное с бизнесом.

— Но такие проблемы, как я понимаю, вы привыкли решать сами.

— Да. Но у меня еще, как верно заметила ваша сотрудница, есть хобби. Впрочем, хобби — это не совсем верное слово. Когда мои предки начали собирать книги, такого слова еще не было. Да и книг почти не было — их тогда переписывали от руки, знаете ли, так что выбор был невелик.

— Вы хотите сказать, в вашем собрании есть такие раритеты?

— Раритеты-то есть, — вздохнул Альберт Виленович. — Но я сам их приобрел уже в наше время. Библиотека, которую собирал мой род, была утеряна во время войны. Мой дед, его братья, да и вообще все взрослые мужчины рода ушли на фронт, задача беречь книги легла на женщин. По-хорошему, конечно, книги следовало эвакуировать. Но никто ведь не предполагал, что немцы дойдут до самой Москвы! А когда опасность стала очевидной, вывезти сотни книг не представлялось возможным.

— Но такая библиотека имела огромную ценность, — возразил я. — Насколько я знаю, экспонаты из Третьяковки эвакуировали в самом начале войны. Почему вас просто не заставили вывезти книги?

— Дело в том, что существование библиотеки наш род хранил в тайне. — Гость помолчал и добавил: — У нас было много книг, содержащих знания о древней магии.

Я вызвал теневое зрение.

«Не вижу в нем теневой крови. А ты?»

«Ничего в нем нет. Да и теневой облик у него... не очень».

Не знаю, говорил ли кто-нибудь Альберту Виленовичу, что в Тени все черты его лица выглядят как бы обмякшими, безвольно обвисшими, отчего он становится похож то ли на запойного пьяницу, то ли на умственно отсталого. Интересно... Принцип, по которому формируется теневой облик, для меня до сих пор остается загадкой. Но опыт подсказывает, что люди, не понравившиеся мне в Тени, обычно не нравятся мне и в жизни. Какая-то еще мысль мелькнула, но я не успел ее ухватить, поскольку Орлов продолжил свой рассказ.

Наверное, сам Альберт Виленович не догадывался, как выглядит для теневого зрения, поскольку мои манипуляции его ничуть не смутили.

— Сам я не очень верю в магию — я деловой человек. Как и большинство моих предков, впрочем. Семейные предания утверждают, что среди основателей рода были могущественные маги и адепты древних знаний, но кто теперь это может проверить? И что подразумевалось под этими «тайными знаниями»? Вы, наверное, в курсе — время от времени в мире, да и у нас в России, вспыхивает повальное увлечение магией, всякими тайными обществами и тому подобной чепухой. Даже власти предрекшие оказывались подвержены этой страсти. Гитлер, например, был увлечен мистицизмом, да и Сталин, ходят слухи, что-то искал в этом направлении. Целая библиотека старинных книг о магии могла вызвать интерес и ее бы просто конфисковали! В общем, легенды это или правда, но в нашем роду принято чтить традиции. Мы хранили тайну, но кто-то ее все равно узнал. Вот и не верь после этого в судьбу!

— Значит, — поспешил я вернуть нашего гостя к насущным проблемам, — библиотека была утеряна во время войны. Как это произошло?

— Во время очередного авианалета. Когда моя прабабка с дочерьми вернулась из бомбоубежища, она обнаружила, что библиотека похищена. Забрали не все, только самые старые и ценные книги, в том числе относящиеся к магии. А это значит, что воры хорошо знали, зачем пришли. Понимаете, во время войны приоритеты сильно поменялись, и обычные воры не прельстились бы какими-то книгами.

— Это-то понятно. — Я автоматически чертил на листке узор из черных листьев, который видел сегодня на воротах особняка, — И недавно вы напали на след библиотеки...

— Э-э-э... Как вы узнали? — Гость опасливо покосился на Женьку, но та отрицательно замотала головой.

— Нетрудно догадаться. Библиотеку похитили очень давно, наверняка все это время ваша семья продолжала поиски самостоятельно. Но вот вы приходите к нам — значит, что-то изменилось, причем недавно. Если бы вы нашли похитителей, но не смогли забрать у них библиотеку, вы бы наняли других людей, что вполне легко с вашими деньгами. А наше агентство занимается только расследованиями, это всем известно. Значит, вы напали на след, но не знаете, куда он ведет.

— Это так, — подтвердил мои построения Альберт Виленович. — Я не могу поручить расследование службе безопасности нашей фирмы, хотя в ней работают надежные люди. Никто не должен знать про эти книги и, если вы их найдете, никто не должен знать, что они у меня. Ваши услуги будут очень хорошо оплачены, но, если просочится хоть намек на информацию, я вас уничтожу.

— Знаете, угрозы — не лучший способ заручиться чьей-либо лояльностью. Можете не беспокоиться. У нас серьезное агентство, и мы не станем рисковать своей репутацией. Уверен: когда вы собирали сведения о нас, то не слышали ни одного отрицательного отзыва.

— Не обижайтесь, но если честно, то я и положительных отзывов о вас не слышал. Я вообще о вашей конторе узнал случайно от одного знакомого. Он мне показал вашу рекламу в Интернете в качестве забавной шутки, типа «сыщики-экстрасенсы». И я решил: если книги украли из-за того, что они о магии, то вы лучше других разбираетесь в психологии чокнутых.

— Это и есть лучшая гарантия конфиденциальности наших клиентов, — возразил я, игнорируя ехидный смех Хайши. — Уверяю, нам довелось раскрыть множество дел очень известных персон, и ни одна скандальная подробность до сих пор не только не просочилась в СМИ, но не фигурирует даже в качестве слуха! Впрочем, если вы нам не доверяете...

— Хорошо, извините... Просто очень важно, чтобы информация о книгах, о том, что кто-то их ищет, не всплыла.

— Если это и произойдет, то источником будет не наше агентство, — с простительной толикой пафоса заявил я. — А теперь, может быть, вы скажете, что за след обнаружили?

— Несмотря на утрату большей части библиотеки, после войны моя семья продолжала собирать книги. Со временем это дело перешло ко мне, и на настоящий момент я имею некоторые связи в кругах коллекционеров. Недавно один из моих друзей сообщил, что на подпольном аукционе была попытка продать завещание Якова Брюса. Участники торгов, разумеется, только посмеялись, и кто-то выкупил лот по минимальной цене. Все решили, что покупатель либо собирает подделки — такое направление тоже есть, — либо новичок, ничего не смыслящий в книгах. Но дело в том, что я-то знаю, что это могло быть настоящее завещание Якова Брюса! Не то, про которое знают все, а то, которое хранилось в нашей библиотеке! Судя по описанию, это именно оно. Боже, как жаль, что в тот день меня не было на аукционе! И ведь я бываю на них почти всегда! А в тот день из-за какого-то пустяка не поехал! Как его теперь искать?!

Я принес разволновавшемуся бизнесмену стакан воды.

— Успокойтесь. Задача не из простых, но опыт подсказывает мне, что невозможно в этом мире существовать, не оставляя следов. Всегда кто-то что-то видел, что-то знает или о чем-то догадывается. Если существует хоть малейшая зацепка, я ее найду.

— Значит, у меня есть надежда? — оживился Альберт Виленович.

— Надежда есть всегда! — ляпнул я одну из тех банальностей, которые так любят слышать встревоженные клиенты, — Где и как устраиваются эти подпольные аукционы?

Мне показалось, что клиент несколько смутился.

— На самом деле они только называются подпольными. В советские времена они действительно были подпольными — за спекуляцию книгами, как вы помните, можно было легко получить статью. Сейчас же это в большей степени игра. Если речь не идет о краденых книгах, то ничего незаконного там не происходит. Просто что-то вроде острой приправы к основному блюду. У нас сформировался более-менее постоянный круг знатоков и любителей антикварной книги, и время от времени один из участников приглашает всех в гости —

обычно в свой загородный дом или снимает конференц-зал в каком-нибудь пансионате. Участники могут приглашать знакомых, желающих поучаствовать. Есть и маклеры, для которых это — постоянная работа. Через них выставляют и покупают книги те, кто не может приехать сам.

— Понимаю... Завещание было выставлено через такого маклера? И купил его тоже кто-то через маклера?

— Не совсем так. Продавец действовал через маклера, да. А покупатель — его просто никто не знал. Вероятно, кто-то пригласил своего знакомого. Понимаете, я не мог подробно расспрашивать об этом! Могли пойти слухи! Да и не нужен мне покупатель! Завещание — это самая незначительная часть похищенного! Мне нужно узнать, кто продавец!

— Вы можете свести меня с маклером, действовавшим от имени продавца?

— Вряд ли это что-то даст, — покачал головой бизнесмен. — У них жесткие правила, запрещающие выдавать имя продавца. А вы ведь даже не из милиции! Скорее всего, маклер просто откажется с вами разговаривать. Впрочем, попытаться, конечно, можете. Только мне нельзя привлекать к себе внимание, мое имя не должно нигде упоминаться. Вот что... я дам адрес одного коллекционера — очень известная и уважаемая личность в этих кругах, — а уж он сведет вас с тем маклером. И вообще, он гораздо больше знает обо всей этой кухне, поскольку раньше сам занимался маклерством.

— Отлично! — обрадовался я. — Совет специалиста в таком деле не помешает. Давайте координаты этого Вергилия.

— Что? А! Но его зовут не Вергилий. Хотя имя у него действительно оригинальное — Самуил. Самуил Яковлевич Ессе.

Я записал адрес и проводил Альберта Виленовича до выхода. Запер дверь и вернулся в свое кресло. Наконец-то можно было положить ноги на стол!

— Гм... любопытный тип...

— Что в нем любопытного? — хмыкнула Женька, не отрываясь от экрана, — Кроме его чудовищных усов? Обычный буржуйчик средней руки. Старается выглядеть крутым, но на самом деле «Алконост» — довольно скромная фирма. Они производят пищевые добавки. Даже не лекарства, а шарлатанские смеси для похудения или наращивания мускулов. На Западе он относился бы к среднему классу, где-то между владельцем сети городских закусочных и хозяином автосервиса. И врет он! Нет у него такого хобби — собирать книги. Во всяком случае, я ничего такого о нем не нашла.

— Серьезно? — Я сделал еще одну пометку на листке и спрятал его в папку. — Тогда это еще интереснее.

— Да что интересного-то?

Блеснуть дедуктивными способностями мне помешал, разумеется, Алекс. Я не склонен подозревать, что он делает это специально, но факт остается фактом: стоит мне завести разговор с симпатичной девушкой, как рядом немедленно оказывается мой напарник. Разумеется, криво сросшийся после перелома нос и неизбежная вечерняя небритость придают мне определенный брутальный шарм, но с обаянием теневой крови мне не состязаться.

— Вик, ты кретин! — прямо с порога набросился на меня напарник. — Я же предупреждал: только ничего не сломай и не разбей! Алхимик не должен был даже заподозрить, что его посетили! А ты там настоящий Армагеддец устроил!

— Ну извини, мне почему-то совсем не хотелось быть съеденным! — развел я руками. — В лаборатории, знаешь ли, оказался оборотень. А кто должен был все разузнать об объекте? Дай угадаю с двух раз... Ба! Ведь это должен был сделать ты!

— Ладно, ладно! — сразу пошел на попятную Алекс. — У всех бывают проколы!

— Это точно! Отбой во мне чуть не наделал целую кучу проколов и прокусов!

— Черт, — подытожил Алекс, — получается, дело мы сорвали. Не знаю, как теперь перед Ивором отчитываться.

— Ну может, его утешит вот это? — Я протянул Алексу тетрадь. — Конечно, алхимик

теперь знает, что я к нему вломился, но хоть тетрадь-то мы добыли.

Алекс шумно поскреб в затылке.

— Даже не знаю. Теперь алхимик имеет право подать на нас жалобу в Анклав. Ивору придется что-то решать с нами, возможно, вызвать на суд магов.

— Я почти уверен, что этого не произойдет.

— Почему? Отбой наверняка тебя узнал.

— Да уж, узнал! — скривился я. — Подумай сам, похоже это на Ивора — воровать чужие разработки?

— Ну... нет. Все, что способны придумать современные маги, он успел придумать и забыть еще до их рождения.

— Вот именно. Зачем же ему понадобилась копия этой тетради? А затем, что он подозревает алхимика в каких-то запрещенных экспериментах. И косвенно это подтверждается тем, что для охраны алхимик нанял Отбоя. С оборотнями просто так не связываются, должна быть серьезная причина.

— Думаешь, Ивор прав?

— А он часто, на твоей памяти, ошибался?

— Значит, алхимик жаловаться не побежит... — протянул Алекс. — Но он может затеять вендетту.

— Во-первых, плевать! Одним врагом больше, одним меньше. Во-вторых, ничего он не успеет сделать. Я завтра же отнесу тетрадь Ивору, тот получит подтверждение своим подозрениям и возьмет алхимика за задницу. Впрочем, даже если я ошибаюсь, насчет суда можешь не беспокоиться.

— Почему это?

— Потому что на суде выяснится, что заказчик — сам Ивор. Не будет же он подставлять самого себя.

«Да он просто превратит вас с Алексом в лягушек или крыс! Милые маленькие животные. А главное, молчаливые!»

«Никогда не понимал, как богиня может быть такой пессимисткой!»

«Я и не была — пока не пожила несколько лет с тобой в одном теле!»

— Ты прав! — повеселел Алекс, не знавший про альтернативное мнение Хайши, Повалился на диван и простонал: — Уф-ф! Вот я набегался-то сегодня! Просто королевский гонец какой-то!

— Гонец — от слова «гнать»? — съехидничал я. — Помаду с уха сотри, «гонец»!

— Где?! — Алекс бросился к большому зеркалу в тяжелой медной раме, украшающему нашу приемную. — Вот, дьявол! Спасибо, что сказал, Марго взбесилась бы!

— Так ты же сейчас с ней не живешь!..

— А если бы случайно встретился? — с непробиваемой логикой возразил Алекс. — Ты же ее знаешь — она всегда появляется в самые двусмысленные моменты!

— Ладно, давай серьезно. Что ты за день успел? Закончил с Минцкевичем?

— Да, у него был настоящий «венец безбрачия». Сегодня утром выяснил, кто наложил проклятие, ну и навестил... — Алекс многозначительно замолчал.

— Ух ты! — Женькины глаза засверкали интересом. — Ты прямо как мафиози говоришь! «Навестил»! Ты ворвался к нему и прострелил колено?

— Прострелил колено?! — вытаращился на девчонку Алекс, — С ума сошла? Я, по-твоему, кто? Дон Корлеоне?

— Сам виноват! — буркнул я, — Выпендриваешься много. Ладно, я тебя понял, проклятие ты снял, клиент счастлив, наш счет пополнился...

— Ну... э-э-э, — замялся Алекс. — Счет... Видишь ли, клиент не хочет оплачивать работу, пока не убедится, что «венец безбрачия» действительно снят.

— А как он собирается убеждаться? Нам что, ждать, пока он женится? А если никто за него замуж не пойдет просто потому, что он не умеет обращаться с женщинами? Как я понимаю, практики у него особо не было?!

— Ну и что мне оставалось делать? — возразил Алекс, — Он вправе не верить нам на слово — его уже не раз обманывали всякие знахарки и колдуны. Да ты не переживай! Я все продумал!

— И?

— Я на него Анжелу натравил!

— Что?! — Я поперхнулся джин-тоником. — Ну ты... Даже не знаю, что и сказать!

— Да о чем вы говорите-то?! — за канючила Женька. — Я ж ничего не понимаю!

Я сурово покачал головой:

— Лучше тебе не знать, как низко может пасть человек из-за денег!

— Да ладно тебе! — Алекс даже покраснел. — Может, я доброе дело совершил! И вообще, это ведь ты первый про гонорар спросил!

— Доброе? Ну-ну... — Я недоверчиво покачал головой. Несмотря на свое имя, Анжела — наша соседка этажом выше — обладала отнюдь не ангельским характером. Основной жизненной целью этой барышни был удачный брак. Причем, в силу невеликого, хотя и практичного, ума к цели этой она шла настолько прямолинейно и грубо, что распугивала всех потенциальных женихов в первые же минуты общения. В свое время мы с Алексом тоже оказались в сфере ее внимания. Сначала в ее прицел попал я. Барышня повадилась почти каждый день наведываться к нам за солью в крайне откровенном пеньюаре и не менее регулярно попадаться мне на лестнице и затевать многозначительные разговоры. Я уже чувствовал, как когти сжимаются на моей шее, но тут Анжеле удачно подвернулся Алекс, затмивший меня внешним лоском и изысканными манерами. Когда наш ловелас оценил хватку барышни, было поздно. Впрочем, осознав удручающее состояние наших финансов, Анжела сама отпустила бедолагу и вычеркнула нас из списка объектов охоты. А вот Минцкевич, служащий топ-менеджером в весьма приличной компании, от нее вряд ли спасется.

— Ладно, — махнул я рукой. — Шучу! Это его проблемы. Зато у меня есть хорошая новость. Сегодня все-таки явился наш «книголюб». Задача, очевидно, непростая, но кое-какие концы уже видны. Мне завтра нужно навеститься в Липовый Цвет, а ты берись за дело с книгами.

— Книги? — поморщился Алекс. — А, этот Орлов приходил, что ли? Что он сказал?

— То же, что и тебе. Кстати, спасибо тебе огромное! Из-за того, что ты меня не соизволил ввести в курс дела, я выглядел полным идиотом! И вообще, пока ты шлялся неизвестно где, кто-то опередил нас и выкупил завещание. Впрочем, мне удалось заболтать Орлова, так что он все-таки согласился дать эту работу нам. Даже деньги заплатил. На стандартную ставку согласился, не моргнув глазом. И сразу перевел оплату за неделю.

— Серьезно? — оживился Алекс. — Люблю таких клиентов!

— Знаешь... — Я колебался, но решил все-таки поделиться с Алексом смутными подозрениями. — Что-то мне не нравится запашок от этого дела. Будь осторожен. И не особо доверяй словам этого Альберта Виленовича.

— Хм... — Алекс прочитал мои заметки и вернул папку, — Ты прав. Мне он тоже сразу не понравился. Может, надо было его послать? К тому же он постоянно врёт, причем не особо талантливо.

— Клиенты всегда врут, — философски заметил я. — Возможно, за этим ничего такого и нет. Тогда мы по-глупому потеряем богатого клиента. И разве тебе не интересно, что за кашу заваривает господин Орлов?

— Я не такой любопытный, как ты! — парировал Алекс, но глаза его уже загорелись азартом, — Впрочем, сыграем!

— Да объяснит мне кто-нибудь, о чем вы все время говорите?! — завопила Женька, бросая в нас подушкой.

Паштет тяжело вздохнул и перебрался спать под кресло — на всякий случай.

1472 год, Псков

Вот все и закончилось... Позади осталась долгая опасная дорога через беспокойную Европу, грязные трактиры и постоялые дворы, муторное десятидневное плавание, а главное, позади остался Рим с его безумным властителем.

Справедливости ради надо заметить, что папа Римский, обольщенный надеждами, что внушил ему посланец московского князя боярин Фрязин, обеспечил Софью всем необходимым для путешествия. Был в том, разумеется, корыстный умысел понтифика — показать северным дикарям, что не простушку им подсунули, а настоящую царевну. Так что в сопровождение невесте снарядили достойный обоз и вручили грамоты, предписывающие любому, кому они будут предъявлены, снабжать обоз провиантом и оказывать всяческое уважение. Сопровождение обоза пополнилось греками, некогда бежавшими из Византии в Рим вслед за Палеологами, а ныне пожелавшими сопровождать свою царевну в загадочную гиперборейскую страну.

Софья радовалась: в кругу соплеменников было легче выносить изысканное высокомерие папских легатов, приставленных к ней в качестве свиты. Царевна читала замысел папы, как открытую книгу. Боярин Фрязин наплел понтифику и кардиналам, что Иван Третий склонен к латинскому вероисповеданию и готов предоставить Риму возможность свободно проповедовать в своих владениях. За столь щедрый дар папа решил расплатиться именно ею — византийской царевной. О богатстве и могуществе московских князей было давно известно: нынешний князь смог объединить многие земли под своим крылом и уже открыто не желал повиноваться ордынскому хану.

Сикст Четвертый рассчитывал, что, прожив столько лет в Риме, Софья прониклась латинской верой, как и ее братья, и что через ее посредничество удастся-таки утвердиться в далеких северных землях.

Однако папа зря надеялся на протекцию Софьи. Все эти годы, смиренно выслушивая нотации и внушения кардинала Виссариона, царевна оставалась верна византийскому обряду. Конечно, сейчас ее вера была уже не столь непоколебима, как в детстве, но пошатнули ее не речи кардинала, а книги из тайной библиотеки отца. Книги... Многое в них пугало Софью, казалось угрозой телу и бессмертной душе, однако завораживало. Знания, содержащиеся в египетских, греческих и арабских трактатах, обещали невиданную власть. Сочетаясь же браком с великим князем и получая в поддержку его могущество... У Софьи кружилась голова от перспектив, что рисовало ее воображение.

Сундуки с книгами, распределенные между верными греками, следовали вместе с нею в обозе, прямо под носом у ничего не подозревающих легатов. Мысль об этом веселила Софью: Сикст Четвертый своими руками помог ей вывезти из Рима величайшее в мире сокровище. Всю дорогу Софья переживала за сохранность книг, и вот — конец пути, вот он Псков! Украшенные лодки на воде, нарядные люди, бояре в чудных шапках... Софья впервые за все это время задумалась: каков он, великий князь? До этого момента предстоящее замужество казалось чем-то далеким и почти нереальным. Больше волновали ежедневные тяготы путешествия да мечты о будущем величии. Но вот они уже прибыли, и осталось совсем немного, до того как... Царевна вдруг ощутила себя обычной испуганной девушкой. Она тревожно разглядывала странно одетых людей, всматривалась в лица бояр, заросшие густыми бородами, — ну чисто медведи! — таков ли и ее будущий супруг?.. По парсуне, что привез с собою Фрязин, и не поймешь — писана-то красиво, но таков ли Иван на самом деле? Софья нервно стиснула под накидкой кулаки: надо успокоиться. В конце концов, в ее жилах течет царская кровь.

Царевна въехала в ворота монастыря, гордо вздернув подбородок. Дивился народ на заморскую красавицу и гадал, чего ждать от новой государыни?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Я смирил пана Замойского мрачным взглядом:

— Ты уверен, что справишься?

— Не кипишься! — Ян запустил обе руки под мантию, долго ввозился, после чего с удовлетворенным вздохом извлек плоскую фляжку. Отпил изрядный глоток и закашлялся. — Ох, матка боска! Крепка! Теперь точно справлюсь!

— Зараза ты, Януш! — проворчал я. — Нельзя было обойтись без этого? Провалишь ведь мне все представление!

— Как раз без этого я бы его точно провалил, — благодушно возразил проповедник, развалившись в кресле. — Лучше иметь дело с пьяным профессионалом, чем с трезвым любителем. И вообще, не учи, и не поучаем будешь. Ты сам далеко не трезвенник!

— Я пью только джин-тоник! — невольно начал оправдываться я. — Ну и некоторые другие слабоалкогольные...

— Слабоалкогольные напитки, — наставительным тоном заявил Ян, — для слабых алкоголиков. А я пока еще силен духом и телом!

Я тоскливо вздохнул и в очередной раз посмотрел на часы.

Мой план был точен и изящен, как карточный блеф. Да что говорить — великолепный был план! И как все подобные планы, он был обречен на провал из-за несовершенства мироздания. Во всяком случае, той его части, в которой на данный момент пребывал я и преподобный пан Замойский.

Я планировал к семи часам вечера привезти Яна в Липовый Цвет, быстренько провести ритуал экзорцизма, отчитаться перед Евой и часов в десять уже сидеть в своем любимом кресле и читать один из маленьких шедевров Рэймонда Чандлера.

Увы, вышеупомянутое несовершенство мироздания начало проявляться прямо на пороге квартиры пана Замойского. Ян встретил меня в полном облачении католического священника. Более того, вопреки обыкновению, он тщательно побрился и даже расчесал свои седые лохмы, отчего приобрел несвойственный ему благолепный вид. Но не успел я обрадоваться таким переменам, как пан Замойский расплылся в счастливой улыбке и распахнул объятия, ошарашив меня вопросом:

— Поздравляю, дружище! А где невеста? — После чего безвольно обвис на мне, обдав резким запахом виски.

Я выругался, отволлок Яна на диван и отправился на кухню искать кофе. Кофе я не нашел — судя по содержимому буфета, пан Замойский презирал безалкогольные напитки. Судя по содержимому холодильника, к еде пан Замойский относился не лучше. К счастью, в недрах заросшего льдом агрегата нашелся лоток с несколькими яйцами. На подоконнике обнаружилась покрытая пылью бутылка подсолнечного масла. Согласно дате на коробке, яйца можно было считать условно свежими, а вот масло вызвало у меня сильные подозрения. Принюхавшись, я все же решил рискнуть — в конце концов, организм у Яна крепкий, если держится все эти годы. Сполоснув стакан маслом, я вылил в него два желтка, круто засыпал солью и перцем, добавил ложку виски и выжал половинку лимона (благо падре предпочитает закусывать спиртное лимонами, и их запас в доме есть всегда). Все это заняло минут десять.

Еще пять минут ушло на то, чтобы разбудить пана Замойского и влить в него «лекарство».

— Ох! — Ян содрогнулся всем телом и жалобно посмотрел на меня. — За что?!

— Какого дьявола ты нажрался, святоша?! — Я встряхнул падре. — Нам через час экзорцизмом заниматься!

— Экзор... О-о-о! Не тряси меня, Вик! Это опасно!

— Я тебя сейчас не только трясти буду! — пообещал я. — Я тебя сейчас буду еще и пинать, и, возможно, бить по морде!

— У тебя есть, во что переодеться? — деловито спросил Ян, стремительно зеленея.

Я чудом успел спасти костюм от поругания и запихнул падре в ванную комнату. Однако каким-то непостижимым образом из ванной пан Замойский вышел еще более пьяным, чем вошел. Про фляжку я в тот момент не сообразил, просто заставил Яна выпить

еще один стакан «лекарства» и, добившись, пока он начнет адекватно реагировать на мои слова, поволок вниз.

— Я тебе этого не забуду! — пообещал я преподобному.

— Чего?

— Вот протрезвеешь, сам поймешь!

— А я не протрезвею! — парировал Ян.

В тот момент мы еще не опаздывали, но заложенный мною на случай форс-мажорных обстоятельств получасовой запас времени катастрофически таял.

— Святому отцу плохо? — растерянно спросил меня таксист, помогая усадить грациозного, как ватная кукла, Яна в машину.

— Святому отцу охренительно! — буркнул я, усаживаясь рядом. — Это мне плохо, но тут уж ничего не поделаешь. Давай жми. Мы опаздываем из-за этого бурундука.

Конечно, работа таксиста подразумевает самые разные ситуации и необычные встречи. Но, думаю, эту поездку наш водитель запомнил надолго. Во всяком случае, пан Замойский приложил к тому все усилия.

Оказавшись в салоне, Ян оживился, стал крутить перед собой воображаемый руль и изображать губами рычание двигателя, чем очень быстро довел нас с таксистом до белого каления. Через некоторое время падре устал и затих, впрочем, ненадолго. Стоило такси выехать на Садовое кольцо, как Ян попытался выйти из машины прямо на ходу. Мне удалось его перехватить в последний момент, после чего он высунул голову в окошко и начал вопить на всю улицу:

— Помогите! Меня похитили! Спасите!

Из параллельно едущих автомобилей на нас смотрели дикими глазами, и в итоге за такси погналась патрульная машина. Когда мы остановились и в салон заглянул милиционер, пан Замойский совершенно ясным трезвым голосом сообщил, что его похитили и везут насильно обращать в буддизм. С огромным трудом мне удалось убедить слугу закона, что это — всего лишь пьяный бред, уж очень убедителен был Ян.

Эта эскапада так меня разозлила, что я попросил водителя остановиться, купил в палатке бутылку ледяной минералки и, зажав голову Яна дверцей машины, устроил ему импровизированный душ. Это несколько отрезвило пана Замойского, он даже извинился перед таксистом и остаток дороги мирно храпел, свернувшись на заднем сиденье, время от времени ругаясь во сне на польском, английском, латыни и каких-то экзотических языках. Шофер молчал, но его взгляд, который я время от времени ловил в зеркале заднего вида, был весьма красноречив.

К моменту, когда мы выгрузились у особняка Евы Барановски, я чувствовал себя бравым солдатом Швейком, везущим домой пьяного фельдкурата Отто Каца. К счастью, сон благотворно подействовал на пана Замойского. Он даже смог самостоятельно пройти в дом, зато встречавший нас дворецкий пошатнулся, оказавшись в облаке спиртовых паров, окутывающих падре.

Мы опоздали на двадцать минут.

Как оказалось, об этом можно было не беспокоиться, поскольку госпожа Барановски еще не вернулась. Дворецкий проводил нас в гостиную, где мы и провели в ожидании почти два часа. Настроение мое с каждой минутой падало на градус.

До абсолютного нуля оно упало, когда в гостиную спустилась Арина.

В принципе я осознавал, что поговорить с девочкой придется. Но особой радости от предстоящего разговора не испытывал и инстинктивно оттягивал неприятный момент. Что ж, как это обычно и бывает, если сам не можешь принять решение, за тебя его принимают другие.

— Это опять ты! — констатировала Арина. — Я не собираюсь с тобой разговаривать!

Мне оставалось лишь признать иронию ситуации.

— Не поверишь, но у меня тоже совершенно нет желания с тобой разговаривать. Но твоя мать платит мне хорошие деньги, так что придется потерпеть.

— А если я не буду терпеть? Хочешь, чтобы я и тебя прогнала?

— Как того психиатра? — Я расплылся в улыбке. — Можешь попробовать. Нет, серьезно — попробуй.

— Ты сам захотел! — Девочка зажмурилась и дунула в мою сторону. — Прочь!

Меня слегка замутило — сработал защитный оберег, на который я разорился еще в самом начале карьеры сыщика. Очень хороший оберег, защищавший от любых атак на мою тень. Атаку этого ребенка он пропустил, хотя и здорово ослабил. Я постарался не выказать удивления.

— Неплохо, весьма неплохо...

Маленькая ведьма с мгновение смотрела на меня, выпучив глаза, потом быстро повернулась в сторону пана Замойского и дунула в его сторону:

— Прочь!

Ян икнул от неожиданности и поспешил приложиться к фляжке.

— Знаете, юная пани, попрошу вас больше так не делать! — с достоинством произнес он, отдышавшись, — Я уж решил, что вы в меня плюнуть собираетесь. Знали бы вы, сколько сейчас стоит химчистка!

— А вот это было совсем неумно, — вздохнул я. — Никогда не пытайся нападать на служителя религии. Тебе повезло, что пан Замойский пребывает в несколько гм... натянутых отношениях с его богом. Иначе бы тебе сейчас было очень больно и обидно. Считай это бесплатным советом на будущее... если оно у тебя, конечно, будет.

— Ты мне угрожаешь?! — Девчонка покраснела от злости и принялась быстро плести руками сложный узор. — Я тебя...

Ян, кряхтя, поднялся с кресла, схватил ведьму в охапку, уложил поперек колен и принялся методично отвешивать шлепки по ее мягкому месту, нравоучительно приговаривая:

— А если отроковица словам добрым не внемлет, урок ей — горькая лоза!

Замечу, что рука у святого отца весьма тяжелая, что не раз испытали на себе некоторые завсегдатаи бара «У кота», которых я не стану называть поименно. Уже после второго шлепка с маленькой ведьмы слетела вся ее самоуверенность, а после пятого она разразилась самыми обычными слезами. Пан Замойский, отпустив девчонку, преспокойно вернулся в кресло и достал заветную фляжку.

— Извини, — искренне посочувствовал я Арине. — Я не сторонник телесных наказаний и вовсе не испытываю удовольствия при виде детских слез. Более того, я не сторонник воспитательных методов, которым привержен мой друг еще со времен католической гимназии. Но, должен сказать, сейчас он оказал тебе большую услугу.

— Какую? — спросила ведьма, размазывая по щекам слезы и сопли.

— Он продемонстрировал, причем без вреда для твоего здоровья, что случается с самоуверенными ведьмами, считающими себя пупами мироздания. Вообще-то за одну такую выходку за стенами этого особняка тебя могли бы убить. Или еще что похуже.

— Но... но я...

— ...ты не встречала раньше никого, способного противостоять тебе, — продолжил я за нее. — Ты считала себя особенной — так и есть. И единственной. А вот это уже ошибка. На самом же деле людей вроде нас не так уж мало. Просто ты живешь в замкнутом мирке дома и школы, да и не принято в нашем кругу демонстрировать свои способности без необходимости. Ты действительно очень сильная ведьма, но — как ты только что убедилась — сила решает не все.

— А что тогда?

— Мастерство, ум, опыт — составляющих хватает. Тебе надо многому учиться. В том числе не причинять зла другим людям.

— Учиться? — Арина задумалась. — А вы могли бы...

— Нет, — покачал я головой. — К сожалению, я не маг и ничему научить тебя не смогу. Но ты не беспокойся, один мой друг с удовольствием станет твоим наставником. Он

сильнейший маг в нашем регионе и довольно забавный старикан. Только пусть тебя это не обманывает — если ты пойдешь к нему в ученицы, придется слушаться его беспрекословно. Если ты его рассердишь, враз превратит в лягушку. Будешь остаток жизни комарами питаться.

— Блин! — Ведьма обреченно вздохнула, — Опять учеба! Знал бы ты, как мне это надоело!

— Ну извини, можешь не учиться, никто тебя не заставляет. Только... знаешь, что губит большинство сильных и талантливых магов и ведьм? Скука. В мире людей вам все достается легко. Карьера, деньги, социальный статус — всего этого вам намного проще добиться, чем человеку без способностей. Но что потом? Если нет такой цели, ради которой стоило бы жить, тебя ждет скука. Учítывая, что маги живут намного дольше обычных людей, эта скука будет воистину чудовищной.

— Звучит знакомо, — усмехнулась девчонка. — Среди маминых друзей магов нет, но они тоже сходят с ума от скуки.

— Ну в общем, я на тебя давить не собираюсь, не маленькая, сама думай. С человеком этим я договарюсь, пусть он придет, поговорит с тобою. А тогда уж принимай решение.

— Мама не разрешит, — покачала головой Арина, — Она в магию не верит.

— Что значит «не верит»? — удивился я. — Она же сама пригласила нас бесов из тебя изгонять!

— Ну! В бесов-то она верит, — рассудительно возразила девчонка. — В ангелов-хранителей. В чудотворные иконы и святые места. А еще в черных кошек и разбитое зеркало. А в магию — нет. Говорит, магия — это суеверия. Она называет себя здравомыслящим скептиком.

Для меня подобная логика была не в новинку.

— С такими «здравомыслящими скептиками» я постоянно встречаюсь по работе. Не волнуйся, я знаю, как правильно вписать Ивора в мир твоей мамы.

— Ивора? Звучит, как интернетовский ник.

— Так зовут этого мага. Это очень древнее имя. Если вы найдете общий язык, он тебе с удовольствием расскажет свою историю.

— И даже если не найдете, он тебе ее все равно расскажет, — внес свою лепту Ян. — Но если подружитесь, ты будешь выслушивать ее не реже двух раз в неделю.

Я не успел достойно ответить на это провокационное заявление, потому что с улицы донесся шум мотора. Машина, судя по звукам, заехала в гараж.

— Похоже, твоя мама вернулась, — сказал я Арине. — Поднимись в свою комнату и помоги нам разыграть спектакль.

— Зачем это?! — В маленькой ведьме снова прорезалась строптивость. — Я не хочу участвовать в обмане!

— Затем, что в этом мире ничего не делается бесплатно. Хочешь, чтобы я помог тебе, сначала помоги мне. Впрочем, если желаешь, мы с падре проведем настоящий ритуал. Бесов в тебе, конечно, нет, но ритуал сам по себе достаточно неприятный.

— Ладно, ладно! — Арина досадливо поморщилась и направилась к лестнице. — Что мне делать-то?

— Мы будем подсказывать по ходу действия, — успокоил девочку Ян. — Главное, слушайся нас и постарайся оставаться серьезной.

Арина кивнула и скрылась на втором этаже особняка. Почти одновременно с этим распахнулась дверь и в гостиную вошла Ева. Мне с трудом удалось сдержать восторженный вздох. Поймите меня правильно — я не какой-нибудь павиан, теряющий голову при виде красивого личика или длинных ног. Наоборот, я человек сдержанный и хладнокровный. Но есть женщины, на которых однозначно реагируют даже безусые юнцы и древние старцы, и Ева относилась как раз к таким женщинам. Особенно, пока молчала.

За моей спиной пан Замойский истово забормотал на латыни, подозреваю, это было что-то вроде «не введи во искушение». Да уж, бедному падре приходилось тяжелее, чем мне.

— Вы уже здесь?! — не притворно изумилась Ева. — Как?! Вы уже здесь?! Но почему так рано? Мы же договаривались на семь часов! Я же не успею...

— Но сейчас девять... — успел я вклиниться в словесный поток.

— Девять? — протянула Ева, переведя недоверчивый взгляд на изящные часики. — Как?! Неужели уже девять?! Ах! Это все Ричард! Он мне все время говорил, что еще рано! Противный обманщик! Противный! Противный! Ха-ха-ха! Но вы же меня простите? Вы же настоящий джентльмен! Ха-ха-ха! Ах, я отлучусь! Подождите еще буквально пять минут!

Ева выпорхнула из гостиной.

— Молчи! — Я предостерегающе погрозил Яну кулаком. — Ни слова! Она — наш клиент, а о клиентах либо хорошо, либо ничего. Она не виновата...

— ...что дура? — продолжил за меня пан Замойский. — Конечно, не виновата! Да с такой внешностью она может позволить себе ограбить банк и ни один судья не признает ее виновной! Я, разумеется, говорю о судье-мужчине. Женщина-судья, я уверен, осудит ее на пожизненное даже за переход улицы в неположенном месте.

— Ах, вы меня, наверное, совсем заждались! — пропела Ева, вновь влетая в комнату. Надо отдать ей должное, меньше чем за десять минут она успела переодеться в темно-синее строгое платье, закрывающее даже шею и руки до запястий, и смыть макияж. Парадоксально, но в этом нарочито-монашеском одеянии она выглядела еще более притягательно. Я постараюсь сфокусировать взгляд на картине прямо за спиной Евы и произнес внезапно охрипшим голосом:

— Позвольте представить: непотребный... тьфу ты! Преподобный Ян Замойский. Он будет проводить ритуал экзорцизма.

Пан Замойский злобно глянул на меня, но Ева уже решительно завладела его рукой и увлекла за собой к диванчику.

— Ой! Настоящий священник?! Как замечательно! Всю жизнь мечтала посмотреть на настоящего... э-э-э... как вы сказали, называют священников в таких вот белых воротничках? Ах! У меня такая плохая память! Ха-ха-ха!

— Католические, пани, — терпеливо сообщил Ян. — Это наше обычное облачение. Хотя, как только что выяснилось, пан Фокс принимает меня то ли за лютеранина, то ли за баптиста.

— Да? И такие есть?! — Ева округлила губы в удивленной гримаске, и я тихо застонал. — Какие смешные названия! Ха-ха-ха! О! Нехорошо смеяться над чужой верой! Это я знаю!

— Может быть, приступим к изгнанию бесов? — попытался я вернуть разговор в конструктивную колею. — Уже стемнело, а такими вещами лучше по ночам не заниматься.

— Ну что ты за ересь такую говоришь?! — не замечая моего подмигивания, отмахнулся Ян. — Можно подумать, для Бога есть разница между днем и ночью!

— О! Мне так неудобно вас задерживать! — всплеснула руками Ева. — Просто мои друзья почему-то опаздывают! Я сейчас им позвоню!

— Друзья? — опешил Ян.

— Э-э-э... — Я вспомнил, что об этой детали пана Замойского не предупредил. — Ну... типа друзья. Товарищи.

— Друзья?! —

— Поверьте, они милейшие люди! — прошептала Ева, доставая из сумочки мобильник. — Милейшие!

— Друзья, — обреченно поник Ян. — Во что ты меня втравил, Вик?

— Спокойно! Они просто тихо посидят тут, внизу.

— Ян Замойский, — чуть слышно прошипел падре. — Никогда! Слышишь? Никогда Ян Замойский не опускался до участия в балагане!

— Да успокойся ты! — буркнул я, тревожно оглядываясь на Еву. К счастью, та как раз дозвонилась этим самым друзьям и щебетала, совершенно оторвавшись от реальности, — Ты уже согласился участвовать в балагане, так что количество зрителей неважно. Не парься, они

все равно не пойдут с нами в детскую. Просто посидят внизу. Парочка друзей семьи для моральной поддержки несчастной матери в трудную минуту.

— Не очень-то она похожа на несчастную мать, — ответил Ян, понемногу остывая. — С тебя еще штука помимо оговоренной суммы.

— Ну и аппетиты у тебя, святой отец! — возмутился я, но тут с улицы донеслись звуки подъезжающих автомобилей, в количестве явно больше двух, и стало ясно, что мне лучше заткнуться.

Сказать, что друзья госпожи Барановски ввалились толпой, было бы несправедливо — для этого они оказались слишком хорошо воспитаны. Гости входили в гостиную чинно, парами или поодиночке, провожаемые дворецким. Этой чинной реке не было конца, словно на знаменитом балу у Воланда. Постепенно огромная гостиная оказалась заполнена людьми, как столичное метро в час пик. Разве что метро никогда не видело платьев и костюмов такой стоимости. И вся эта ярмарка изысканного портняжного искусства таращилась на нас с паном Замойским. Не скажу за Яна, но лично мне стало как-то не по себе.

— Ах! Дорогие мои! Спасибо вам! Спасибо! — Ева преобразилась. Зовущая энергия сменилась совершенно искренней скорбью и отчаянием, с едва заметной ноткой эротизма. Не видел ни одного сериала с ее участием, но после этого выступления больше не поверю ехидным статьям в таблоидах — Ева великолепно играет!

Между тем актриса точно выверенным движением на мгновение коснулась глаз, словно отгоняя горькие мысли, и с искусственным оживлением продолжила:

— Ах, простите... Присаживайтесь, сейчас подадут напитки.

Я оглянулся — пан Замойский сидел в кресле, в позе полнейшего отчаяния, спрятав лицо в руках.

— Ян, — прошептал я уголком губ, — сейчас не время.

— Почему? — с тоской спросил преподобный. — Нет, ну почему я не остался в Бангкоке? Нес бы сейчас спокойно Слово Божие тамошним вора и проституткам.

— Эй! Ну что за снобизм? — попытался я ободрить падре. — Этим ребятам твои проповеди тоже не помешают! По-моему, они ничем не хуже тайландских воров и проституток!

— Знаешь, те стремятся к спасению куда искренней. Особенно, когда получают в глаз!

— М-да... Этих бить, пожалуй, не стоит. Ладно, хватит ныть! Надо работать дальше!

— Три тысячи сверх оговоренной суммы, — был мне ответ. — И больше я в твои авантюры никогда не ввязываюсь.

Скрепя сердце я вынужден был согласиться.

— Ну что ж, тогда отработывай эти деньги! — Мне пришлось силой вытаскивать Яна из кресла и вести «в люди». Тут дворецкий очень вовремя вкатил столик с бутылками и фужерами, что несколько примирило падре с ситуацией. После пары стаканчиков виски Ян оживился и уже с откровенным удовольствием беседовал с мужчинами и флиртовал с дамами. Я пробрался к Еве и негромко произнес:

— Знаете, зря вы напоили преподобного.

— Я?! — От удивления Ева даже ограничилась одним словом.

— Ну а кто? — пожал я плечами. — Не могу же я стакан у него из рук вырывать, это будет выглядеть слишком скандально. Вы хоть представляете, как подействует выпивка на человека, который не привычен к спиртному и блюдет пост и воздержание?

— Ох! — Ева перевела испуганный взгляд на падре, явно беспокоясь, не собирается ли тот начать танцевать вприсядку. — Но что же делать?!

— Надо скорее начинать ритуал, пока его не развезло. Я его по-быстрому приведу в чувство в туалете и начнем.

— Да, вы совершенно правы! — Осознав, какой опасности подвергается ее шоу, Ева принялась действовать решительно и расчетливо. Легко подключившись к разговору пана Замойского с какой-то силиконовой блондинкой, она неуловимым движением лишила Яна бокала, посредством извиняющейся улыбки и шага в сторону отрезала священника от

растерявшейся «барби» и в следующее мгновение сдала мне его на руки.

— Друзья мои, мне жаль лишать вас общества преподобного Яна, но он должен приступить к... — Ева взяла паузу, и я готов поклясться, что она сдерживала самые натуральные рыдания. Или пыталась вспомнить слово «экзорцизм». Последнее ей не удалось. — ...приступить к ритуалу, который спасет мою милую Ариночку!

— Пошли, преподобный, — потянул я падре за рукав. — Сначала в ванную.

— Мне не нужно, я утром мылся, — промямлил тот. — Зачем ты увел меня от этих милых людей?

— Ты их недавно боялся до зубовного скрежета! — попенял я пану Замойскому и, оставив его перед умывальником, выскользнул в коридор. Как я и надеялся, дворецкий немедленно материализовался рядом.

— Мне нужно на кухню...

— Не беспокойтесь, — непередаваемым тоном произнес дворецкий. — Я уже приготовил коктейль для падре.

— Серьезно?! — Я взял бокал из его рук, попробовал. То, что нужно. Пожалуй, мое первое впечатление о дворцеком нуждалось в серьезной корректировке. — Спасибо, братан!

Когда я вернулся в ванную, Ян с изумлением разглядывал себя в косметическом зеркале. Не возьмусь даже представить, как искаженное выпуклым стеклом отражение воспринималось его замутненным рассудком, но адскую смесь падре выпил с покорностью агнца. Содрогнулся и молча, не оглядываясь, вышел из ванной. Уже поднимаясь по лестнице на второй этаж особняка, он неожиданно вышел из задумчивого состояния и тихо спросил меня:

— Вик, это ведь мне только показалось? Ведь я здорово пьян, правда? Вот мне и мерещится черт-те что...

— Ну... трудно сказать, — осторожно ответил я. — А что ты видел?

— Знаешь, я ведь не в первый раз так напиваюсь. — Голос Яна заметно дрожал, — Обычно я напиваюсь куда сильнее. Но мне впервые привиделось, что на меня из зеркала смотрит не мое лицо, а некая иная... я бы даже сказал, совершенно противоположная часть моего тела. Может быть, это знак? Может, мне пора завязывать?

Я ничего не ответил — Ян ведь мог обидеться, если я начну смеяться.

Ева ждала нас у дверей детской. Заметно было, что ей сильно не по себе. Мне впервые пришло в голову, что я, возможно, ошибся. Возможно, устраивая из ритуала спектакль со зрителями, Ева делала это не для саморекламы. Она ведь актриса, для нее свет рамп и зрители — как спасательный круг. Сделать из кошмара спектакль о кошмаре для нее означает дистанцироваться от пугающей реальности, превратить ее в нечто привычное и не опасное. Вот почему она стремилась оформить все так, словно мы ставим спектакль — подбор актеров, декорации, зрители...

«Ты, как всегда, поспешно судишь о людях. А потом рвешь на себе волосы из-за этого».

«Ой, вот только не надо мне сейчас лекций по этике читать! — отмахнулся я от Хайши. — И вообще, когда это я последний раз рвал на себе волосы?!»

«Просто будь с ней помягче, Фокс! Она волнуется, ведь там ее дочь!»

«И, кроме того, она нам платит. Ладно, ладно, шучу!»

— Ева, — я постарался, чтобы мой голос звучал ободряюще, — вам не обязательно присутствовать при обряде. Если вам страшно, подождите внизу, с вашими друзьями. Или в другой комнате.

— Я... Спасибо! — Ева благодарно коснулась моей руки. — Но я пойду. Я боюсь, но мне нужно быть там. Арина — моя дочь.

— Хорошо. Что бы ни случилось, не вмешивайтесь. Если станет невыносимо, просто тихо выйдите из комнаты. Помните: мы действуем в интересах вашей дочери.

«Ну ты все-таки подонок! — пронеслось в голове. — Можешь смело идти в политику, у тебя получится!»

«Благородство — роскошь, которую я не могу себе позволить, — возразил я. — В конце концов, если бы я не согласился на этот спектакль, Ева нашла бы другого шарлатана. А я, между прочим, на самом деле решил ее проблему! И заткнись! Мне надо работать!»

Я постучался и, не дожидаясь ответа, шагнул в детскую.

Вот, блин!

Я услышал призрачный смех Хайши.

Две мысли почти одновременно пришли мне в голову. Первая: очень неплохо быть дочерью «звезды»! Я и сам не отказался бы иметь в своем распоряжении комнату, размером со всю нашу квартиру, включая кухню и санузел. Вторая мысль была панической: наше представление обречено на провал! Дизайн детской являл полную копию «домика Барби». Абсолютно все здесь было в розовых тонах. Знаю одно: ни один ритуал, будь это даже кровавое жертвоприношение, в таком антураже не мог восприниматься серьезно. Ну как можно серьезничать внутри кремowego торта?!

Вошедший следом Ян произнес длинную тираду на латыни. Даже моих скудных знаний мертвого языка хватило, чтобы понять — это была не молитва. Похоже, пан Замойский тоже недолюбливал розовый цвет.

Зато Арина честно решила нам подыграть. Одетая и черные джинсы и черную футболку, из-за которых ее лицо и руки казались особенно бледными, она лежала на кровати, успешно прикидываясь манекеном. Когда мы вошли, она медленно повернула голову и молча уставилась на нас — это вышло очень эффектно. Ну, во всяком случае, на Еву произвело впечатление.

— Не бойтесь, милая пани! — величественно выпрямился Ян. — Мы здесь, дабы разрушить происки Сатаны и восстановить... э-э-э... восстановить...

— Справедливость, болван, — проворчал я под нос и добавил громче: — Ева, помните, что я говорю: не вмешивайтесь ни в коем случае.

Незаметно подмигнув Арине, я достал из кармана пакет с солью и пошел по большому кругу, заключая в соляное кольцо и кровать с девочкой, и заодно нас с паном Замойским. Если следовать классике, стоило бы начертить пентаграмму мелом, но, если честно, мне было лень возиться с мелком. Да и выглядела процедура с солью гораздо величественнее, чем ползание на карачках. Ева завороченно наблюдала, как я замыкаю контур и расставляю в углах свечи. Потом пришла очередь листков с нарисованными символами. Вообще-то можно было обойтись и без них, но я с детства неравнодушен к каллиграфии.

Описание ритуала для меня откопала Женька на каком-то сайте, где в свободное от работы время офисные «хомячки» изображали из себя могущественных ведьм и колдунов. Женька скачала с десятков разных описаний, и я выбрал то, что наиболее соответствовало моим эстетическим взглядам. К тому же для данной процедуры не требовалось дорогостоящего реквизита или выполнения неприятных действий вроде принесения в жертву черного петуха в полночь на могиле висельника. На самом деле, судя по названию, этот ритуал служил для вызывания демона, но я решил, что это не имеет большого значения для задуманного мною фарса.

Пан Замойский неодобрительно покосился на мои художества, но спорить не стал — только украдкой приложился к флажке. Мы с ним уже успели переругаться из-за принесения в предстоящую процедуру экзорцизма «самодеятельности» — так Ян назвал мой план действий. Но в итоге он вынужден был признать, что сам по себе ритуал экзорцизма выглядит не особо зрелищно и добавление некоторых экзотических элементов оживит представление.

— Ну что ж, — я с удовлетворением оглядел плоды своих стараний, — защитный барьер возведен, можно приступать...

— Да нет же! — Арина, с интересом наблюдавшая за моими действиями, соскочила с кровати. Прихватив с тумбочки фломастер, она принялась менять разложенные мною свитки местами, одновременно исправляя нарисованные на них символы. — Вы же все делаете не так!

— Арина, — строго произнес я, — не считаешь же ты, что знаешь мою работу лучше меня?!

— Вот! Теперь все правильно! — Маленькая ведьма положила последний листок в углу пентаграммы и посмотрела на меня с гордым видом. Раздался негромкий хлопок, и отчетливо потянуло серой. — Упс!

За спиной раздался мягкий стук. Обернувшись на мгновение, я убедился, что Ева — не утратив при этом своей грациозности — лежит в обмороке. Ян икнул и надолго приложился к фляжке. Было сложно его за это упрекнуть — мне и самому не помешало бы чего-нибудь выпить...

Н-да... Можно было сказать, что ритуал проходит даже интереснее, чем мы ожидали.

В центре пентаграммы — на кровати — восседал демон.

Вообще-то раньше мне демонов встречать не доводилось. Они, эти самые демоны, редкие гости в нашем мире. Многие люди считают демонов фольклорными персонажами. Я и раньше знал, что это не так, что демоны — вполне реальные создания, но вот своими глазами увидел впервые. Несмотря на некоторые отличия от канонических изображений, мне сразу стало ясно, что перед нами существо именно этого класса.

— Мое почтение, уважаемые, — вежливо поздоровался маленький толстый человечек в растянутом вязаном жилете поверх рубашки с потрепанным воротником и манжетами. Вполне обычный человечек с большим унылым носом и мешками под грустными глазами. О демонической сути свидетельствовали только небольшие рожки, украшающие обширную лысину, да хвост и копытца, выглядывавшие из-под полосатых брюк, какие носили модники в двадцатых годах прошлого века. Демон окинул нас взглядом и задумчиво почесал нос, — Позвольте представиться — Иргимориус. Можете называть меня просто Мори. Демон, разумеется.

— А разве вы не должны скрывать свое имя? — задал я единственный вопрос, который в данный момент пришел мне в голову.

— А разве вы не должны находиться по ту сторону пентаграммы? — сварливо поинтересовался демон. — Все прямо-таки знатоками правил стали! Правила, конечно, нужны, но без фанатизма, без фанатизма... Да! Вернемся же к делу! Так какой интерес вы имеете ко мне?

— Лично я — никакого. Ян, у тебя есть какие-то просьбы, пожелания?

— Нет! — отчаянно замотал головой падре. И, подумав, добавил: — Изыди, анафема!

— Нет, ну вы только послушайте! — всплеснул пухлыми ручками демон. — Я могу понять, когда пустоголовые подростки ради баловства вызывают демонов. Но если зрение мне не изменяет, а я вам скажу, что оно мне не изменяет, на подростков вы уже никак не походите. Солидные ведь люди, а туда же! Думаете, если старый Мори — демон, то ему заняться нечем, только скакать туда-сюда по ложным вызовам? А у меня, чтоб вы знали, бизнес и семья! Дети совсем от рук отбились! Младшенький в ангелов играет! Эй! Ты что делаешь?!

Последний возглас относился к Арине, стоявшей все это время по другую сторону кровати — за спиной Мори. Нытье демона на девчонку никакого впечатления не произвело, зато сам он ее, видимо, заинтересовал. Недолго думая, маленькая ведьма дернула Мори за хвост, увенчанный облезлой кисточкой.

— Больно же! — Мори скептически оглядел девочку. — А, девочка... Так это ты меня, наверное, вызвала? Ну и чего хочешь?

— Не знаю, — пожала плечами Арина. — А что ты мне можешь предложить?

— О, ну это ведь совсем другой разговор! — оживленно потер ручки демон. — Мне есть, что предложить! Очень даже есть! Будем говорить с вами о деле?

— Стоп! — поспешил вмешаться я. — Арина, с демонами нельзя заключать сделки! Он ведь потребует взамен твою душу. Поверь, ему нечего предложить, ради чего стоило бы платить такую цену.

— Ой, вэй! — запротестовал Мори. — Вот только не надо поливать грязью мой товар!

Можно подумать, вы уже имели со мной дело. Я честный коммерсант!

— Так что ты можешь предложить? — не обращая внимания на мои слова, повторила Арина.

— Вот это речь взрослого человека! — расплылся в довольной улыбке демон. — Все, что угодно для вашего удовольствия! Хочешь настоящий «дворец Барби»? Целых полтора метра высотой, золоченые крыши...

— Мори, ты что, дурак? — поинтересовалась Арина. — Ты вокруг посмотри...

Демон наконец обратил внимание на интерьер комнаты, в которой находился. Судя по паническому выражению в глазах, зрелище произвело на него тягостное впечатление. Демону понадобилось несколько секунд, чтобы прийти в себя от потрясения, после чего он осторожно выдвинул новое предложение:

— Э-э... мм... Ну тогда, может быть, живого пони? Представляешь, такая маленькая лошадка, совсем как настоящая, которая катает тебя, ест морковку из твоих рук...

— Предложение, конечно, заманчивое, — усмехнулась девочка, — но маме недавно подарили настоящую лошадь. Она лягалась, кусалась, воняла и гадила так, что пришлось нанимать людей для вывоза навоза. И все это, чтобы раз в неделю сделать пару кругов верхом по парку. Мама замучилась искать, кому бы пристроить этот «подарок». Если у меня появится пони, думаю, ее удар хватит.

Демон схватился за нос и надолго задумался. Потом достал из кармана своего невообразимого жилета небольшие счеты и принялся перебирать костяшки, что-то чуть слышно бормоча.

— Ну ладно! — решил он. — Вот мое последнее предложение и, учти, делаю его только тебе! Я могу сделать тебя звездой телеэкрана! Главные роли, слава, деньги, поклонники...

Арина разочарованно вздохнула:

— Ничего-то у тебя интересного нет. — И обратилась к нам с Яном: — Можно его как-нибудь обратно отослать?

Ян простер руки к растерявшемуся от такого поворота событий Мори и с пафосом произнес:

— Иргимориус, именем твоим заклинаю — изыди!

— Да не очень-то и надо было! — обиженно вякнул демон, зажал двумя пальцами нос и нырнул в розовое покрывало, словно в воду.

Арина заглянула под кровать и, убедившись, что демон бесследно исчез, опять вздохнула:

— Знаешь, Виктор, ты прав. Мне нужно обязательно встретиться с этим твоим Ивором. Подумать только, меня даже демон ничем не смог заинтересовать!

— Вообще-то нас посетил какой-то мелкий бес, а не настоящий демон, — заметил я, гася свечи и собирая свитки. — Так что особо не обольщайся. Серьезные парни с той стороны умеют заморочить голову и предложить такое, перед чем будет трудно устоять. Но потом всегда оказывается, что ты продешевил. Я, конечно, не смогу удержать тебя от попытки повторить подобный эксперимент, просто немного подожди, ладно? Поверь, перспективы, которые откроет тебе учеба у Ивора, будут куда интереснее, чем все, что смогут предложить демоны.

— Господи, кто это... что это было? — послышался от дверей слабый голос.

Ева, оказывается, уже пришла в себя и с ужасом смотрела на пентаграмму. Пан Замойский поспешил к ней на помощь, поднял с пола и усадил в кресло. Я всегда удивлялся, как это Ян умудряется оставаться неизменно галантным даже в состоянии сильного подпития.

Надо признать, что неожиданное появление Иргимориуса пошло на пользу нашему небольшому спектаклю. Я постарался придать своему голосу нотки благородной утомленности, каковая подобает человеку, только что проделавшему тяжелую, но важную работу.

— Госпожа Барановски, как вы могли убедиться, демон только что был материализован и изгнан из нашего мира. Больше он вас беспокоить не будет.

— Спасибо! — с искренними слезами на глазах проговорила Ева. — Я и не думала, что это так... так реально.

— Ну-ну, худшее уже позади. — Я ободряюще улыбнулся Еве. — Во всяком случае, бесов мы изгнали. Но...

— Что-то не так? — Женщина испуганно привстала с кресла. — С Ариной...

— С Ариной все будет хорошо! — поспешил я успокоить Еву. — Но, сами понимаете, совсем без последствий такое пройти не может. Я бы посоветовал одного хорошего специалиста, он понаблюдает за вашей дочерью, поможет пережить восстановительный период, научит, как в будущем защищаться от таких существ.

— Правда? Это было бы замечательно! — Ева замялась, но все-таки продолжила: — Знаете, я ведь это воспринимала немного несерьезно. Часть меня не верила... ну, что это на самом деле одержимость. А теперь мне даже страшно представить, что могло случиться с Ариночкой.

— Это нормальная реакция человека, впервые столкнувшегося со сверхъестественным, — успокоил я актрису. — Сначала — неверие, потом — страх. Не бойтесь, вашей дочери больше ничего не угрожает. Вот моя визитка, я тут записал телефон Ивора — так зовут этого специалиста. Он ответственный человек и будет опекать вашу дочь, пока не удостоверится, что она в полной безопасности.

Уже на крыльце, прощаясь с Евой, я сделал вид, что только что вспомнил о незначительной мелочи, и непринужденным тоном спросил, кивнув в сторону особняка академика Келлера:

— А вы, оказывается, соседи с Анатолием Германовичем?

— С кем? — удивленно нахмурилась Ева. — Ах, с Келлером? Я и не знала, что его так зовут. А вы с ним знакомы?

— Да так... — отделался я неопределенным взмахом руки. — Я просто подумал, что раз вы соседи, то общаетесь.

— У меня очень плотный график, — пояснила актриса, — С трудом удается поддерживать общение даже с приятными мне людьми.

— А Келлер вам неприятен?

— Если вы его друг...

— О, не беспокойтесь! У меня к нему исключительно профессиональный интерес, вот и расспрашиваю всех, кто его знает, чтобы понять, что это за тип.

— Никогда бы не подумала, что Келлер может нанять частного детектива. Он, мне кажется, из тех, кто привык решать проблемы другими способами.

— То есть?

— Я не следила за ним специально, — оправдывающимся тоном пояснила Ева. — Просто, когда живешь с человеком через забор, волей-неволей что-то видишь. Ну вы же понимаете! Ах, это женское любопытство! Ха-ха-ха! У Келлера своя служба безопасности, и выглядят эти люди настоящими бандитами. Прямо как в кино! Ха-ха-ха! Мне совсем не хочется иметь среди знакомых такого человека, но сам он очень навязчив.

— Ну этому я не удивлен, — хмыкнул я. — Увидев вас хотя бы единожды, трудно не пытаться увидеть вас еще и еще раз.

— Ах! А вы, оказывается, галантный льстец, детектив! Ха-ха-ха! Но нет, мне кажется, я интересую Келлера не в этом смысле... то есть, может быть, и в этом тоже. Он очень... мм... обтекаемый человек. Трудно понять, что он на самом деле думает. С его стороны поводом для общения была отнюдь не личная симпатия, просто он предлагал мне сделать родословную.

— Э-э-э... как это?

— Ну вы же сыщик, наверняка знаете, что сейчас легко можно купить документы, подтверждающие, что ваш род ведет начало от кого угодно, хоть от царя. Вот Келлер и

занимается составлением таких родословных.

— Вы хотите сказать, на этом можно заработать на такой вот особняк?

— Знаете, сколько глупцов думают, что знатные предки сами по себе уже делают их значительнее? Мне ведь приходится вращаться в светских кругах, там обожают придумывать себе дворянские корни! И чем менее примечателен человек, тем благороднее предков он старается себе найти. К тому же Келлер очень серьезно организовал свой бизнес. Если верить его словам, он берет с клиентов очень большие суммы, но организует неопровержимые доказательства родства, такие, что можно даже претендовать на наследство, если оно, конечно, есть.

— Вот как... И вы?..

— Отказалась, конечно. — Ева снисходительно улыбнулась. — Я и так знаменита. Мои зрители любят меня, а не моих великих предков. Да и с фамилией мне повезло — она звучит по-дворянски, хотя на самом деле мои предки были самыми обычными людьми. Раньше я пользовалась этим, но сейчас в этом нет необходимости. Так зачем мне родословная? Я же не собака! Ха-ха-ха! Я так и сказала Келлеру. Он, по-моему, обиделся, но при любой возможности пытается меня переубедить.

— Понимаю... Что ж, нам пора. Уверен, у вас с Ариной все будет хорошо. Прощайте!

Ева отправила нас с паном Замойским в Москву на своей машине, так что я был избавлен от вопросов падре — присутствие шофера актрисы не располагало к откровенному разговору. Что же до меня, то мне вообще сейчас ни с кем не хотелось болтать.

Неплохо помечтать, как вернешься домой, упадешь на диван, и до самого утра ни с кем не нужно будет общаться. Если ты не живешь в своеобразной коммуналке.

Алекс никогда не отличался чувством такта, поэтому, выслушав мой максимально сухой и краткий доклад, задал единственный волновавший его вопрос:

— Ну и когда вы снова встречаетесь?

— Никаких встреч не будет, озабоченный ты наш, — отрубил я. — Мы попрощались и больше не увидимся. Во всяком случае, я на это очень надеюсь.

Алекс схватился за голову:

— Ты что, рехнулся?! Да такой шанс выпадает раз в жизни! Она тебе что, не понравилась?

— Понравилась — не понравилась, какой смысл об этом говорить? Между нами ничего не может быть. Она — популярная актриса, светская дама. А я кто? Что-то среднее между городским сумасшедшим и шарлатаном, продающим приворотное зелье. Ни кола, ни двора. Почти никогда нет денег даже на бензин. Одеваюсь, как студент, в секонд-хенде. Последние джинсы сожрала нелепая тварь, которой просто не может быть в природе. Зачем Еве законченный неудачник?

— Не смей так говорить! — неожиданно болезненно отреагировал на мои слова Алекс. — Это ведь все и про меня! Что же я, получается, тоже законченный неудачник?

— У тебя хотя бы тeneвая кровь есть! — возразил я. — Так что ты не законченный неудачник.

— Блин! Я даже неудачник не законченный, — совсем расстроился Алекс. — Права Марго — никчемный я человек!

Я дружески обнял Алекса за плечи:

— Ничего, брат Алекс! Такова уж наша судьба. Будем смиренно нести крест неудачников.

— Будем! — кивнул Алекс. — Вообще у меня есть план! Если он сработает, скоро у нас будет куча денег!

— Эй вы, неудачники! — рявкнула с дивана Женька. — Законченные и незаконченные! Идите ныть на кухню! Вы мне работать мешаете!

Ми-ми поддержал ее требовательным хрюканьем.

— Кстати, почему его еще не забрали? — спросил я, предусмотрительно пряча пиджак в шкаф.

— Хозяин позвонил — он неожиданно заболел ангиной.

— Подозрительно это все, — нахмурился я, разглядывая чжуполуна. Ми-ми ответил мне преданным взглядом и выпустил струйку пара. — Может, этот чайник с лапами хозяину тоже надоел, и он задумал его у нас оставить?

— Не знаю, не знаю, хрипел и кашлял он вполне натурально, — возразила Женька. — А... а что вы будете делать, если он его не заберет?

— Я даже думать об этом не хочу, — отмахнулся я. — Только не сегодня.

Вместе с пиджаком, как ни странно, я словно снял с себя и часть груза сегодняшнего дня. Во всяком случае оплакивать бесцельно пролетающую жизнь больше не хотелось. Сделав себе джин-тоник, я уселся в любимое кресло и достал из стола ноутбук. На него больше никто не претендовал. Пока меня не было, Женька успела обзавестись неким чудом техники и дизайна, над которым и колдовала в данный момент. Позавидовав полупрозрачному гладкому корпусу и широкому экрану, я открыл своего старичка и стал набирать отчет о деле с фальшивой одержимостью. Насущной необходимости заниматься этим прямо сейчас не было, просто один из моих предрассудков. Мне казалось, что дело только тогда закрыто и уже точно не всплеснет неожиданными последствиями, когда написан отчет и после фразы «Дело закрыто» поставлена точка.

Тем более в этом деле были ответвления, которые необходимо прописать максимально точно и потом над ними хорошо подумать. И лучше этим заняться сейчас, пока ничего не забылось. Первый вопрос, с Ариной, был в общем-то ясен. Мне удалось подтолкнуть девочку к нужному решению и при этом остаться с ней в хороших отношениях. Пусть она и сильная ведьма, но еще ребенок, а дети не бывают безнадежными негодьями. Главное — заинтересовать, а дальше можно спокойно вести в нужную сторону. Правда, сам я на роль поводыря не очень-то гожусь, да и не претендую. А вот Ивор, которого я так удачно подсунул в качестве специалиста, с удовольствием займется маленькой ведьмой. Старик, при желании, может быть очень обаятелен и с детьми умеет работать. Вполне вероятно, что скоро в Тени появится новая могущественная волшебница. Можно было бы выбросить этот вопрос из головы, но вот карты... Повинуясь интуитивному позыву, я разложил на Арину «Аркаду грядущего». В целом расклад получился неплохой, хотя и туманный. Но из него выходило, что мои обязанности по отношению к маленькой ведьме выполнены еще не до конца. Пребывая в некотором недоумении, я все-таки принял решение по мере возможностей контролировать будущее Арины.

Второй вопрос был более насущным. Ева дала мне зацепку на таинственного господина Келлера — академика, торгующего поддельными родословными и якшающегося с откровенными уголовниками.

— Женя, отвлекись на минуту!

— Ы? — вопросительно буркнула под нос девчонка, не отрываясь от экрана.

— Мне нужна твоя помощь. Ты ведь говорила, что хорошо собираешь информацию?

— Не-а. Не могла я такую чушь ляпнуть. Я говорила, что собираю информацию лучше всех!

— Да-да, а еще ты — сама скромность. Мне нужна информация на некоего Келлера, Анатолия Германовича. Его называют академиком, но не факт, что он на самом деле академик. Он занимается созданием качественных родословных для современных мсье Журденов.

— Для кого?

— Ох... ты вообще что-нибудь читаешь?

— Конечно! Вот недавно дочитала «Топологию» Франсиса, офигенная книга. А че?

— Ладно, проехали... В общем, этот тип придумывает родословные для клиентов — якобы те являются потомками известных дворянских родов. Причем, говорят, эти родословные очень надежные. Так что, с одной стороны, он не будет светиться на досках бесплатных объявлений, но, с другой стороны, должен быть хорошо известен в кругу состоятельных людей. А! Еще возможная зацепка — у него особняк в Липовом Цвете. И еще

у меня есть номер его мобильного телефона. Сможешь собрать досье?

Женька оторвалась от компьютера и задумчиво уставилась на меня:

— А почему ты им заинтересовался?

— Ну хотя бы потому, что машина, в которой я тебя нашел, стояла возле его особняка. Жень, ты же вроде сама вызвалась нам помогать?

— Ладно. А какая информация нужна?

— Все, что найдешь.

— Ну задача решаемая, но мне нужна неделя.

— Я считаю, это именно тот человек, по приказу которого тебя похитили.

— Гонишь?! — Брови Женьки взлетели вверх. Она о чем-то задумалась, потом глаза ее азартно блеснули. — Очень интересно получается... Хорошо, мне нужно будет дня три. Я бы и быстрее смогла, но, видишь, комп-то новый, на него еще надо установить кучу всего такого, без чего в Сеть лезут только чайники.

— Хорошо, действуй!

— Вик! — Алекс недовольно нахмурился. — Я думал, ты присоединишься к поискам библиотеки! Это куда важнее!

— Присоединюсь, конечно, — успокоил я напарника. — Но с Келлером все равно нужно разобраться. Он может доставить нам неприятности в будущем. Да и потом, нельзя же здесь прятать Женьку вечно.

— Почему? Меня, например, наполняет теплом при одной мысли, что наше холостяцкое жилье...

— Ну все, заворковал! — Я ударил ладонью по столу. — Девчонке нужно учиться, вести нормальную жизнь...

— Ты совершенно прав, папочка! — противным голосом пропела Женька, часто хлопая ресницами. — Ходить по клубам, курить, напиваться в сисю, нюхать кокс и просыпаться каждое утро в разных постелях.

— Не утрируй, — поморщился я. — Я понимаю, что ты серьезным бизнесом занимаешься. Но хоть какая-то жизнь, помимо Интернета, у тебя есть?

— Есть у меня все, — огрызнулась Женька, вновь уткнувшись в ноутбук. — Отвали.

— Ну... ладно. — Я растерялся от такой реакции и продолжил уже для Алекса: — В общем, как ни крути, проблема есть и ее надо решать. А книги никуда от нас не денутся. Ты завтра займись букинистическими лавками — походи, посмотри, поговори с продавцами и посетителями. Насколько я понял, эти подпольные аукционы — довольно закрытая тема. Возможно, прежде чем выйти на маклера, продавец завещания сначала пытался сбыть его через букинистические магазины. Тогда его могли запомнить. У тебя чутье лучше развито, да и люди с тобой охотнее разговаривают, чем со мной. Может, что интересное узнаешь. А я займусь господином Келлером, а потом навещу господина Ессе.

— Договорились. — Алекс устало потянулся и встал. — Пойду спать...

— Ну дает! — восхитилась Женька. — По-моему, он родственник Паштета, тоже все время только ест и спит! Странно, что он такой тощий!

— Я все слышал! — донеслось из комнаты Алекса. — Открою секрет, детка! Не нужны никакие диеты, постоянно занимайся любовью — и будешь в отличной форме! Хочешь, я тебя потренирую?

— Спасибо, Алекс, — проворковала Женька, — но придется тебе в одиночку потренироваться. Думаю, ты справишься, опыт-то большой!

— Жень, — простонал я, чувствуя, как заливаюсь краской, — ты разбиваешь мою веру в людей! Приличной девушке не пристало так говорить!

— А кто тебе сказал, что я приличная? — ухмыльнулась Женька. — Я училась в элитной школе, пришлось стать настоящей стервой, чтобы обламывать наглых сыночков крутых папаш.

— Я понимаю, но, прошу, пожалей мою психику!

— Ладно уж, раз ты такой ханжа... А! Чуть не забыла. Вик, посмотри на своем буке

файл «Свисток». Он прямо на рабочем столе. Это я для тебя нашла.

— Что это? — Я в недоумении уставился на какие-то графики и чертежи, открывшиеся на экране.

— Это схема ультразвуковых излучателей, которыми пользуются для отпугивания собак. Я проконсультировалась с несколькими специалистами. На графиках видна зависимость реакции представителей семейства собачьих от длины волны.

— Семейства собачьих? Не вздумай такое сказать при оборотне!

— Ты же не оборотень? Ну тогда заткнись и слушай! Не могла же я написать профессору биологии, что меня интересует устройство слухового аппарата оборотней! Раз они обращаются в волков, скорее всего, их строение тела, как у волков. Значит, реакция будет, как у всех собачьих. Какие нужно внести изменения, на схеме указано — это мне один знакомый физик рассчитал.

— Угу, понимаю, — хмыкнул я, разглядывая чертеж. — Интересная идея! Ты молодец!

— Да ладно, — равнодушным тоном ответила Женька, но было заметно, что похвала ей приятна, — Я уже заказала несколько излучателей и инструменты. Завтра курьер привезет.

Ретроспектива

1553 год, Троице-Сергиев монастырь

Высокий широкоплечий мужчина в богатых одеждах стремительным шагом пересек монастырский двор. Шуба развевалась за его плечами подобно боевому стягу, под которым царь Иоанн, прозванный врагами Грозным, водил рать в поход.

Да и не только враги, верные подданные тоже повторяли прозвище, только с другой интонацией, с уважением. Но и со страхом — тоже. Грозен был царь и крут на расправу. Особенно проявилось это в последние годы, стал Иоанн мнителен, во всем искал скрытые замыслы врагов, предательства и заговоры. И находил, благо пыточных дел мастера трудились не покладая рук. Казнили «заговорщиков» десятками, выбивая из них перед казнью имена новых жертв. А то вдруг случалось, нападало на грозного царя слезливое раскаяние. Облачался он тогда во власяницу и дни напролет каялся да бил поклоны в церкви, чем пугал народ еще сильнее. Говаривали, будто эти помрачения стали одолевать царя с тех пор, как он впервые встретился с ученым греком, которого еще батюшка его, Василий, выписал для перевода книг из царской библиотеки. Грек этот по имени Максим прижился в Москве, научился понятной речи, но сам понятнее для окружающих не стал. Уж больно чуден был с виду: пугал честных горожан вьющимся черным волосом, сумасшедшей искрой в глубине глаз, особенно же — странными речами, до которых, по счастью, снисходил лишь изредка. А потом и вовсе был сослан Василием Третьим в Иосифо-Волоцкий монастырь. Но язык свой монах не окоротил. Из-за необычных речей, которыми грек смущал теперь уже монашескую братию, перевели его сначала в Тверской монастырь, а потом — в Троице-Сергиев. Однако книжнику оставили возможность читать и писать...

Будучи молодым, царь Иоанн особо не интересовался библиотечным затворником, как и самой библиотекой, предпочитая увеселения более простые. Да и государственные дела отнимали немало сил. Нос годами круг интересов царя расширялся: то вдруг брался он писать музыку для церковных литургий, то загорался идеей основать в Москве печатное дело — новинку даже по европейским меркам. Так, однажды царь пожелал узнать, как идет работа по переводу книг.

О чем беседовал Иоанн с греческим книжником, так никто и не узнал. Тем не менее царь повелел не отказывать Максиму Греку ни в какой надобности для чтения или письма, а сам зачастил в монастырь. С тех самых пор нрав Иоанна сильно изменился, а прозвище его — Грозный — наполнилось новым жутковатым смыслом.

Иоанн вошел в келью, окинул взглядом далекое от роскоши убранство: голые стены да лавка для сна с тонким тюфяком. Ну да, обычная монашеская келья, если не считать пюпитра с закрепленной на нем книгой и листом пергамента, на четверть исписанного мелким

строгим почерком. Никаких завитушек и рисованных буквиц грек не признавал. Царь перевел взгляд на монаха. Тот сильно постарел с момента их последней встречи и выглядел нездоровым, однако в глубине его черных глаз по-прежнему поблескивала сумасшедшая искра. Теперь Иоанн знал, что зажгло ее! Знал, почему ученый грек согласился ехать в далекую холодную страну, почему не пытался убежать, когда попал в опалу, и покорно сносил монастырское заключение.

Иоанн склонился над пергаментом и, с трудом разбирая бисерный почерк монаха, прочел несколько строк. Помрачнев, впился требовательным взглядом в Максима, но изможденное лицо монаха осталось безмятежным.

— Знаешь ли ты, что за одни вот эти слова... — Царь зло чиркнул длинными ухоженными ногтями по пергаменту, словно пытаясь выцарапать из него ересь, — ...за одни вот эти слова тебя надобно немедленно посадить на кол?

— Знаю... государь, — спокойно ответил инок.

— Проклятый колдун! — Иоанн сплюнул на пол, и тут же, вспомнив, где находится, испуганно перекрестился.

Жег изнутри грех, жег, что и говорить. Колдуна надо было давно извести. И ведь хотел! Хотел расправиться, когда еще самый первый донос читал от настоятеля монастыря! Но дал слабину — решил вначале посмотреть, что пишет ученый грек столько лет. Любопытство разобрало: а не удалось ли ему перевести чего важного из немалых библиотечных богатств?.. Прочитал. Изумился. Поначалу хотел немедленно стрельцов звать, чтоб вязали монаха да тащили в пыточную, но... допустил на мгновение предположение, будто описанное в трактате, переводимом Максимом Греком, возможно осуществить. И не нашел в себе сил противиться соблазну. Понял одно: за обещанное готов заплатить любую цену.

Любую.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Утро — самое ненавистное для меня время суток. Как бы рано я ни лег вечером, пробуждение всегда мучительно. Разум проявляет чудеса изобретательности, подбрасывая самые убедительные причины, чтобы не вставать хотя бы еще час! Еще полчаса! Ну хоть десять минут!

Помогает только привычка, выработанная еще во времена армейской службы. Ну и осознание того, что есть вещи, которые необходимо делать, как бы неприятно это ни было. Потому что от них может зависеть сохранность собственной шкуры.

Поэтому я нацепил спортивный костюм и, стараясь не шуметь, покинул свою комнату. Оказалось, старался я зря — Женька не спала.

— Привет! А ты чего в такую рань поднялась?

— Мм... — Девчонка потерла глаза кулаками и устало потянулась. — Я еще не ложилась, если че. Вот сейчас еще одну прогу мне перешлют, я ее установлю — и спа-а-ать...

— Ты всю ночь сидела? — Я уважительно присвистнул. — Вот это я понимаю — преданность делу.

— Да не, я привыкла по ночам работать, а днем спать. Прямо вампир, гы-гы... Слушай, у вас тут убойные книги, ваще! Я, пока проги инсталились, прочитала кое-что. Так. Где это? А! Слушай! «Отрубите кисть правой руки у повешенного и сушите ее на солнце в течение месяца. В блюдце налейте расплавленный воск, воткните в него руку, а в кисть вставьте зажженную свечу. Каждый, кто войдет в комнату, оцепенеет!» Че, реально действует?

— Ну блин, базара нет, если б я такую икебану увидел, наверное, не только оцепенел бы! Где ты это прочитала? Забуди! Это Алекс откуда-то натаскал, чтобы книжные полки солидно выглядели.

— У-у-у... Понятно. А я серьезно собиралась магии научиться... А ты чего в таком виде? Только не говори, что ты из этих!

Женька изобразила пальцами нечто неопределенное, но явно недостойное уважения. Я

окинул себя критическим взглядом. На мне были поношенные, но еще вполне приличные спортивные штаны, олимпийка и кроссовки.

— Каких «этих»?

— Ну которые свихнулись на здоровом образе жизни... Хотя нет, ты же пьешь.

— Я не из «этих», — ответил я, застегивая на щиколотках утяжеляющие манжеты со свинцовой дробью. — При моей работе это вопрос не здоровья, а жизни и смерти. Вот и бегаю каждое утро... ну, почти каждое.

— Бегаешь? — протянула Женька. В ее голосе явно слышалось разочарование. — А как же боевая подготовка? Какое-нибудь карате или фехтование на мечах?

— Глупости. Бессмысленная трата времени. Почти все обитатели Тени настолько превосходят человека силой и прочностью тела, что вступать с ними в драку — чистое самоубийство. Раздавят и не заметят. И меч отберут и засунут в... куда-нибудь. А вот спастись бегством — вполне реально. Не хочешь присоединиться побегать?

— Нет уж, спасибо! — ужаснулась девчонка. — Я даже в школе на физкультуру не ходила! И вообще, я спать ложусь!

— Ладно, постараюсь не разбудить, когда вернусь.

— Насчет этого не бойся, — ответила Женька, возвращаясь к ноутбуку. — Ты что, в общежитии никогда не жил?

Я кивнул, тщательно запер дверь и выбежал из подъезда.

На самом деле жить в студенческой общаге мне не довелось — москвичам общежитие не предоставлялось. Гостем у институтских друзей я оставался часто и, помню, жутко завидовал своим однокашникам, живущим безалаберной и, главное, вольной жизнью. Позже, впрочем, я в полной мере насладился жизнью в общаге, когда после института неожиданно попал в армию. Хорошо еще хоть на факультете была военная кафедра, и забрали меня служить не рядовым, а лейтенантом. Тем не менее проживание в офицерском общежитии навсегда избавило меня от желания делить жилье с кем-либо.

За этими ностальгическими воспоминаниями я добежал до парка. Вообще-то после недавнего инцидента с Отбоем соваться в парк было не особо умным шагом. Правда, про мои утренние пробежки практически никто не знает. С другой стороны, утренние часы — самые безопасные. Ночь, когда весь город пребывает в тени Луны и теневая магия особенно сильна, уже закончилась. Днем Тень слабее, но, если стоит солнечная погода, теневые существа могут черпать силу из глубоких дневных теней. А вот утром и вечером, когда солнце за горизонтом и тени прозрачны, теневая магия слабее всего. В худшем случае, если оборотень все же решит напасть сейчас, он будет в человеческой форме и не намного сильнее меня. Я от него просто убегу. Гм... бег наперегонки с оборотнями мог бы сильно оживить мои тренировки. Бегущий по пятам взбешенный Отбой — очень веская мотивация! Жаль, договориться с ним теперь будет сложно...

Эх! Шутки шутками, но как же не ко времени мне сейчас эти разборки с Отбоем!

Несмотря на реальную опасность, которую представлял вожак местной стаи оборотней, воспоминание о стычке с ним подняло мне настроение. Не каждый может похвастаться тем, что победил в стычке оборотня! Ну «победил» — это я преувеличиваю, конечно. Но, по крайней мере, я подпортил ему шкуру и притом ушел живым. Жаль только, что Отбой знает, где я живу. Надо предупредить Женьку насчет обаятельных молодых блондинов в солнцезащитных очках.

Я пробежал разминочный круг и начал постепенно наращивать скорость. Разогнавшись, свернул с тропинки и помчался напрямик через парк, лавируя между деревьями и перепрыгивая кусты и ямы. Тут уж все мысли вылетели из головы — задумаешься, так сразу лбом в печатаешься в дерево или в канаву сверзишься. Остается только бег — здесь и сейчас. Такая вот медитация в движении.

Пробежав насквозь Терлецкий парк, я пересек шоссе Энтузиастов, промчался сквозь Измайловский парк, развернулся и, не сбавляя темпа, припустил обратно. Добежал до Metallургов и только тогда перешел на неспешную трусцу. Сердце колотилось где-то в

горле, но тренировкой я остался доволен. Лишние мысли и тревоги растворились в гуляющем по жилам адреналине, тело и разум были готовы работать.

Но сначала необходимо рассчитаться с прежними долгами.

Деньги на счету появились, а значит, ходить пешком больше не было причин.

Спустя час я мчался на своей «драге» по Третьему кольцу, прикидывая, как проще всего попасть на Кудринскую площадь. В последнее время машин в городе столько, что даже на мотоцикле пробираться сквозь пробки стало весьма непросто.

А еще дико осложняет жизнь путаница переулков с односторонним движением в центре. Право слово, старые районы Москвы — какой-то изощренный лабиринт! Тут и пешком-то заблудиться ничего не стоит. Покрутившись с полчаса, мне все-таки удалось пробраться к одной из знаменитых «сталинских высоток».

Ох, до чего же я не люблю сюда приходить!

И вовсе не потому, что мне не нравится архитектура здания или у меня какие-то предрассудки относительно его истории. Просто именно здесь находится Анклав магов — единственная власть, которую признают над собой все без исключения теневые обитатели. Потому как в Анклав входят только сильнейшие маги, сопротивляться воле которых — чистое безумие. И еще потому, что Анклав принимает действительно мудрые решения, которые всем только на пользу.

Но у меня напряженное отношение к любой власти, особенно — к власти абсолютной.

К тому же это место не любит Хайша. Она давным-давно попросила меня не рассказывать о себе никому из магов, даже И вору. Каждый раз, когда мне приходится здесь бывать, она прячется, стараясь ни одним движением мысли не обнаружить себя. Объяснять свое поведение она отказывается, но после каждого такого визита я чувствую, как сильно расстроена моя богиня. Подозреваю, что когда-то (когда могущество еще было при ней) она сталкивалась с Ивором. И теперь ей было бы неприятно, если бы он узнал о ее жалком положении.

Я вошел в подъезд, привычно вызвал теневое зрение и шагнул направо — в дверь, которую можно увидеть только в Тени и которая ведет в теневой вариант высотки. Как я уже говорил, обычно тени сильно отличаются от своих прототипов, это касается и зданий, причем чем старше постройка и насыщеннее его история, тем существеннее эти отличия. Но тень высотки представляла собой почти точную копию высотки «дневной», не знаю уж, в чем тут секрет.

Правда, в Тени холл здания выложен плитами черного с красными прожилками мрамора, что придает ему мрачный вид. Еще здесь имеются витражи, изображающие какие-то эпизоды истории, видимо, теневой, поскольку ни один из них мне не удалось распознать.

— Привет! — со всей возможной непринужденностью поздоровался я с дагу, вот уже бесчисленное число лет служащим здесь привратником. В этом — весь Анклав, сборище пафосных любителей пустить пыль в глаза! Конечно, трудно сохранить самообладание, когда прямо на входе тебя обвивают и начинают обыскивать почти неощутимые тени-щупальца, а три глаза, светящиеся зеленым огнем, кажется, заглядывают в самую душу. Но другого смысла, кроме как напугать и смутить, я в этом обыске не вижу — ну какому идиоту придет в голову нападать на Анклав в одиночку?

Впрочем, подозреваю, дагу может сдержать и небольшой отряд, если такие храбрецы найдутся. Только откуда им взяться? Власть Анклава вполне устраивает большинство обитателей Тени. Самое смешное, что меня она тоже устраивает, моя неприязнь к Анклаву — что-то из области подсознания.

— Ты знаешь, что твои хозяева — сборище пафосных клоунов? — обратился я к привратнику.

— Знаю.

— Ну и зачем тебе такая служба?

Дагу аккуратно поставил меня на пол и свернулся в компактный непроницаемый кокон.

— Мне просто интересно. Здесь пишется история Тени. Ступай в лифт. И вор тебя

примет.

Я послушно сел в лифт, и кабина, плавно ускоряясь, понеслась вверх, на последний этаж, в апартаменты нынешнего главы Анклава — мага Ивора. Интересно... Я о своем визите заранее не договаривался, причину его тоже не называл. Получается, либо дагу тоже умеет читать мысли и это он сообщил И вору о цели моего визита, либо маг сам каким-то образом узнал, что я пришел.

— Что, гадаешь, откуда я узнал, что ты явился? — требовательно уставился на меня из-под кустистых седых бровей И вор, стоило мне перешагнуть порог его рабочего кабинета. — Удивляешься, как я из своего кабинета в этой высокой башне выяснил, что кто-то возжелал аудиенции главы Анклава?

— Блин, Ивор, ты меня знаешь... э-э-э... а сколько вообще лет ты меня знаешь? — спросил я старикана, устраиваясь в кресле. — Я за эти годы в Тени такого насмотрелся, что разучился удивляться. Ну читаешь ты мысли или предсказываешь будущее — подумаешь, чудо!

— А вот и не угадал! — самодовольно потер сухие ладони Ивор. — Глянь-ка сюда!

Он торжественно отдернул штору, закрывающую часть стены перед его рабочим столом.

— Гм... Я типа должен быть поражен? — поинтересовался я, разглядывая с десятков мониторов, демонстрирующих разные уголки здания. В том числе и холл внизу. — Ты увидел меня через видеокамеру, ага. Ах-ах, обалдеть. Считаю, я выразил свое восхищение и удивление. Но, между нами, в некоторых учреждениях моего мира, например, в банках, такие системы давно уже являются нормой.

— Знаешь, Виктор, мне вас, молодых, иногда просто жаль! — разочарованно протянул Ивор, усаживаясь за стол. — Вам же скучно жить! Вы ничему не удивляетесь, вы все видели, а если и не видели, то вам все равно это не интересно! Как вы вообще заставляете себя утром вставать из постели, ведь вас ждет абсолютно скучный, неинтересный день?!

— Я бы и не вставал, — огрызнулся я. — Давно уже мечтаю хотя бы неделю поваляться просто так, не вставая с постели. Да только никто за так меня кормить не будет.

— Прискорбно, что спасти человечество от вымирания способен только голод.

— Я говорил не о человечестве, а только о себе, не обобщай. Впрочем, я не философствовать сюда пришел, как ты наверняка догадался... Вчера вечером мы с Алексом попытались решить ту маленькую проблему, ради которой ты нас нанял. С алхимиком.

— Да? — И вор пристально посмотрел на меня и кивнул. — Как я догадываюсь, все прошло не очень гладко?

— М-да... Ты подобрал точное определение. Не очень гладко. Частично заказ выполнен. Вот тетрадь с записями экспериментов этого типа. — Я вытащил из внутреннего кармана тетрадь и бросил на стол перед Ивором.

— Я просил только сделать копию, — проворчал Ивор, перелистывая страницы. — Но меня устраивает и такой вариант.

— Серьезно? — удивился я. — Мы с Алексом думали, ты взбесишься!

— А смысл? — пожал плечами И вор, — Что сделано, то сделано. Как ты справедливо заметил, я тебя знаю уже давно. Раз ты не смог сделать все тихо, значит, на то были серьезные причины.

— Да уж, серьезные, — хмыкнул я. — В лаборатории меня ждал оборотень.

Я рассказал старику о том, что произошло.

— Вот как... — И вор спрятал тетрадь в стол. — Любопытно. Кое-что проясняется.

— Ты о чем?

— Вчера ближе к ночи стало известно, что эта лаборатория сгорела.

— Это не мы! Когда я уходил...

— Я знаю, — прервал меня Ивор. — Сначала я действительно подумал на вас. Но потом решил, что устраивал подобный фейерверк не в ваших с Алексом привычках. Потом мне пришло в голову, что поджог устроил сам алхимик, что он каким-то образом узнал про

обыск и решил скрыть в огне следы экспериментов. Я встретился с ним якобы выразить соболезнования и убедился, что он ни при чем. Он даже не предполагал, что я его в чем-то подозреваю, и считал пожар случайностью. Мне оставалось только согласиться с его выводами — в алхимических лабораториях такое иногда случается. Но теперь, видимо, мы знаем, кто устроил поджог.

— Отбой?

— Конечно. Оборотни, кроме всего прочего, болезненно самолюбивы. И престиж для них слишком много значит. Если его стая узнает, что обычный человек устроил трепку жожаку и остался жив, Отбою никогда не восстановить авторитет. Вот он и устроил пожар, чтобы скрыть кражу и соответственно свое поражение. Что приводит нас к неутешительному для тебя выводу, Вик.

— Я единственный свидетель его позора.

— Вот именно. Ты и Алекс для Отбоя теперь не просто враги. Вы — угроза его положению. Он ведь не смог защитить территорию, которую взялся охранять! Худшего с жожаком стаи просто не могло случиться. Если стая узнает об этом, его сместят в ту же минуту.

— Дерьмо!

— Грубовато, но верно отражает положение, в котором вы оказались. Тебе нужна помощь? Я могу официально взять вас с Алексом под защиту Анклава.

— Нет, — с сожалением покачал я головой. — Спасибо, Ивор, но — нет. Мы справимся.

Мне хотелось принять помощь Анклава. Видят боги, очень хотелось! Но, с одной стороны, при всем своем могуществе маги не всесильны. Если Отбой задастся целью, то рано или поздно все равно подстержет нас без свидетелей. А с другой стороны, становиться «ручными» сыщиками при Анклаве магов мне совсем не улыбалось. Ну вот не люблю я подчиняться, есть у меня такой бзик.

— Упрямый болван, — выругался Ивор. — Ладно, не в моих правилах уговаривать.

— Есть еще кое-что, о чем я хотел с тобой поговорить. Это посерьезнее мстительного оборотня...

— Я так и знал. Всякий раз ты сюда являешься с какой-нибудь глобальной проблемой в торбе. Ну что на этот раз?

— Проблема не то чтобы глобальная. Собственно, и не проблема пока, но может ею стать через пару лет. Я наткнулся на потенциальную ведьму очень большой силы. Думаю, не слабее Агаты или Хормина. Но пока корона не развернется, трудно объективно оценить способности.

— Хормина, говоришь? — Ивор нервным движением расправил белоснежную густую бороду, почти полностью закрывающую узкие плечи и впалую грудь. — Это значит... ты же понимаешь, случись что со мной, Хормин — основной кандидат на место главы Анклава. А Агата — его главный соперник.

— Да, эта девочка может оказаться равной тебе или даже сильнее, — кивнул я. — Бутон короны черный и явственно отливает золотом. По стенам дома, в котором она живет, уже пошел узор силы, а ей всего-то десять лет! Но это — полбеды. Хуже то, что девочка агрессивна и уже сейчас использует пробуждающуюся силу во зло. Она основательно запугала слуг, выжила из дома гувернантку и свела с ума психоаналитика, которого пригласили к ней родители.

— Свела с ума?! И ты говоришь — корона еще в бутоне?!

— Вот именно. Я и сам невысокого мнения о психоаналитиках, но превращать каждого, кто тебе не нравится, в пускающего слюни идиота — это чересчур.

— И ты говоришь — это не проблема?! — Ивор вскочил, забегал по кабинету, путаясь в полах халата и отчаянно жестикулируя. — Ох, услужил! Благодарствую! Превеликою благодарностью, понеже весть принес воистину радостную!

Я вздохнул. Судя по проскальзывающим в речи словечкам из времен его юности,

новость Ивора очень расстроила. Понять старика можно — последний серьезный конфликт между магами произошел лет двадцать назад. Угроза, нависшая над спокойной размеренной жизнью, мало кого обрадует, а ведь Ивору лично придется сообщить об этом Анклаву. И думать, что делать с источником этой угрозы, тоже придется ему.

— Вообще, все не так плохо, — поспешил я успокоить мага. — Девочка на самом деле неплохая, просто не справляется с нахлынувшей силой. Я подготовил почву для вашей встречи. Думаю, она сама захочет стать твоей ученицей. И мать ее настроил соответственно — она позвонит тебе на днях.

Оставив главу Анклава осмысливать свалившуюся проблему, я с законным чувством выполненного долга покинул его резиденцию.

«Наконец-то!»

«Извини, я знаю, что ты не любишь это место...»

«Не люблю? Да меня тошнит от этого места! Тебе повезло, что ты не чувствуешь, как там воняет!»

«Чем? Слушай, я и вправду не очень понимаю, а ты не желаешь объяснить!»

«Забудь, — после долгого молчания произнесла Хайша. — Когда-нибудь я тебе расскажу. Сейчас у тебя есть проблемы поважнее».

И вот так постоянно! Какой смысл иметь в качестве альтер эго богиню, если одно ей не по силам, другое она не знает, а про то, что знает, не хочет говорить! Ивор, кстати, чаще всего ведет себя точно так же. Ненавижу, когда ко мне относятся как к неразумному дитяти!

Я раздраженно промаршировал мимо дагу и, хлопнув дверью, оказался на улице.

Странная у этого места особенность. Вроде мы недолго разговаривали с Ивором, но когда я выбрался на улицу, оказалось, что уже полдень. Женьке, пожалуй, звонить еще рано, но ничто не мешало мне заняться расследованием по старинке, не прибегая к помощи высоких технологий. Чтобы получить какую-то информацию, вовсе не обязательно лезть в Интернет. Вместо этого, например, можно поговорить с духами.

Всяческие «наследники мудрости шаманов» индейских племен с непроизносимыми названиями утверждают, что советоваться с духами лучше всего где-нибудь в прерии. И предварительно хорошенько за кинуться пейотлем. Но где же взять прерию в Москве? Да и с галлюциногенными кактусами все не так однозначно. Главным же аргументом против рабского следования древним ритуалам было то, что духи и так соглашались со мной разговаривать, без прерий и кактусов.

Духи — вообще болтливые существа. Но осуждать их за это у меня лично язык не повернется, ведь разговор — единственная радость, доступная бесплотным призракам. Помимо, разумеется, вуайеризма.

— Представь себе, Вик, это не жалкие девяносто-шестьдесят-девяносто, совершенно незаслуженно возведенные на пьедестал! Это натуральные сто десять вверху и сто тридцать внизу! А талия!.. Это не талия, это поэма в пастельных тонах!

— Да что ты лепишь?! Хвастун! Тебя послушать, так все твои «крошки» скроены по одному лекалу! Поэма, тоже мне!

— Вот-вот! Ты даже описываешь их всегда одними и теми же словами! Ну признайся же, максимум, на что ты способен, — это подглядывать за «крошками» в женской бане!

Я потер лоб, чувствуя, что теряю нить разговора. Словоохотливость духов может соперничать только с их неумной похотливостью. Но в случае с троицей неразлучных друзей: Мо, Бо и Вильгельхейма — оба этих порока уступали пальму первенства склочности. К сожалению, когда я добрался до бара «У кота», других духов там не оказалось. Вот и пришлось выслушивать поток унылых скабрзностей вперемешку с взаимными оскорблениями и руганью. Увы, выслушивание духов было платой за получаемую от них информацию. Половина удовольствия для бестелесных развратников заключается в том, чтобы похвастаться перед кем-нибудь своими «похождениями». И это хорошо, ведь иначе мне бы просто нечем было их заинтересовать. Но я ни за что не назову эту цену незначительной!

— Все, парни, хватит! — оборвал я очередной скандал, вспыхнувший между призраками. — Я выслушал уже с десятков похабных историй. На этом остановимся — я не хочу окончательно терять веру в людей. Теперь говорите, что знаете о Келлере.

— Келлер — это величина!

— Да-а-а, Келлер крут!

— Келлер — наш кумир!

Я даже поперхнулся пивом. На моей памяти, три духа впервые согласились друг с другом.

— И чем же он завоевал у вас такую популярность?

— У-у-у, он такой затейник! — в экстазе простонал Мо.

Вильгельхейм поддержал собрата:

— У него в особняке такие вечеринки проходят, что половина духов со всех окрестностей слетается!

— Вот как... — Я прикинул, чем мне это может помочь, и покачал головой. — Это, конечно, любопытный факт, но мне нужно что-нибудь поинтереснее.

— Что может быть интереснее секса?! — завопил Бо. — Вик, ты извращенец!

— Кто бы говорил, — парировал я. — Скажите мне лучше, где находится офис его фирмы?

— На Неглинной, — ответил Вильгельхейм, и на мгновение у меня перед глазами вспыхнуло изображение улицы. Я словно пролетел по ней и повис перед старинным зданием, выкрашенным в серый цвет. — Вот в этом доме.

— Но там никогда ничего интересного не происходит, — поспешил нажаловаться Бо. — Мы следили за Келлером, думали, у него и в офисе будет весело!

— И ошиблись! — вякнул Мо.

— Они там работают! — заключил Вильгельхейм. — Представляешь?

— Действительно, какой ужас! — согласился я. — Хорошо, я вас понял. А что насчет теневого способностей Келлера?

Духи некоторое время молчали, и я уже решил, что они сочли, что и так поведали мне достаточно. Но потом Вильгельхейм медленно, словно подбирая точные слова, произнес:

— Он странный.

— Что это значит?

— В нем нет теневой крови, — пояснил Мо. — Совсем.

— Но он манипулирует Тенью. Он — как ты, Вик.

— Не говори ерунды, Бо! — немедленно завелся Вильгельхейм. — Мы-то знаем, почему Вик такой! А у Келлера другая сила!

— Ну и что? Принцип тот же!

— Врешь! Ты не можешь знать, откуда у него сила!

— Неважно! Она у него есть! А теневой крови нет!

Я оставил на столе деньги за пиво и ушел. Духи, увлеченные очередной сварой, этого даже не заметили.

Что ж, по крайней мере я не зря потратил полтора часа, слушая порнографические истории. Конечно, адрес фирмы Келлера мне бы и Женька нашла, а вот про странные отношения Анатолия Германовича с Тенью вряд ли кто-нибудь еще смог бы поведать. Я машинально потер знак на груди. Значит ли это, что Келлер тоже... хотя, духи ведь сказали, что у него другая сила? Но можно ли верить духам? Специально врать они не станут, но могли ведь и ошибиться. Эта троица, прямо скажем, умом не блещет, да и интересы их лежат в несколько иной сфере.

Вопросы. Сплошные вопросы и ни одного ответа.

«Будет забавно, если мы столкнемся с кем-нибудь из твоих родственников, а, Хайша?»

«Я тебе говорила, что у тебя несколько странные представления о забавном?»

«Ага, говорила. И не раз!»

«Так вот, они не странные. Они очень странные. Если кто-то из забытых богов живет в

Келлере, ничего забавного нас не ожидает!»

«Неужели они все сильнее тебя?»

«Типично мужской взгляд! — огрызнулась Хайша. — Если Зевс налезет на Ханумана, кто кого поборет? Больше тебя ничего не волнует! А надо бы подумать, много ли останется от победителя?»

«Ладно, ладно, чего ты взъелась? Обещаю быть осторожным!»

«Да уж, будь, пожалуйста! А то у меня такое чувство, что ты и рад бы от меня избавиться!»

«Не говори ерунды! Куда же я теперь без тебя?»

«Тогда почему ты так ко мне относишься? Я у тебя словно служанка! Подай, принеси, расскажи, покажи! И вообще, ты меня сто лет никуда не выводил! Хочу в театр!»

«О, господи!.. Ладно, будет тебе театр!»

К счастью, тут из телефона послышалась «Mordred's Song», избавив меня от нытья Хайши. Эту древнюю композицию «Blind Guardian» я когда-то установил для звонков Игоря — мне кажется, она полностью соответствуем ему по духу. Игорь, правда, со мной не согласен — он не любит металл.

— Хай! Как дела?

— Твоими молитвами. Что-то случилось?

— А разве я звоню, только если что-то случилось? — рассмеялся Игорь. — Хотя... черт, ты меня поймал! У Кетчупа скоро день рождения.

— Я помню. — Я невольно расплылся в улыбке. Пареш, по прозвищу Кетчуп, один из «Раздолбаев», неистощимый источник нелепых историй, в которые он постоянно влипает. Свое прозвище он заслужил типичным для нет образом. Однажды часть нашего клуба сорвалась в очередной дальнобой. Колонна шла почти весь день и остановилась вечером в небольшой придорожной забегаловке. Нашествие волосатых, бородатых парней брутального вида в банданах и кожаных штанах вызвала среди посетителей и официанток переполох. Меня в той поездке не было, потому я не особо верю, что компания сидела «тихо-культурно» — знаю я своих братьев. Вряд ли они вели себя действительно угрожающе, но шума наверняка было достаточно, равно как и двусмысленных шуточек. Надо отметить, что Кетчуп — тогда еще просто Диман — даже среди нашей компании выделяется особо зверской растительностью на лице и вообще имеет диковатый вид. Так вот, Диман, который очень любит кетчуп, попытался выжать его из бутылочки, стоявшей на столе. Засохший в горлышке соус не поддался. Диман усилил нажатие, но кетчуп героически сопротивлялся. Тогда наш гений совершил вполне естественный для него поступок — перевернул горлышко бутылки на себя и нажал со всей дури. Кетчуп наконец сдался и выплеснулся — прямо ему в лицо. Издав злобный рев, Диман кое-как протер глаза и отправился к стойке, чтобы узнать, где в этой забегаловке можно умыться. Увидев, что к ним направляется натуральный упырь, все лицо и руки которого в крови, официантка хлопнулась в обморок, а охранник героически покинул кафе, попутно вынеся собою дверь. С тех пор Диман и стал Кетчупом. И такие истории с ним происходят не реже, чем раз в месяц.

— Мы тут из кассы клуба выделили кой-какие деньги, подарим ему фотоаппарат — он же любит это дело. Ну и кто что от себя захочет — не возбраняется.

— Фотоаппарат — это хорошо, — согласился я. — Черт... а что же мне ему подарить-то?

— Если с деньгами сейчас напряженка, не парься...

— Да нет, деньги-то уже есть. Фантазии нет.

— Ну тут я тебе не помощник, — усмехнулся Игорь, — Ты как, колодки-то приедешь менять?

— Мм... надо бы, конечно. Давай я тебе попозже перезвоню?

— Давай, жду!

Настроение у меня неудержимо поползло вверх. Кетчуп — отличный парень, к тому же его-то день рождения уж наверняка запомнится надолго!

Я оседлал «драгу» и второй раз за день отправился в центр города.

Пришла пора сыграть в любимую игру Виктора Фокса — бросание камней в окружающие кусты. Глядишь, что-нибудь полезное и выпрыгнет.

Нужный дом на Неглинной я нашел без проблем — память Вильгельмейма показала мне точную дорогу. К тому же у входа был припаркован знакомый «бургтроттер». Я пристроил рядом свой мотоцикл (на всякий случай передним колесом в сторону выезда) и с самым деловым видом направился к входу, сжимая в руке только что купленную в канцтоварах солидного вида папку. Разумеется, не пустую — если уж я берусь за дело, то готовлюсь тщательно. В папке было несколько бесплатных рекламных газет и листовок, собранных мною по почтовым ящикам соседних домов. Думаю, их обитатели на меня не обидятся за этот «грабеж».

— Рекламное агентство «Бо и Мо», промоматериалы! — уверенно соврал я охраннику на входе. — Меня ждут.

— Кто? — поинтересовался парень в стеклянной будке, не отрываясь от переносного телевизора.

— Мировая слава и большие деньги! Но они меня ждут в другом месте. А здесь меня ждет секретарша. Нужно передать ей вот эту папку. О! А давай я ее тебе оставлю?! Будет время — отнесешь.

— Оно мне надо? — философски возразил охранник. Ты курьер, ты и носи. Четвертый этаж на лифте. Потом направо по коридору, офис 405.

Уверенная ложь и веселая наглость — универсальным пропуск почти во все учреждения. Пользуясь им, мне удавалось проходить даже на режимные предприятия. Особенно если сразу показать охранникам, что тебе не очень-то и хочется внутрь. Надо отметить и то, что господин Келлер уделял охране фирмы гораздо меньше внимания, чем особняку в Липовом Цвете. Я не заметил в коридорах ни одной видеокамеры. Вот и отлично! Значит, мы пока обождем посещать секретаря. Может ведь неопытный курьер заблудиться в незнакомом офисе?

Я прошелся по коридору, прислушиваясь к долетающим из-за одинаковых дверей звукам. Услышав смех возле одной из них, замер. Вслушался в разговор. Из-за приоткрытой двери доносились только женские голоса и, судя по предмету обсуждения, упомянуть который мне не позволяет деликатность, мужчин в кабинете не было. То, что нужно! Я нацепил на лицо выражение добродушной растерянности, постучался и вошел.

Четыре очаровательных личика повернулись в мою сторону, и на всех четырех можно было прочесть заинтересованность. Да, не только Алекс может пробуждать к себе интерес у женщин! Хотя, если быть объективным, окажись на моем месте Алекс, уже через четверть часа у него на коленях сидела бы самая красивая сотрудница этой фирмы и выкладывала ему все секреты господина Келлера. Зато я могу утешить себя тем, что обаяние Алекса — результат теневой магии, а вот интерес ко мне — целиком моя заслуга!

— Доброго дня! — Я улыбнулся, подпустив в голос толику беспомощности, вот, мол, надо же — заблудился. — Не подскажете, как пройти в отдел кадров?

— Подскажем, конечно!

— Ой, а они же все на обед ушли!

— Да, точно, я их в коридоре встретила.

— Досадно, — вздохнул я. — Ну ничего, вернутся же они когда-нибудь. Пойду подожду...

— Ой, да зачем вам под запертой дверью ждать-то! — всплеснула руками невысокая, но весьма аппетитно сложенная девушка, вспомнившая, что отдел кадров ушел обедать. — Посидите у нас! Сегодня Ритки нет, садитесь за ее стол!

— Мы вас чаем напоим, — поддержала ее другая девушка, с внешностью модели, махнувшей рукой на диету, — Хотите пирожков с вареньем?

Уже через пять минут я чувствовал себя, как Элвис Пресли в гостях у фан-клуба. Девушек явно обрадовала перспектива появления в фирме еще одного мужчины. По их

словам выходило, что из примерно ста сотрудников у Келлера работало всего десять мужиков. Причем большинство из них были либо старые, либо женатые, либо нелюдимые сисадмины, скрывавшиеся от общества в серверной.

Помимо этого, мне поведали еще много всякой (в основном, конечно, бесполезной) информации о жизни фирмы и царящих здесь порядках.

Господин Келлер процветал — такой вывод я и сам сделал раньше, исходя из самого факта аренды офиса в центре Москвы. То, что мне рассказали девушки из отдела семнадцатого века, лишь подтверждало этот вывод. Большой штат, в который регулярно набирали новых сотрудников, так что мое появление никого не удивило. Также постоянно обновлялась техническая база. Я и сам обратил внимание на новенькие мониторы на столах. Судя по словам девушек, особенно крупные суммы тратились на закупку книг — у фирмы уже была неплохая тематическая библиотека, и она постоянно пополнялась. О благополучии фирмы свидетельствовали и хорошо оплачиваемые командировки, в том числе и заграничные.

Единственным настораживающим облачком на радужной картине, нарисованной девушками, было то, что о самом Келлере говорили неохотно. Его не ругали, нет, но и не хвалили. Просто отделялись общими словами и сразу ненавязчиво переключались на другую тему. Я поставил в уме крестик — надо выяснить, в чем тут хитрость.

— Ой, а вы так и не сказали, на чем специализируетесь? — задала наконец давно ожидаемый мною вопрос Катя. У меня сложилось впечатление, что она все фразы начинала с этого милого «ой». Пока я мучительно соображал, что бы такое убедительное соврать, она сама же невольно пришла мне на помощь: — Ой, вас, наверное, на усиление девятнадцатого берут, да?

— А... ну я еще ведь не разговаривал с вашим начальством. Но, скорее всего, да, — вдохновившись ее подсказкой, принялся сочинять я. — Но могу и в двадцатый.

— Это вряд ли, — покачала головой Надя, единственная из всего отдела «окольцованная» и, видимо потому, почти не участвовавшая в разговоре. — В двадцатый отдел так просто не попадают.

— Почему? — сооротив наивную физиономию, спросил я.

— Ой, ну ведь двадцатый век лучше всего документирован, — как само собой разумеющееся пояснила Катя. — У нас вот, например, по семнадцатому веку гораздо меньше документов сохранилось. И все свидетельства можно оформлять смело. Ведь вполне реально предположить, что живущий ныне господин Уткин — потомок боярина Уткина. Потому что никаких точных сведений о боярине Уткине и его потомках все равно нет. А вот по двадцатому веку так или иначе почти все факты можно проверить. Вот им там и приходится... Ой! — Катя осеклась под взглядами других девушек.

Очень любопытно. Видимо, в этом самом «двадцатом отделе» и занимаются подделками родословных, о которых рассказала Ева. Но все это пока мне ничего не дает против господина Келлера. И совершенно не объясняет, зачем ему понадобилась Женька.

Попрощавшись с гостеприимными девушками и пообещав обязательно навещать их, я отправился в отдел кадров. То есть, разумеется, только сделал вид — кадровики меня наверняка разоблачили бы сразу. Да и ничего интересного я там все равно не выяснил бы. По опыту знаю, что вытащить какую-то информацию из сотрудника кадрового отдела нереально. А вот «двадцатый отдел» меня очень заинтересовал.

«Ты очень примитивно мыслишь».

«Вот спасибо!»

«Вот пожалуйста! Конечно, самое простое — предположить, что раз о «двадцатом отделе» тебе ничего не стали рассказывать, значит, там творятся какие-то нехорошие дела».

«Но они там действительно творятся. Девушки едва ли не прямым текстом сказали, что именно в отделе двадцатого века подделываются родословные».

«Правильно. Поэтому они ничего о нем и не рассказывают. Но какое это может иметь отношение к похищению Женьки? При чем тут она?»

«Ну... допустим, Келлеру понадобился гениальный хакер, чтобы подчистить какие-то хорошо защищенные базы. Например, в какой-нибудь государственной структуре. Архивы МИДа, например!»

«Ерунда! Зачем бы он стал рисковать, похищая девчонку, если проще предложить ей сделать ту же самую работу за деньги? Сам убедился — у него денег полно и расходует он их легко».

«Женька могла отказаться!»

«Ты сам-то в это веришь? — спросила Хайша. — Она очень похожа на тебя. Стоит подбросить сложную задачу, и ее даже силой не оторвешь от решения».

«Слушай, хватит уже нас сравнивать! Это не смешно!»

«А кто говорит, что смешно? Это грустно! Я ни разу не отдыхала на море, с тех пор как связалась с тобой!»

«При чем тут это?!»

«При том, что ты — трудоголик. И Женька — тоже. Она не отказалась бы от такой работы».

«Это только предположение!»

«Да. А вот то, что Келлер даже не пытался предложить ей эту работу, факт. Сразу похитил. Нелогично!»

«Мироздание вообще нелогично! Если бы в нем была логика, я давно бы был богатым и счастливым...»

«Не пытайся перевести разговор на другую тему! — остановила меня Хайша. — Келлеру не нужен был хакер. В таких серьезных организациях, как госструктура, базы хранятся на серверах, не имеющих выход в Интернет. А то и на бумаге. Даже ты это знаешь, а уж тем более — профессиональный историк».

«Знаю, — проворчал я. Приходилось признать, что Хайша утерла мне нос. — Критиковать легко. Предложи свою версию?»

«Кто из нас детектив?! Лично мне кажется, ты ищешь не в той стороне. Ты зацепился за самую первую, лежащую на поверхности версию, и не хочешь рассматривать другие варианты».

«Я их просто не вижу, — развел я руками. — Предположить, что Келлер внезапно влюбился в Женьку и похитил, чтобы сделать любимой женой в гареме, мне не позволяет здравый смысл. Я пользуюсь принципом Оккама — отсекаю избыточные сущности в рассуждениях!»

«Встречалась я с этим монахом, — пренебрежительным тоном сообщила Хайша. — На редкость занудный тип. Ты «бритвой Оккама» осторожнее махай, можешь отсечь себе что-нибудь жизненно важное. Интуицию, например!»

«Моя интуиция подсказывает мне, что одни темные дела обязательно притягивают другие. Криминалом... ну или почти криминалом здесь занимаются в «двадцатом отделе». Значит, там и нужно искать».

Мысль была здравая, но вот осуществить ее мне не удалось.

Пока я, стоя у двери с соответствующей табличкой, изобретал достоверный предлог, двери лифта открылись и из него вышли два человека, один из которых был мне знаком. Я уткнулся в свою папку и прошмыгнул мимо, стараясь превратиться в невидимку. К счастью, Альберт Виленович Орлов — а это был он, собственной персоной — слишком увлеченно спорил и в мою сторону даже не взглянул. Его собеседник скользнул по мне равнодушным взглядом и, казалось, мгновенно забыл о моем существовании. Но я почувствовал куда более пристальное внимание — незнакомец пытался прощупать меня через Тень. Я не стал закрываться, наоборот, позволил его теневому взгляду беспрепятственно скользить сквозь меня... Обычный человек... курьер... заблудился... куда идти... жарко... пива бы сейчас... Я почувствовал, как незнакомец успокоился и потерял ко мне интерес. Несомненно, это был теневой маг. Но не особо сильный и не очень умный. Или без опыта общения с людьми Тени — не знает, что можно не только закрываться от теневого взгляда, но и ускользать. Правда,

на такое и способен-то далеко не каждый — нужно уметь полностью забывать свою истинную личность, подсовывая под взгляд фальшивку. Этому меня научила Хайша, и без нее я бы ни за что не смог проделать такой трюк и остаться в своем уме. Похожим умением из известных мне теневых рас обладают только двоедушники. Логично, правда? Но теневой маг, даже ни разу не встречавший двоедушника, должен хотя бы знать про такие хитрости. Я зашел в лифт, нажал кнопку первого этажа и постарался вспомнить облик незнакомца. Впрочем, какой же он незнакомец? Я был уверен, что встретил самого Анатолия Германовича Келлера. Откуда взялась такая уверенность, я бы не смог объяснить, но сомнений не было: вальяжный толстяк с пижонской бородкой и длинными вьющимися волосами — не кто иной, как Келлер.

Любопытно. Получается, Орлов знаком с академиком? И, судя по тому, как они спорили, знакомство это либо давнее, либо просто очень хорошее — со случайным знакомым обычно ведут себя сдержаннее.

Отъехав на пару домов от офиса Келлера, я припарковался и задумался. Камень в кусты был брошен, но вот выскочила из них совсем не та зверушка, которая ожидалась. Интересно, знал ли Орлов о похищении Женьки? Если знал, то бурная реакция при виде девчонки в нашей конторе объясняется вовсе не ее экстремальной внешностью. Просто Орлов не ожидал столкнуться с ней лицом к лицу. И теперь он в курсе, что беглянка скрывается в офисе «Фокс и Рейнард». Почему же тогда не последовало никаких действий со стороны Келлера? Или Орлов ничего не знает? Дьявол! Вопросов только прибавилось!

И тут я вспомнил про портрет «комитетчика», что набросала Женькина соседка по общежитию. Достал листок и мысленно пририсовал усы. Черт!

Ирка, правда, слегка идеализировала Орлова — на портрете он выглядел куда мужественнее и увереннее в себе. Но она ведь рисовала по памяти, да и романтичный флер профессии наложил отпечаток на ее восприятие. А с другой стороны, я видел безвольно оплывшее теневое лицо Орлова, и это сказалось уже на моем видении.

Двери офиса открылись в очередной раз, и на улицу вышел Орлов. Постоял, задумчиво покачиваясь с мысков на пятки, потом решительно тряхнул головой и сел на водительское место «бурттроттера». Джип тихо заурчал двигателем и покатил по Неглинной. Вот тебе и подтверждение...

Я позвонил в контору. Женька ответила заспанным голосом, но я безжалостно потребовал домашний адрес Орлова. Убедившись, что сквозь сердитое ворчание я слышу щелчки клавиш и клики мышкой, я спрятал телефон и поехал за джипом. Через пару минут телефон издал первые аккорды из «Nach der Ebbe» немецкой группы «Die Apokalyptischen Reiter». Мне показалось, что именно эта композиция лучше всего отражает сущность Женьки.

— И чего ты отключился?! — завопила девчонка, стоило мне остановиться и взять трубку. — Или ты меня шутки ради разбудил?!

— Привыкай, — не без злорадства посоветовал я, — Такова жизнь частного сыщика. Давай адрес. Я слежу за Орловым, не могу долго говорить.

— А... ну тогда записывай...

Я запомнил адрес и опять сел на хвост Орлову, благо по узким улицам центра, забитым припаркованными автомобилями, широченный «бурттроттер» вынужден был передвигаться крайне осторожно и медленно. Что ж, надо признать — джип, поразивший меня идеальным порядком и чистотой салона, вполне подходил к маниакальному аккуратности Альберта Виленовича. Вскоре я убедился, что Орлов едет в сторону дома, и перестал преследовать, машину.

Можно было, конечно, проследить за Орловым до самого порога, но после некоторого размышления я от этой идеи отказался. На данный момент я знал об Альберте Виленовиче слишком мало, он не вписывался в картину расследования, а значит, от слежки будет мало толку. Подожду, пока Женька накопает на Келлера и Орлова максимум информации, а потом уж возьмусь за них сам.

Кстати! Оба дела весьма удачно объединились, и у Алекса больше не будет причин ворчать на меня.

Вспомнив об Алексее, я немедленно вспомнил и о том, что у меня назначена встреча с Самуилом Яковлевичем Ессе — коллекционером и бывшим книжным маклером. До назначенного часа оставалось совсем мало времени.

Ретроспектива

1698 год, особняк недалеко от Лондона

— Отважный ты человек, Яшка! — Петр осторожно на шупал ногой лестницу. Из-за повязки на глазах он смешно вздергивал подбородок и крутил головой, пытаясь слухом заменить временно утерянное зрение. Впрочем, смеяться над этими ужимками было некому — спутник его тоже был в повязке. Сырой зябкий воздух подземелья пробирал насквозь, тем более что на входе их раздели до панталон и исподних рубаш.

— Да и вы, государь, надо сказать... — Яков Брюс пока чал головой, потом сообразил, что Петр не может увидеть его, и сказал вслух: — Не ожидал, признаюсь, такую авантюризму...

— Сколько раз повторять: здесь я тебе не государь, — проворчал Петр, как никогда ощущая на невидимой лестнице неловкость своей долговязой угловатой фигуры.

— Ну да, ну да, прощения просим, господин бомбардир... — Яков поскользнулся на влажном камне, выругался, но равновесие удержал. — Любят же мои родичи туману нагнать!

— Яшка, а правда, что твой отец — здешний царь?

— Правда. Король Шотландии. Только нету больше в Шотландии королей. Сами знаете, как мне пришлось постараться, чтоб поездку эту скрыть — не ровен час, кто пронюхает... Могу и головы лишиться... О! Госу... э-э-э... господин бомбардир, мы, кажись, прибыли.

Петр облегченно вздохнул, осознав, что лестница закончилась и они оказались на какой-то более-менее ровной поверхности. Почти одновременно зашелестели по полу длинные тяжелые одежды, и резкий голос произнес на аглицком с сильным акцентом:

— Ищущие не убоились неведомого! Разрешаем вам войти!

Заскрипели петли, и даже сквозь плотную ткань повязок спутники увидели, что входят в ярко освещенное помещение. Двери за ними с грохотом захлопнулись...

— И что теперь? — спросил Петр, когда они спустя несколько часов возвращались в Лондон. В голосе царя сквозило недоумение. Чувствовалось, что от церемонии он ожидал большего.

— Ничего. Или все. Это уж зависит от человека.

— Ты начал изъясняться, как твои родственники, — проворчал Петр. — Я думал, при посвящении нам откроют какие-то тайные знания. А тут... право слово, у нас обычный прием красивее и богаче обставляют.

— Тайны... Ну какие тут тайны, государь? — Яков пожал плечами. — Да и зачем они нам? Орден дает гораздо больше, чем какие-то тайные знания. Это, прежде всего, поддержка, которую мы получим в любом государстве, где есть члены ордена. Политическая, финансовая — какая угодно. Но долг платежом красен, мы тоже должны что-то дать ордену.

— Что-то дать? — возмутился Петр. — Мы и так за участие в этой дешевой пьесе разрешили ордену обосноваться на русских землях под моим покровительством. Что им еще нужно?

— Не сердитесь, государь. Им нужен суший пустяк — доступ к библиотеке.

— К той самой? — В голосе Петра явно слышалась насмешка. — Они и впрямь верят в эти старые сказки?

— Верят. У нас тут в почете старые сказки. Да и не сказки это вовсе, я знаю: Либерия существует.

— Существует, — нехотя подтвердил царь. — Но все остальное про нее — выдумки. Либерия эта — просто собрание старых книг. Никакой особой мудрости в них не содержится. Настоящая мудрость — в книгах по фортификации и пушечному делу, что мы купили здесь. В тех кораблях, что скоро научатся строить наши мастера... Эх, Яшка, ты ж светлая голова, неужто и впрямь веришь в эти бабьи сказки? Ты, когда едешь на лошади, куда смотришь? Вперед или назад?

— Вперед, господин бомбардир, — рассмеялся Яков. — Но и назад оглядываться надо. А то вдруг что полезное из поклажи потеряешь!

— Да забирай ты ее, бог с тобою, — махнул рукой Петр. — Для тебя не жалко. Для этих напыщенных петухов жалко, а для тебя — нет. Если кто и сумеет Либерию разобрать, так это ты. Но — уговор! Чтоб не в убыток главным нашим прожекторам.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Самуил Яковлевич обитал в коммуналке недалеко от Таганской площади, на первом этаже старого дома, занимая всего одну, хотя и самую большую, комнату.

В коридоре стоял почему-то больничный запах. Возле нужной двери обнаружилась гроздь звонков, но подписан из всех был лишь один — принадлежащий некоему д.т.н. В.Н. Шипокрякину. Пришлось выбирать наугад. Естественно, я не угадал, и дверь мне открыла совершенно квадратная тетка в синем лабораторном халате, каких я не видел со школьных лет. Халат был заляпан белой краской, как и руки его обладательницы. Узнав, что я пришел вовсе не к ней, а «к этому упырю», она немедленно пришла в ярость и принялась орать скандальным пронзительным голосом. Я почувствовал себя провалившимся в какую-то временную дыру. Довольно бесцеремонно отодвинув орущую соседку, шагнул через порог...

Оказавшись в прихожей, пахнувшей чем-то затхлым и одновременно кислым, я подумал, что ошибся адресом. Мне-то казалось, что посредничество в торговле антикварными книгами должно бы приносить больше дохода. Да и нынешнее положение господина Ессе — статус коллекционера, у которого имеется библиотека редких и дорогих книг, — предполагало наличие более просторного и надежного жилища. Тем не менее церберша, высказав все, что думает обо мне, Самуиле Ессе и почему-то кошках, кивнула в сторону обшарпанной двери и удалилась.

Осторожно постучав и услышав в ответ: «Входи! Не заперто!», я открыл дверь и... замер на пороге.

Все-таки формально господина Ессе можно было назвать библиофилом. Книг у него, во всяком случае, было много — внушительных размеров комната была заставлена вдоль стен книжными полками, книги также высились стопками на полу. А еще мне стали понятны гневные выпады соседки по поводу кошек. Кошки были повсюду. Их было точно не меньше десятка. При моем появлении часть из них бросилась спасаться в открытое окно, повалив на ходу несколько стопок книг. Но не успел я поразиться такому отношению к раритетам, как сообразил, что раритетов в этих кучах как раз и не вижу. Навскидку самые «древние» в коллекции относились годам к семидесятым прошлого века. Но даже таких книг было немного.

Основную же массу составляли дешевые покет-буки в бумажных обложках — детективы, любовные романы и фантастика.

Кроме книг и огромного старинного кресла, в комнате имелось восемь телевизоров — самых разных, от черно-белого монстра в деревянном ящике до современного лазерного панно на стене. Все они работали одновременно, демонстрируя разные каналы и создавая монотонный шум.

Хозяин всей этой фантасмагории даже не поинтересовался, кто я такой и чего мне нужно. Когда я вошел, он, не глядя в мою сторону, поднял руку в вялом приветствии и тут же вновь уронил ее на подлокотник кресла, словно это движение лишило его последних сил. А может, и впрямь лишило. Выглядел господин Ессе не очень-то здоровым. Когда-то он явно

отличался завидной мощью. Невероятно высокий — при своем далеко не малом росте я бы достал ему, пожалуй, только до ключиц. Широченные плечи, ныне обвисшие и ссутуленные, были прикрыты толстым неопрятным халатом. Могучая шея, огромные кисти рук с длинными пальцами. Лицо, напомнившее мне лица статуй индейских богов, говорило о том, что раньше этот человек был крепок не только физически — жесткое упрямство и чувство превосходства над миром читалось в нем и теперь. Но черты эти сейчас казались сглаженными равнодушием и бесконечной усталостью. Тусклые, глубоко запавшие глаза безо всякого интереса переползали с одного телевизора на другой. Длинные седые волосы пожелтели и лежали в беспорядке.

Все это я увидел и оценил в первые мгновения.

А потом знак на моей груди разогрелся и начал пульсировать. Я почувствовал, как он разрастается, опутывая мою левую руку, и мысленно завопил:

«Стой! Ты с ума сошла?!»

— Надо же... давно не виделись...

Я сначала даже не понял, что это говорит Ессе — губы его почти не шевелились, да и взгляд оставался прикованным к экранам. Голос он не повышал, и все же меня потрянуло от исходившей от него силы. Я с запозданием перешел на теневое зрение.

Вот тут меня скрутило по-настоящему!

Комната с книгами исчезла. Я стоял посреди серой пустоши. Других цветов здесь не было. Сводящий с ума тоскливый пейзаж — ни холма, ни кустика, только растрескавшийся такыр до самого горизонта да редкие серые травинки, пробивающиеся из глубоких трещин. На сером небе — ни облака, но и солнца нет. Ветер треплет лохмотья хитона и перья огромных, устало распластанных по земле крыльев существа, глыбой возвышающегося передо мной.

— Блин... Ангел?!

Бледный лик повернулся-таки в мою сторону, и пылающие глаза уставились на меня, как мне показалось, с насмешкой. Это сразу привело меня в чувство. Не терплю, когда надо мной насмеются. Даже всякие сверхъестественные типы.

Но теневое зрение я все-таки пригасил — вид настоящего ангела для меня оказался слишком тяжелым зрелищем.

Моя левая рука, покрывшаяся вязью сложной татуировки и превратившаяся в женскую, тянулась к Самуилу растопыренной ладонью.

— Успокойся, Ножницы! — пророкотал тот, вновь отворачиваясь к телевизорам. — Я тебе не враг. Да и не в твоей власти причинить мне хоть какой-то вред.

Как ни странно, рука сразу вернулась в нормальное состояние. Я почувствовал, что Хайша во мне дрожит от страха. Ничего себе...

Самуил протянул длинную, как мачта, руку и извлек откуда-то из книжных завалов бутылку коньяка. Надолго присосался к горлышку, разом ополовинив содержимое. Протянул мне.

Я отрицательно помотал головой.

— Брезгуешь пить после ангела? — удивился Самуил.

— Ты какой-то неправильный ангел! — убежденно возразил я. — Но вообще-то я на колесах. Не хочу лишних проблем.

— Много ты в ангелах понимаешь, — хохотнул Самуил, пряча бутылку. — Ну спрашивай.

— Да я уж сомневаюсь теперь, — почесал я в затылке, — Какой смысл? Ты же и сам вроде как должен знать и все мои вопросы, и все ответы на них.

— Знаю, конечно, — усмехнулся ангел. — Я почти все знаю. Например, то, что ты проживешь долгую и нелепую жизнь, а умрешь...

— Эй, стой! — завопил я, для верности затыкая уши пальцами. — Офигел? Зачем ты мне это рассказываешь? Я тебя не просил!

Ангел снова усмехнулся:

— Вот видишь. Если ты все узнаешь заранее, тебе неинтересно будет жить. Я тебе не враг, так что сам выбирай, о чем спрашивать.

Вот дерьмо! Но он прав. Какой смысл заглядывать в конец книги? После этого ее останется только выбросить. Хотя среди моих знакомых есть и такие, которые любят заранее знать, чем все закончится. Но для меня всезнание было бы настоящим кошмаром!

Я посмотрел на ангела с некоторой жалостью.

— Я привык, — произнес Самуил. — Но ты угадал верно.

— Поэтому ты и читаешь это? — Я обвел рукой кучи книг.

— Разумеется. Сам понимаешь, для меня ваши раритеты значат не больше, чем эта макулатура. Сенсорный голод она удовлетворяет не хуже и не лучше.

— Но ты же вроде коллекционер?

— Надо ведь как-то зарабатывать, — пожал плечами ангел.

— А... а разве тебе не положено... ну... типа пожизненное содержание там?

— Как видишь, я здесь, а не там, — проворчал ангел. — Мне ничего не положено. Я — серый.

— В каком смысле? — Я сразу вспомнил бесцветную равнину в Тени.

— Я из тех ангелов, которые не пошли за Люцифером. Но и не остались с Создателем. Мы были согласны с повстанцами, но сочли невозможным сражаться с собственными братьями. Теперь нам нет пути ни вверх, ни вниз. Вот и болтаемся тут, как Архимед в ванной.

— Понятно. — Я не стал уточнять подробности. И даже мысли такой не возникло, хоть обычно я и любопытен без меры. Но относительно этой древней истории у меня было четкое ощущение, что подробностей я знать не хочу. — Значит, ты на самообеспечении? Но книжки-то где?

— Старое барахло в подвале.

— Да там же крысы!

— Я как-никак ангел! — с пафосом возразил Самуил. — В состоянии защитить книги от крыс!.. Думаешь, зачем мне столько кошек?

— М-да... Слушай, а книг, раньше принадлежавших роду Орлова, у тебя случайно нет?

— Орлова? А, ты про этого Орлова! Нет, разумеется. Ты ведь и сам догадался уже?

— Хм. Значит, я прав... Но завещание Брюса, про которое он говорил, существует?

— Существует. Ты уже сегодня вечером имеешь шанс узнать, кто его продавал и кто выкупил.

— Сведешь меня с маклером, продавшим завещание?

— Могу. Но это тебе не поможет. Он не ответит на твои вопросы, поскольку связан обещанием и очень боится его нарушить. Человек, который выставил завещание на продажу, здорово запугал его. Но, если хочешь, я сразу назову имя этого человека.

— У меня есть шанс узнать самому?

— Ты уже знаешь всех главных действующих лиц. Слушай и смотри внимательно — вот и все, что требуется.

У тебя есть возможность расследовать это дело самостоятельно. Если хватит ума.

Я сердито посмотрел на разразившегося довольным смехом ангела. Черт возьми! Не хватало еще доказывать свою сообразительность типу с замашками дельфийского оракула и внешностью спивающегося тяжелоатлета!

— Ладно, приятель! — бросил я, разворачиваясь к двери. — Я эту головоломку решу. Может, еще увидимся.

— Может быть, — произнес ангел тоном, не оставляющим сомнений, что так оно и будет. И непонятно, рад он этому или нет. — Кстати, ты ведь хотел заменить тормозные колодки? Не трать время зря. Они вполне прослужат еще сезон.

— Будешь меня учить?!

Вообще-то Самуил сказал дельную вещь. Я и сам знал, что ресурс у колодок еще не выработан. Но в отношении тормозов у меня натуральный комплекс. Я обзавелся им пару

лет назад, когда доверился словам «профессионала» из мотосервиса, уверявшего, что колодки прослужат еще долго. Примерно через месяц после этого неожиданно вставший прямо передо мной задрипанный «жигуленок» и отказавшие тормоза доказали мне, что я слишком доверчив. Можно сказать, все обошлось благополучно: три недели в больнице — для меня и продажа на запчасти — для «бритвы», на которой я тогда летал. В итоге я пересел на более флегматичную «драгу», но отношение к тормозам у меня с тех пор трепетное.

Послав подальше непрошеного советчика, я набрал номер Хафиза.

— Хай! — услышав знакомый невозмутимый голос и трубке, поприветствовал я Игоря. — У меня, похоже, вечер выдался свободный. Как у тебя как сейчас со временем?

— Приезжай. Я как раз в гараже.

Игорь встретил меня у въезда в гаражный комплекс.

— У тебя же вроде с тормозами проблемы, а не с двиглом?

— У меня нет никаких проблем, — буркнул я, пожимая ему руку. — Просто хочу свежие колодки поставить. На всякий случай.

— А что тогда так долго тащился? Я уж думал, ты мотоцикл всю дорогу толкал.

— Блин, полчаса не прошло! Знаешь, какие пробки по городу?!

— Плохому танцору, сам знаешь, что мешает, — ухмыльнулся Игорь, донельзя довольный, что сумел меня поддеть. — Вот Квадратный пробок вообще не замечает...

— Потому что он квадратный, его даже водители маршруток боятся и пропускают.

— Успокаивай себя. Багги, например, с виду — соплей перешибешь. А в пробках тоже не стоит.

— Стоит, — возразил я. — Я сам видел.

— Стоит, только когда с девушками знакомится.

— Блин, Хафиз, ты будто из гаража сто лет не выезжал! Сейчас пробки такие, что в них можно успеть и познакомиться, и отцом стать! И даже дедушкой! Хватит мне мозг выносить, поехали уже!

Игорь — не только отличный слесарь. Он из тех, кого принято называть «мастер на все руки». Из стандартного бетонного короба он устроил настоящий райский уголок — для тех, разумеется, кто понимает. Тут имеется все, что необходимо для полного ремонта мотоцикла, и даже некоторые намеки на роскошь вроде старого, но еще крепкого дивана и мини-холодильника. Игорь не пьет ничего, содержащего алкоголь, но для друзей всегда держит в холодильнике несколько банок пива. Сам же обычно поддерживает компанию зеленым чаем. Он настоящий фанат этой бурды — стоило мне расположиться с инструментами у колес моей «драги», как он немедленно принялся шаманить над чайником.

Закончив возиться с тормозами, я присоединился к Игорю. На самом деле мне зеленый чай не нравится. Но Игорь умеет заваривать его так, что даже я примиряюсь с этой чуть желтоватой жидкостью с едва уловимым вкусом.

— В этом вся суть, — шуря и без того узкие глаза, уже в который раз попытался обратить меня в свою «секту» Игорь, — В тончайших нюансах. Научись улавливать их, и тебе откроется целый мир ощущений.

— Угу, а также немедленно оттопырятся все чакры и неимоверно расширится аура. Можешь не втирать мне эту чушь, — традиционно отмахнулся я. — Ты совсем на Востоке помешался. Скоро начнешь ходить в шелковом халате с драконами и обзывать нас большеносными варварами!

— В халате на мотоцикле, однако, неудобно будет. — Игорь наполнил чашку уже в третий раз. И как в него столько влезает? — Да ни при чем тут Восток, я сто раз говорил. Просто мне нравится чай. Помню, когда еще маленький был, у нас дома устраивали ежевечерние семейные чаепития. Целый ритуал был. Собирались после программы «Время» за столом в гостиной. Про зеленый чай тогда и не знали, пили обычный — индийский или даже краснодарский. Был бы самовар — сказал бы, что самоварами.

— Московские водохлебы!

— Ага, так и говорили. Мы ведь в Москве чуть ли не со времен Ивана Грозного.

— Что, правда?

— Семейная легенда, — очень серьезно произнес Игорь, но в раскосых глазах блеснула усмешка. — Да нет, конечно. Вернее, правды теперь уже никто не знает. Предки-то были не дворянских кровей, а простых смертных в исторических хрониках не упоминают. Но за петровские времена могу поручиться. У бабушки — пошли ей Аллах здоровья и долголетия — есть несколько книг того времени.

— Ого! Значит, не такими уж простыми людьми были твои предки, у простых книг в те времена не водилось!

— Ну да, при Петре Первом выбились в люди. Ему-то было плевать на происхождение — кто угодил, того и возвеличивал. Вспомни хоть Меншикова. Только особо хвастаться все равно нечем, предки мои все больше по технической и инженерной части были, не придворные, да и в армии высоких чинов не достигли. И книги сохранились соответствующие — по фортификации и артиллерии... Да и неважно это, если серьезно. Глупо гордиться заслугами предков или стыдиться их. Единственное, что имеет значение, что ты сам из себя представляешь.

— Сам знаешь, мне тоже плевать, сидели чьи-то предки на троне или коров пасли, — кивнул я. — Был бы сам правильным человеком. Я просто удивился забавному совпадению. Прикинь, у меня сейчас два дела в работе, и оба крутятся вокруг одного типа, для которого такое мнение, как наше, — что нож острый.

— Так кичится происхождением?

— Не знаю, может, и кичится, но главное — если не будет помешанных на благородном происхождении, его бизнес скиснет. Он, видишь ли, организывает высокородных предков всем желающим, готовым хорошо платить.

— А... — Игорь вновь потянулся за чайником, чем вызвал во мне благоговейный ужас. Кружечка-то у него почти полулитровая! — Слышал я про таких. Тебя что, нанял клиент, разочарованный качеством подделки? Ты же вроде за обычные дела редко берешься?

— Когда карман пустой, я берусь даже за поиск домашних животных, — ответил я, наблюдая за водоворотом чаинок в кружке. — Но это дело — вовсе не простое. Анатолий Германович — необычный человек, хоть и жулик. Он — теневой маг, но какой-то странный. Такое впечатление, что он про Тень вообще ни сном, ни духом. Еще и древние книги в этом деле каким-то образом замешаны. И ты сейчас про книги петровских времен и про родословные заговорил.

— Бывает. У Юнга есть целая книга об этом явлении.

Он называл его синхронией. Я давно ее читал, так что своими словами перескажу, как сам понял. В общем, синхронность — это ряд похожих событий, происходящих одновременно и словно притягивающихся друг к другу. Вот, например, ты видел во сне яблоню, проснулся, включил телевизор и сразу попал на рекламу яблочного сока. Открыл холодильник, а там — яблочный пирог. Вышел на улицу и встречаешь человека, грызущего яблоко. И так далее. Очень любопытная книжка. Я прикинул — и правда, со мной такое тоже иногда бывает. Только я не помню уже, какой он вывод из всего этого делает.

Я закрыл рот и потряс головой. Что меня в Игоре всегда поражало, так это обширность и непредсказуемость его интересов. И переключается он с одной темы на другую так же непредсказуемо. Закончив лекцию о Юнге, он совершенно непринужденно вернулся к предыдущему разговору:

— А что с книгами? Узнал что-нибудь про вора?

— Да нет, формально мы только два дня этим делом занимаемся. А на самом деле, из-за этого балбеса, моего напарничка, мы лишь сегодня приступили к поискам. Пока для меня все это — один из кусочков мозаики, который я не знаю, куда приткнуть. Клиент рассказал занимательную сказку, даже не потрудившись придать ей правдоподобность. Мотив совершенно непонятен. Да и сам клиент — скользкий тип.

— Вот как... По-моему, эта задачка — как раз для частного сыщика. Ты же любишь головоломки.

— Кто тебе такую глупость сказал?! — возмутился я. — Да я терпеть не могу головоломки и загадки! Честно! Знал бы ты, как мне надоело это вечное «поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что»! Хоть бы раз кто-нибудь пришел с простым и понятным делом!

— Угу. А еще лучше — просто так дал денег! — рассмеялся Игорь.

— О-о-о! Это был бы вообще идеальный заказчик! Но такие заказчики бывают исключительно сферическими и в вакууме...

— Я слышал, ты прищемил хвост Отбою?

Я чуть не захлебнулся чаем.

— Ну... ты, блин, последователен! У тебя явно не два полушария, а четыре. И все четыре — независимые!

— И все-таки?

— Прищемил, ага, — сознался я. — Но ты-то откуда узнал?

— Сам знаешь, Москва — большая деревня. В Люблино чихнешь, а в Сокольниках желают здравствовать. Впрочем, про это трудно было не узнать. «Оборотни» шумят по всем тусовкам, что ты — не жилец. Я ваши теневые дела не очень понимаю, но тут кто угодно догадается, что ты крепко Отбоя достал. Особо болтливым наши парни обещали языки отрезать и засунуть туда, где им самое место, но «Оборотни» волну продолжают гнать.

— Скажи нашим, чтобы не связывались, — нахмурился я. — Мы ведь уже говорили об этом. У Отбоя в клубе настоящие оборотни, обычным людям с ними не справиться. Я сам разберусь.

— С ними и так никто не рискует связываться, — с отвращением проворчал Игорь. — Подмяли под себя все. Лезут в дела других клубов. Скоро будут решать, кому носить «цветы», а кому нет. Мне это не нравится, да и парни не в восторге от такого кино.

— Мне это нравится еще меньше, — возразил я. — Шкура-то под прицелом моя. Но пока у «Раздолбаев» всего пятеро людей Тени. И только двое из них чего-то стоят против оборотней. Ну и ты со своим кэмп, может быть. Извини, Хафиз, но придется ждать.

— Я понимаю. Но ты все равно держи меня в курсе.

— Если я пойму, что мне нужна помощь, скажу.

Мы церемонно чокнулись чашками с чаем, еще с полчаса поговорили о клубных делах, и я поехал домой.

Признаться, покидать уютный гараж совсем не хотелось. Наверняка Алекс уже вернулся и будет опять весь вечер нудить из-за того, что я ничего не узнал. И не дай-то боги, ему удалось раскопать хоть какую-то мелочь, тогда мне придется еще и любоваться его лучшей самоодовольствием физиономией. Кроме того, в конторе теперь обитает малолетняя беспризорница с уголовными наклонностями и скверным характером. А еще моя интуиция подсказывает, что у хозяина Ми-ми нашлась какая-то очередная уважительная причина не забирать своего питомца. Если подумать, надпись на коврике у дверей «Home, sweet home!» в свете всего этого выглядит сущим издевательством!

Засиделся я у Игоря чуть не до самой ночи. Московские дороги к этому часу более-менее разгрузились, и у меня даже получилось хорошенько разогнать мотоцикл и протестировать новые тормоза. В итоге до офиса я добрался всего минут за пятнадцать, даже мелькнула мысль покататься по городу просто так, для удовольствия. Но я нашел в себе силы противостоять соблазну. Расследование еще не закончено, завтра мне понадобится свежая голова.

«Ты все еще хочешь продолжать это дело? Орлов тебя точно обманывает, его можно послать подальше. Считай, у тебя нет клиента, и ты не обязан...»

«Я не могу бросить это расследование. Теперь — тем более!»

«Тебя так задели слова этого ангела? Обязательно хочешь доказать...»

«Ты же понимаешь, что нет! Если я брошу дело сейчас, то никогда не узнаю наверняка, что произошло. Это все равно, что заметить симптомы болезни и отказаться узнать точно, болен ты или нет. Я не смогу так...»

«Не боишься, что потом пожалеешь?»

«Не боюсь. Точно пожалею. Но выбора нет».

Вопреки опасениям занудство Алекса мне терпеть не пришлось. Он еще не вернулся.

Зато чжуполун, как я и предвидел, никуда не делся. Он кружил у стола, отчаянно виляя хвостом и пуская от возбуждения пар из пасти. На столе в своей любимой позе восседала Женька с ноутбуком на коленях. Но, что гораздо удивительнее, Паштет покинул свое любимое место на спинке дивана и также перебрался к столу. В отличие от Ми-ми, он не утратил природное достоинство и сидел неподвижно, но тоже не спускал глаз с Женьки.

— Э-э-э... Что это вы затеяли?

— Привет, Фокс! Смотри, какой приколы!

Девчонка взяла со стола лист бумаги, скомкала и подбросила в воздух.

— Ми-ми, огонь!

Паштет свечкой взвился за бумажным комом, но Ми-ми опередил его. Понятно дело — чжуполуну ведь не нужно было прыгать. Я впервые видел, как дракон плюется огнем. Надо признать, делал он это со снайперской точностью. Паштету достались только клочки пепла. Кот обиженно взвыл, жалуясь на неспортивное поведение соперника, и направился к Ми-ми с явным намерением получить сатисфакцию. Чжуполун испуганно хрюкнул и предусмотрительно втянул в панцирь голову и лапы. Паштет обнюхал панцирь со всех сторон, потрогал лапой и, разочарованно мявкнув, удалился на свое излюбленное лежбище на спинке дивана.

— Чумовые ващце, правда? Надо будет завтра камеру заказать. Хочу их снять и ролик на YouTube выложить. Вот народ угорать будет!

— Народ скажет, что это монтаж, — безжалостно разбил я девичьи фантазии. — Я же тебе объяснял про инертность мышления.

— Ты прав, наверное, — пожала плечами Женька. — Ну и неважно. Я и не буду утверждать, что это реальные съемки. Просто забавный ролик. Никого не интересует его достоверность.

Я откровенно зевнул.

— Делай, как хочешь. Алекс не забегал?

— Не-а.

Время, по меркам Алекса, было еще «детским»... точнее, если мои предположения верны, «взрослым». С минуту я колебался. Но ведь мой напарник сам постоянно нудит, что нам необходима координация действий? Я мстительно ухмыльнулся и набрал его номер. Увы, изощренная месть не случилась — девичий голос холодно сообщил, что абонент временно недоступен.

— У Алекса неприятности? — любопытствовала Женька.

Вот уж не думал, что она замечает что-то вокруг себя!

— Угу. Серьезные неприятности — он забыл зарядит! телефон. Или отключил, чтобы я не мешал всяким приятностям.

— Ты думаешь, он... не один? — Уши у девчонки просто запылали.

— Та-ак, — протянул я. — Замечательно!

Я сходил на кухню за тоником. Обошел стол. Уселся в свое кресло и достал из тумбочки бутылку джина. Женька не соизволила повернуться. Я сделал себе коктейль. Укоризненно произнес в худенькую спину с выступающими сквозь футболку бусинами позвонков:

— Я же предупреждал.

Женька сердито фыркнула.

— Жень, я серьезно. Алекс женат, в конце концов!

— Я не собираюсь за него замуж!

— Замечательно! — повторил я, залпом выпив коктейль и вновь наполняя стакан. — Я думал, мода на хиппизм и свободную любовь прошла еще до моего рождения!

— Не твое дело! — огрызнулась девчонка, не оборачиваясь.

— Когда разберемся с Келлером, делай что хочешь. А пока мы все здесь тремся бок о бок, я не желаю прятать от тебя столовые ножи и регулярно вытаскивать твою шею из петли.

— Че?!

— Сестренка, ты что же, думаешь, ты первая такая? Ошибаешься. У нас тут одно время было настоящее па ломничество брошенных и обманутых девиц. Бывшие подружки Алекса, да. Дежурили в подъезде, а когда их стала гонять Едвиг — под окнами. Иногда по две-три. Рекорд — восемь девушек одновременно. Они там, на скамейке у подъезда, плакали, ссорились, даже дрались. Напоказ резали вены и глотали таблетки. А я здесь, между прочим, живу! Пришлось ставить Алексу ультиматум: либо он перестает водить сюда своих пассий, либо мы разбегаемся. У него хватило ума сделать правильный выбор. И я не хочу, чтобы этот ад начался вновь.

— Ты гонишь! — Женька обернулась, недоверчиво глядя на меня через плечо. — Так не бывает!

— Бывает. Знаешь, откуда у Алекса тeneвая кровь? Его отец был инкубом.

— Кем?

— Инкубом. С латыни переводится как «лежать на». Так называют демонов-соблазнительей мужского пола. В отличие от демониц этой специализации, которых называют суккубами, «лежащими под». Во время секса с людьми они поглощают их энергию — тем и живут. Могут выкачать человека до смерти. Иногда, если инкуб не доводит свою жертву до смерти, от таких отношений рождаются полукровки. Алекс — сын инкуба и унаследовал от отца его способности. Прямо скажем, не бог весть какие полезные. Тeneвая кровь и все, что к ней прилагается: тeneвое зрение, способность входить в Тень, крепкое здоровье, сила и выносливость. Небольшие способности к магии. А главное, ни одна женщина не в состоянии перед ним устоять, это, можно сказать, визитная карточка крови инкуба. А сам Алекс не может не соблазнять — это в его природе. Он просто умрет с голоду, если не будет делить постель с женщиной хотя бы через день. Вот он и меняет подружек — чтобы никого из них не доводить до истощения. И любит свою жену. И больше всего боится убить ее. А Марго любит Алекса и вроде бы понимает, но она нормальная женщина! Представляешь, каково ей?

Женька промолчала.

— Прости, мне следовало рассказать тебе сразу. Я надеялся, что истинное зрение защитит тебя от магии Алекса, ты же заметила его кривые ноги и вообще вела себя с ним довольно жестко... Дьявол! Пойми, то, что тебе кажется любовью, — всего лишь воздействие его силы на тебя.

— А что такое любовь? — хмыкнула Женька. — Это всегда воздействие чьей-то силы. Без всякой магии.

— Жень...

— Давай больше не будем об этом, — Женька соскочила со стола и выхватила у меня стакан с только что приготовленным коктейлем. — Обещаю, что истерик не будет. Кстати, посмотри в верхнем ящике — там для тебя кое-что есть.

Я открыл ящик и вытащил небольшой сверток. Внутри оказалась пластиковая коробочка, напоминающая половинку мыльницы. Одну из стенок полностью занимал динамик.

— Это то, что я думаю?

— Откуда я знаю, что ты там думаешь? — пожала плечами девчонка. — Глупости наверняка какие-нибудь.

— Сестренка, не дерзи, отшлепаю!

— О! Мсье понимает толк в извращениях!

— И как это работает? — Я нажал кнопку. Мне показалось, что ничего не происходит. В следующее мгновение Ми-ми, все это время спокойно лежавший у стола, сорвался с места и бросился в другую комнату. Паштет выгнулся дугой, зашипел, заметался по комнате и нырнул под комод. Даже меня самого слегка замутило непонятно отчего. Я поспешно

выключил аппарат.

— Неплохо, а? — Женька так и лучилась от гордости. — Их давно сняли с производства, но я все рассчитала, заказала нужные детали, кое-что поменяла в схеме и — результат налицо. На оборотней это вообще должно действовать как удар по ушам.

— Должно?

— А где я тебе оборотня возьму, чтобы проверить? Я — не ты, с подозрительными типами не общаюсь. Нет чтобы спасибо сказать!

— Спасибо, — буркнул я. Надеюсь, девчонка не ошиблась в расчетах. Проверять-то игрушку придется не в лабораторных условиях. Если что пойдет не так, претензии предъявлять, возможно, будет уже некому.

— На здоровье, — в тон мне ответила Женька, устраиваясь на диване. Паштет, подозрительно оглядываясь, выбрался из-под комода. — Неко... Иди сюда, неко! Иди сюда, мой толстопузик! Фокс тебя напугал? Напугал моего толстопузика? Злой противный Фокс!

Паштет одарил меня презрительным взглядом и, устроившись у Женьки в ногах, стал прилизывать стоящую дыбом шерсть. Ми-ми тоже вернулся в комнату и уселся перед диваном, преданно глядя на девчонку. Предатели!

Я с независимым видом ретировался в свою комнату. Не хватало еще, чтобы меня осуждал мой собственный кот!

Ретроспектива

1702 год, село Преображенское

Аудиенция завершилась.

Придворные с любопытством разглядывали чужака, казалось, нарочно забившегося в самый дальний угол залы. Если таким манером он старался привлечь к себе как можно меньше внимания, то замысел его потерпел неудачу — сегодня ему выпало быть «предивным кунштюком». Хотя сам чужак выглядел вполне заурядно. Ростом был мал, телом скуден, черными волосами и смуглой кожей походил на греков, но греком не был. Не был он и «индейцем Узакинского царства», как именовал его атаман казачьей полусотни Атласов Владимир Васильевич. Суровый казак, собиравший ясак с камчадалов, так и остался в убеждении, что освободил из плена индейца, каким-то образом перебравшегося из Аляски на Камчатку. Не зная, верить или нет рассказам пленника, Атласов все же составил с его слов «скаски» об удивительном Нифонском царстве, путь к которому лежал через Камчатские острова. Донесения эти он привез с собой в столицу, прихватив и пленника в качестве живого подтверждения.

Японцам уже случалось попадать в Россию, как правило, в результате кораблекрушений, но Дэнбэй Татэкава стал первым японцем, представшим перед царем.

Дэнбэй с тоской разглядывал мысы непривычных европейских ботинок. О гэта, разумеется, в этом холодном царстве не приходилось и мечтать, но даже вонючие торбы из звериных шкур, которые приходилось носить в плену, и то были удобнее. По крайней мере, они не натирали ног. Дэнбэй раздраженно думал о тесной обуви и неуклюжем европейском костюме, в который его нарядили перед аудиенцией. Отвлекал себя на эти телесные неудобства, чтобы не допустить в душу недостойное мужчины отчаяние.

Когда его освободили казаки, японец едва не расплакался, загоревшись мечтой вернуться к цивилизации. Однако «Врадимир Васирьевич» хоть и расспрашивал подробно о пути в Японию, в результате увез его совсем в другом направлении. Теперь все надежды на возвращение в родную Осаку японец возлагал на встречу с повелителем этих земель. Повелитель его надежд не оправдал. Дэнбэй не очень хорошо понимал русский, но даже его скудных познаний хватило, чтобы понять — ему приказывают остаться здесь. Возможно, навсегда.

Такая перспектива привела Дэнбэя в ужас, но спорить с императором для японца было немыслимо. Тем более, с таким императором. Петр, даже сидя в кресле, горой возвышался

над смущенным Татэкавой. Смотрел вытаращенными, кажущимися гневными, глазами, топорщил усы, как сердитый кот, и вообще напоминал Дэнбэю гравюры с великими самураями древности. Того и гляди выхватит меч и разрубит от макушки до пят!

— Поручаю этого индея тебе, Яшка, — не подозревая о страданиях Дэнбэя, говорил между тем царь Брюсу. — Ты, знаю, до всяких диковин охотник. Вот тебе диковина из диковин. Ни у кого такой нет!

— Благодарю, государь. — Яков бросил взгляд на стушевавшегося японца. — Да что же мне с ним делать-то? Сами знаете, мне сейчас артиллерию поднимать нужно. Этот Виниус мне хуже шведа поперек горла стоит...

— С дьяком я решу, что делать, — нахмурился Петр. — А Дэнбэя пристрой в Артиллерийской слободе и пусть учится русской грамоте. А как постигнет, дай ему с полдюжины ребят посообразительнее, да пусть он их своей грамоте обучает. Скоро, даст бог, шведа придавим, и можно будет о восточных наших землях подумать.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

— Ой! Здравствуйте!

Похоже, я был прав — Катя все фразы начинает с этого сакраментального «ой!». Впрочем, сейчас ее удивление было оправдано: идешь себе мирно на обед, никого не трогаешь, думаешь о высоком... ну или о вкусном. И вдруг рядом со скрипом тормозов останавливается черно-серебристый байк. Тут кто угодно растеряется. И даже испугается.

Испугаться толком Кате я не позволил, сразу же сняв шлем и изобразив на лице виноватую улыбку. Не то чтобы моя внешность могла успокоить, на этот счет у меня не было иллюзий, но улыбка у меня располагающая. Я ее специально тренировал перед зеркалом.

— Здравствуйте, Катенька! — Я заглушил двигатель и шагнул к девушке, — Извините, не хотел вас напугать. Ехал по делам и вдруг вижу — знакомое лицо.

Я прикусил язык, но девушка, видать, еще не совсем оправилась от неожиданности и не сообразила, что, подъехав со спины, я, если что и мог узнать, то явно не лицо. Вот так у меня всегда — тщательно планирую, рассчитываю, а потом прокалываюсь на какой-нибудь мелочи. Да, «случайная» встреча с красоткой из келлеровской фирмы была спланирована мною заранее. Девушка показалась мне наивнее и разговорчивее своих коллег. Мне пришлось потратить часа два, дожидаясь, пока Катя отправится перекусить. Я уже начал беспокоиться, не относится ли она к тем трудоголикам, что обедают прямо на рабочем месте.

— Ой, а куда вы вчера пропали? Мы с девочками думали, вы у нас работать будете!

— Пока не знаю, Катенька, — развел я руками, — Вроде бы место у вас хорошее, но... не знаю. Сомнения меня одолевают.

— Ой, ну что вы! Да это же всегда так! Всегда кажется — а вдруг мне здесь не понравится, а вдруг тут что-то не так?

— Думаете? — Я снова улыбнулся, — Нет, видите ли, дело в том... Но, подождите, вы ведь куда-то шли, а я вас задерживаю своей болтовней!

— Ой! Да ничего не задерживаете! — всплеснула руками девушка. — Я в Макдоналдс шла.

— Не делайте этого! Вы так молоды и жизнь так прекрасна! Зачем же рисковать?

Девушка рассмеялась:

— Вообще, я на диете, но иногда очень хочется чего-нибудь такого...

— Ох, девушки, любите вы себя мучить понапрасну, — проворковал я, копируя интонации и тембр голоса Алекса. — Зачем вам, Катенька, диеты? У вас прекрасная фигура.

— Ой! — Катя покраснела и потупилась.

— А знаете, что мне пришло в голову? Я сегодня с самого утра все никак не успеваю позавтракать. Если позволите, я приглашу вас куда-нибудь и заодно мы спокойно поговорим. Только Мак действительно не лучшее место для этого. Если позволите, я вас приглашу... да

вот хотя бы сюда! Вы любите суши?

— Обожаю! — пискнула Катя. Судя по враз поглупевшему выражению ее лица, она бы ответила то же самое, даже если бы я предложил закусить хот-догами у уличного киоска. Иногда мне кажется, что секрет Алекса не в инкубской крови, а в его повадках и интонациях. Вспомнив про Алекса, я вспомнил и о том, что мне так и не удалось до него дозвониться. Где, интересно, его носит? Пропадать он и раньше пропадал, иногда по нескольку дней. Но такого никогда не происходило, если мы вели какое-то дело.

Впрочем, сейчас нужно было сосредоточиться на своем выступлении. Я не так уж часто ухаживаю за девушками, нужно следить, как бы не ляпнуть чего лишнего.

Заведение, куда я пригласил Катю, оказалось довольно приятным местом. Несмотря на оформление в традиционном для московских «сушилок» псевдоориентальном стиле, в деталях обстановки проглядывала самоирония. В дверях нас встретила статуя то ли Будды, то ли Хотя, уплетающего рис из огромной чаши. Сломанные палочки для еды лежали у толстых пяток гипсового просветленного, что не мешало ему черпать рис прямо ладонью. Над статуей висело знамя со стилизованным под иероглифы лозунгом: «Будь проще, попроси вилку с ложкой!» На стенах висели имитации японских гравюр, но содержание их было вполне современным и комичным — сценки из офисной жизни, уличные зарисовки, карикатуры на «звезд» и политиков. Официантка в неизбежном кимоно принесла меню. Открыв книжечку, Катя тихонько захихикала. Надпись на первой странице гласила: «Уважаемые гости! Убедительно просим не обращаться к персоналу на японском языке! У нас в школах его не изучают».

Названия блюд тоже подверглись творческому переосмыслению. Себе я взял гречневую лапшу с уткой под названием «Харакири Дональд Дак», а Катя выбрала рис с рыбой под названием «Масариса с караси».

К счастью, при всем несерьезном антураже, повар заведения оказался человеком без чувства юмора — блюда нам принесли съедобные и даже вкусные. Я не гурман, скорее даже наоборот, обычно к еде у меня два требования: чтобы она была и чтобы ее было много. Но если еда к тому же хорошо приготовлена, это только плюс.

Надо будет показать это место Игорю — он оценит.

Пока мы ожидали заказ, я ненавязчиво вернул разговор к интересующей меня теме.

— Значит, вы говорите, я напрасно сомневаюсь?

— Ой! Ну конечно же! У нас очень хороший коллектив! И фирма большая, надежная. Хорошая зарплата. Знаете, историку не так-то просто сейчас найти работу по специальности. А уж чтобы за нее еще и хорошо платили — это вообще фантастическое везение.

— Все это, разумеется, здорово, но... меня смущает некоторое... гм... несоответствие истине документов, которые готовит фирма. Не обижайтесь, но ведь это самый обычный обман.

— Ну... да, — погрустнела Катя. — Я тоже раньше переживала из-за этого. Но я вот что скажу: эти люди, которые покупают у нас родословные, они ведь сами обманщики. Знаете, никто не приходит, чтобы выяснить, что его предки были крестьянами или рабочими. Попробуй я оформить честное заключение — и клиент уйдет, да еще скандал устроит! Все хотят получить в предки не меньше, чем боярина. Им все равно, так ли это на самом деле, главное, чтобы была грамота с печатью. Ну и... не последние же деньги они за это отдают? Это не что-то жизненно необходимое. Просто способ потешить тщеславие. Помните, раньше в Крыму и Сочи на пляже были такие фотографии с фанерными силуэтами, на которые были наклеены фотографии известных артистов? Можно было сфотографироваться с ними в обнимку. Все знали, что это подделка и что те, кому покажут эти фото, будут знать про подделку, а все равно фотографировались. Вот и с родословными та же история. Я не оправдываюсь, но... честно говоря, совесть меня не мучает.

— Извини, я не хотел тебя обидеть. И мораль читать не собирался.

— Да я и не обиделась. Просто жаль будет, если ты откажешься. У нас ведь не только такая тупая работа. Анатолий Германович продажу родословных организовал, когда открыл

фирму — чтобы начальный капитал создать. А сейчас от этого идет лишь незначительная часть доходов. У фирмы много других направлений. А родословные... Анатолий Германович говорит, что, раз богатым бездельникам хочется выбросить деньги на ветер, пусть эти средства пойдут на развитие исторической науки.

— Да он просто Робин Гуд какой-то.

— Нет, конечно, — не обращая внимания на мою иронию, возразила Катя, — Он деловой человек. Но мы действительно занимаемся и серьезными научными исследованиями.

— Серьезными? И чем, например?

— Ну во всех отделах — по-разному. Это зависит от эпохи, на которой отдел специализируется. Наш отдел, скажем, сейчас работает над биографией Якова Брюса. Он как раз в конце семнадцатого века родился. Правда, расцвет его карьеры пришелся на восемнадцатый век, но у нас, к счастью, нет жесткого разделения. И потом корни его величия все равно в детстве. Ой, что это был за человек! Если бы он жил сейчас, я бы в него точно влюбилась!

Я с любопытством и даже некоторым восхищением смотрел на Катю. Похоже, она относилась к тем счастливым, работа которых совпала с их увлечением. Заговорив о Брюсе, Катя преобразилась. Застенчивость и наивность исчезли, она даже будто чуть выше ростом стала, глаза блестели...

«Ох, Фокс, ты слишком долго один!» — прокомментировала Хайша.

«Перестань! Ты прекрасно знаешь, что это все ради дела!» — отмахнулся я от ехидно хихикающей богини.

Однако, вспомнив о деле, я был вынужден признать, что встреча с Катей, с деловой точки зрения, была напрасной. Все, что говорила девушка, было интересно, но никак не объясняло, зачем все-таки Келлеру понадобилась Женька? Пусть даже ему нужна была какая-то информация. Но Женька ведь не историк, а у него под рукой целый штат профессионалов, готовых копать информацию не за страх, а за совесть. Да и что такого могло скрываться в прошлом, чтобы сейчас идти ради этого на преступление?

«Не факт, — уже серьезно возразила Хайша. — В прошлом может быть много чего. Уж поверь мне!»

«Ты же мне совсем недавно мозг выносила, мол, похищение Женьки никак не связано с историей!»

«Я и сейчас так считаю. А ты не забыл, что еще и книги должен искать? Старинные книги, между прочим! И вот это дело вполне может быть связано с историческими поисками Келлера!»

«Хайша, я понимаю, что для тебя Петр Первый — хороший знакомый, правивший в России буквально на прошлой неделе. Но книги украли совсем недавно! При чем тут Брюс?»

«А ты спроси эту милую девушку, — провокаторским тоном посоветовала Хайша. — Ты ведь все равно не находишь в себе сил с ней распрощаться».

— Но что можно найти о Брюсе сейчас? — Я сформулировал вслух заинтересовавший меня вопрос, — Он же изучен вдоль и поперек...

— Не скажи! — покачала головой Катя. — Всегда есть надежда откопать какие-нибудь новые факты, косвенные упоминания, построить новые теории. Тем более когда речь о таком таинственном человеке! Даже просто собрать воедино всю информацию о нем — уже безумно интересный труд!

— А Келлер не против, что ты рабочее время на это тратишь?

— Так я же говорю — это его задание! Меня ведь на самом деле взяли специально Брюсом заниматься! Келлер сам нашел меня в институте. Я диплом писала по Петровской эпохе, а потом хотела поступать в аспирантуру. Но Анатолий Германович отговорил оставаться в институте. Сразу после защиты пригласил работать к себе, я согласилась и ни разу об этом не пожалела.

Приходилось признать, что Хайша права. Что-то тут есть.

— Любопытно... Значит, Келлера интересует Яков Брюс?

— Ну не только он, — пожала плечами девушка. — Конкретно Яковом Вилимовичем занимаюсь только я. У остальных девочек из нашего отдела другие задачи. Наташа, например, вообще изучает торговлю с северными территориями Российской империи. А Рита, которой вчера не было, — деятельность Кромвеля. А одна моя подруга в пятнадцатом отделе занимается Софьей Палеолог. А еще одна девочка, мы с ней в институте еще дружили, — архитектурой советского времени. У нас тут настоящий исторический институт в миниатюре.

— Интересно...

В действительности же я чувствовал недоумение. Смутно представляю, как должна «делаться наука», но даже мне казалось, что интересы у господина Келлера какие-то хаотичные для настоящего ученого. Разве что в этом хаосе скрывалась система, которой я пока не видел.

— Очень интересно! Так я тебя убедила?

— Почти, — улыбнулся я. — Я все равно собирался завтра заехать, поговорить непосредственно с Келлером. Может, он еще не захочет меня брать на работу.

— Ой! Это да, — загрустила Катя. — Вообще-то он тяжелый человек. Если хочет — может быть очень обаятельным. Но чаще всего не хочет. Мы же не клиенты, чего нас стесняться? Но его можно понять — он работает в безумно напряженном графике. Ну и... все-таки он академик. Потому очень авторитарен. Жаль будет, если ты ему не понравишься!

Мысль об этом, похоже, здорово расстроила Катю, и обед мы завершили, обмениваясь ничего не значащими фразами. Я проводил девушку до входа в офис и, неожиданно даже для самого себя, спросил:

— Катя, а у тебя есть планы на сегодняшний вечер?

— Ой! — Девушка растерялась, словно ее раньше никто никуда не приглашал. — Я хотела пости... Ой! Нет, никаких планов!

— Как ты относишься к походу в театр?

— Ой!

— Есть такой очень хороший театр, называется «Лунный блюз». Он не так известен, как другие театры вроде МХАТа или на Таганке, но там ставят совершенно фантастические спектакли.

— Ой! Но как я пойду в таком виде?! — Девушка в отчаянии всплеснула руками. — Я не могу!

— Ты во сколько заканчиваешь?

— В шесть... Могу отпроситься пораньше, в половине шестого.

— Вот и отлично! Спектакли у них начинаются в половине восьмого.

— Два часа? Но мне ехать в Марьино! Я не успею!

— Марьино? Так это совсем рядом! — Меня охватило знакомое ощущение уверенной беспечности. — Я буду ждать тебя в половине шестого на этом же месте. Договорились?

— Ой!.. Да!

Я рванул к ближайшему киоску с театральными билетами, ругая себя на чем свет стоит за самоуверенность. А вдруг билетов на сегодня уже нет? «Извини, Катенька, все отменяется!» Вот это будет позор!

К моему счастью, билеты были, и даже на вполне приличные местах. Про спектакль «Тень матадора» я раньше не слышал, но это и не удивительно — не такой уж я завзятый театрал. При моем образе жизни как-то не особо есть время ходить по театрам. Да и денег, чаще всего, на это нет. Хорошо, что подвернулись эти два дела — в Липовом Цвете и заказ Ивора. А то максимум, что я мог бы предложить Кате, — посмотреть кино на ноутбуке у нас в конторе. Сейчас у нас там, конечно, натуральный цирк, но мне кажется — это не лучший способ организовать первое свидание.

«Ты сошел с ума, — сообщила мне Хайша. — Нашел время!»

«У меня никогда нет времени, — возразил я ей. — Всегда есть какие-то срочные дела.

И, что самое паскудное, сколько я их ни делаю, меньше их не становится. В конце концов, рассматривай это как попытку заполучить информатора в стане врага».

«Фокс, кого ты пытаешься обмануть?!»

«Ты же хотела в театр!»

«Но не в компании какой-то девки!»

«Хайша, да ты никак ревнуешь?!»

«Я тебя ненавижу, Фокс! Если бы я только знала, что свяжусь с таким наглым, тупым, самоуверенным смертным! Да я бы лучше растворилась в Хаосе!»

«Я так и думал, что ты меня ревнуешь!»

Мысленно показав богине язык, я поехал в сторону Арбата. Неожиданно у меня оказалось несколько свободных часов, которые совершенно некуда было потратить. Женька еще не собрала каких-либо существенных данных ни о Келлере, ни об Орлове. Без этой информации было непонятно, в какую сторону копать. Можно, конечно, последить за одним из них, но в таких делах слежка — занятие практически бессмысленное. Это не тролль, нацелившийся ночью вломиться в магазин, и не вампир, отслеживающий добычу. Такие люди, как Келлер и Орлов, обделывают грязные дела, не покидая своих уютных кабинетов.

В кармане куртки завибрировал телефон. Я остановился у тротуара и посмотрел на определитель номера.

Оп-па! Легок на помине!

— Фокс слушает.

— Господин Фокс? — донесся до меня знакомый голос. — Это Орлов.

— Доброго дня!

— Чего в нем доброго? — сварливо поинтересовался Альберт Виленович. — Вы вообще моим делом занимаетесь?

— Разумеется! — почти не соврал я. — Расследование движется. Просто пока рано говорить о результатах — и двух дней не прошло! Я вчера беседовал с господином Ессе, Алекс параллельно ведет работу с антикварами...

— Кстати, где сейчас господин Рейнард? — неожиданно спросил Орлов. — Я не могу до него дозвониться.

— Он отключил телефон. Это в интересах расследования.

— А он вам ничего не рассказывал...

— О чем? — поторопил я замаявшегося клиента.

— Ну... он ведь ваш напарник! Он ведь делится с вами информацией? Ну... хотя бы, как продвигаются его поиски?

От того, как неуверенно Альберт Виленович подбирал слова, у меня сложилось стойкое убеждение, что его подмывает спросить о чем-то другом. Или рассказать мне нечто важное. Но по каким-то причинам он удержался и принялся нести какую-то вялую ахинею. Что ж, Альбер! Виленович полностью оправдывал свой теневой облик. Я уже не сомневался, что главная скрипка здесь Келлер. Возможно, Орлов случайно оказался втянутым в делишки «академика» и только теперь почуял, что запахло жареным. Вот и заметался. Хочет и шкуру свою спасти, и босса боится.

Я попытался подтолкнуть его к решению.

— Вы можете сообщить мне все, что хотели сказать Алексу. У вас появились какие-то мысли, связанные с похищением... книг?

— Нет-нет! — Как мне показалось, Орлов уже пожалел, что позвонил мне. — Ничего такого... Извините, у меня дела! Держите меня в курсе!

— Разумеется... — произнес я в замолчавшую трубку.

Не клюнул. Жаль. Между тем поведение господина Орлова подтверждало мои худшие опасения — если не считать аванса, на гонорар за это дело можно не рассчитывать. Вот Алекс взбеленится... Кстати, куда он все-таки пропал?

Если вчера я отнесся к отключенному телефону Алекса спокойно, то сегодня начал всерьез тревожиться. Каким бы безответственным балбесом ни был Алекс, он все-таки мой

напарник. Сколько раз он помогал выпутаться мне из неприятностей, в которые, если подумать, сам же меня и втравливал. Сколько раз прикрывал спину своей... м-да... чего уж скрывать, не особо сильной и искусной магией. Да и я не оставался в долгу. Сколько раз мне приходилось прикрывать его перед Марго! А это, скажу я вам, будет по опаснее схватки с оборотнем! В мире Тени такие вещи много значат.

Да и, в конце концов, мне нравится название нашей конторы! «Фокс и Рейнард» — это звучит. Обидно будет его менять.

Припарковав мотоцикл в одном из переулков возле Старого Арбата, я присоединился к празднующей толпе. Люблю это место. Несмотря на то что оно сильно изменилось со времен моего детства, стало уж больно глянцевым, туристическим, душа Арбата все еще жива.

Я неспешно прошелся вдоль выставленных в ряд столов с книгами. Настоящих раритетов среди них, впрочем, не было. Да и интерес мой был скорее инстинктивным — текущее дело накладывало свой отпечаток. Полубовался на галерею уличных художников. Загляделся на группку парней и девчонок, демонстрировавших что-то вроде бесконтактного боя, больше похожего на смесь акробатики и зажигательного латиноамериканского танца. Рядом по кругу танцевали вездесущие кришнаиты в оранжевых простынях — куда менее искусно, но тоже от души. Послушал музыкантов. Поглазел на витрины.

Почувствовал, что если не присяду отдохнуть, то ноги у меня просто отвалятся.

Хорошо хоть с этим на Арбате, что раньше, что сейчас, нет проблем. Выбрав симпатичное кафе в сдержанном европейском стиле, я плюхнулся в кресло и чуть не застонал от его мягкого комфорта. Словно из воздуха возникла официантка, приняла заказ и исчезла, вызвав едва ощутимое колебание Тени. Когда официантка вернулась с кофе, я взглянул на нее тeneвым зрением. И без того невысокая девушка стала еще ниже, обзавелась копной растрепанных темных волос, в которых запутались сухие травинки и листья, с потемневшего треугольного личика блеснули огромные зеленовато-синие, вобравшие цвет лесных озер, глаза. Форменная плиссированная юбка заканчивалась чуть выше колен, позволяя видеть оленьи ножки с аккуратными копытцами. Брауни почувствовала тeneвой взгляд, кокетливо улыбнулась и ускакала в подсобку. Я попробовал кофе, уже зная, что он будет великолепным.

Вообще-то брауни не любят работать днем. Как правило, они связывают свою жизнь с одной понравившейся семьей, как наши домовые, и незаметно опекают род из поколения в поколение. Но в последнее время с такими крепкими родами, живущими в одном большом доме веками, сложно не только у нас, но и в Европе. А к жизни в современных многоквартирных домах брауни приспособлены даже хуже домовых. Поэтому многие представители этой расы, особенно из молодого поколения, подаются в обслуживающий персонал — устраиваются официантами, горничными, консьержами. Даже нарушаю! ради этого древнюю традицию, запрещающую им брать плату за свой труд, — без работы брауни рискуют одичать. Совершенно безобидные милые существа. Прекрасно готовят чай, кофе, грог и глинтвейн. И в местах, где они работают, порядок всегда идеальный. Я расслабленно смаковал кофе, ожидая заказ и разглядывая прохожих за окном. Если чередовать обычное и тeneвое зрение, наблюдение превращается в увлекательное занятие. Вот, например, торопится куда-то человек в деловом костюме с кожаной папкой под мышкой. Тeneвое зрение превращает его в изможденного каторжника в полосатой тюремной робе. За ним волочится чугунное ядро, прикованное цепью к лодыжке. Кто такой? Почему так выглядит? Что за долг тянет он за собой? Можно только гадать. Или вот на углу стоит потрепанный жизнью мужичок — не бомж, но явно на полпути к этому. Но я вижу под ущербной личиной туловище льва с головой и крыльями орла. И вот скажите мне, откуда здесь грифон? Почему он там стоит и почему в таком непритязательном виде? Ждет хозяина?..

— Извините, вы не против? — Тихий вкрадчивый голос оторвал меня от уличных шарад.

У столика стоял невысокий человечек лет шестидесяти в коричневом вельветовом

костюме и кремовой рубашке, под расстегнутым воротником которой был намотан шелковый платок. Я недоуменно оглядел кафе — свободных столиков предостаточно. Человечек правильно понял мой взгляд и поторопился объяснить:

— О, я просто не люблю обедать в одиночестве. Согласитесь, приятная застольная беседа делает блюда вдвое вкуснее. Но если вы против...

— Нет, почему же... — Невольно попав под обаяние незнакомца, я постарался ответить ему в тон: — Если желаете, присаживайтесь. Буду только рад вашему обществу.

— Великолепно! — обрадовался человечек и церемонно поклонился: — Густав Карлович Смеянов.

— Виктор Олегович Фокс. К вашим услугам, — зачем-то добавил я.

— Весьма польщен!

Тут появилась официантка с моим заказом, выслушала пожелания Густава Карловича, долго и витиевато объяснявшего, чего же он хочет, и, странно взглянув на меня, исчезла. Хоть мы с Катей недавно обедали, но эти самые японские деликатесы — еда совершенно для меня бестолковая. Вроде набил пузо — смотреть на них уже не можешь. А через полчаса чувствуешь себя так, словно и не ел ничего. Все-таки что японцу хорошо, русскому — на один зуб.

Брауни вновь появилась с несколькими тарелками на подносе, похоже, господин Смеянов был не дурак поесть. На некоторое время застольный разговор свелся к междометиям и комментариям вкусовых качеств блюд, причем Густав Карлович проявил себя настоящим гурманом, уделив пару слов даже соусам и приправам. Мне стало неловко за мою плебейскую печеную картошку и жареные колбаски. Впрочем, я ведь ни на что и не претендую. А когда дошла очередь до десерта, господина Смеянова обуяла болтливость.

Начал он с вопроса, как мне понравилось какое-то из соседних зданий после реставрации. Я так и не понял, что за здание он имеет в виду, и отделался общими словами. Но господину Смеянову, как выяснилось, и не нужны были ответы, он относился к тому типу людей, которых я называю глухарями. Густав Карлович разливался, именно как токующий глухарь, совершенно не обращая внимания на то, слушают его или нет. Хотя, справедливости ради, стоит отметить, рассказывал он довольно любопытные вещи.

— Представляете ли вы тогдашнюю ситуацию в Средиземноморском бассейне? О, это вам не сегодняшние конфликты, когда по каждую сторону баррикад люди готовы договариваться и вопрос только в цене, а на горизонте всегда маячит ООН с подразделениями «голубых касок»! Не-эт... Тогда были совсем другие представления о войне. Ненависть копилась поколениями, и все участники конфликта готовы были идти до конца, сражаться до полного уничтожения противника. Да и как они могли бы договориться, если по одну сторону были османы с их мусульманской непримиримостью, а с другой — византийцы, чуть более цивилизованные, но не менее фанатичные в вопросах веры? А издали за этим котлом наблюдал Рим, выгадывая, как бы снять пенку пожирнее. Правда, обвинять Рим в бездействии сложно — шансов у Византии все равно не было. А у Фомы Палеолога не было особого выбора после падения Константинополя. Ну не бежать же в Сербию, к старшей дочери и ее мужу, чтобы влачить жалкое существование на задворках мира? Можно было, конечно, податься в сохранившую византийскую веру Русь. Но про наши земли тогда было мало что известно, и, думаю, Фома просто испугался. В результате он выбрал Рим. Вечный город напрашивался как самое близкое и надежное убежище, ведь Фома должен был думать не только о себе, но и о детях. И, естественно, о царской Либерии...

— Простите?

— Либерии — так в те времена называли библиотеки. Фома вывез с собой в Рим часть царской библиотеки Константинополя. Знаменитое собрание древних и редких книг, свитков, табличек, папирусов — в общем, все письменные источники знаний, хранимые со времен египетских фараонов.

— Хм... Любопытно... Неужели в такой момент старик думал о каких-то книгах?

— Каких-то? О нет! Тут вы, молодой человек, глубоко заблуждаетесь! — Густав Карлович воздел палец к потолку и многозначительно произнес: — Более восьмисот книг, многие из которых уже тогда существовали в единственном экземпляре, вот что такое была царская библиотека Константинополя! Представляете, что это значило для мира, который еще не знал печатного станка?

— Э-э-э... Мне это как-то трудно представить, не довелось в те времена жить. — Я вспомнил слова Игоря о синхронии и только головой покачал. Это что же, теперь даже случайные знакомые будут мне читать лекции о древних книгах? Или... Я исподтишка присмотрелся к Густаву Карловичу. Нет, он явно не человек Тени, даже если бы он скрывал это, я бы почувствовал. Но это еще ни о чем не говорит. На свете полно обычных людей, работающих на теневиков, осознанно или нет. Теневой облик господина Смеянова тоже ничего конкретного мне не сообщил, хотя его трудно было назвать приятным. В Тени старичок обзавелся головой большой ящерицы — судя по непрерывно меняющейся окраске чешуи, это был хамелеон. Не особо привлекательно выглядит, но, насколько я знаю, хамелеоны — вполне безобидные существа.

С другой стороны, живя в Москве, привыкаешь к странным людям. Если уж быть объективным, то почти все мои знакомые и друзья — люди более чем странные. У каждого из нас свои тараканы в голове, которых мы не только не стремимся вывести, но, напротив, холим и лелеем, гордимся ими, поскольку в нашем кругу быть «нормальным» просто неприлично. Так что странноватый Густав Карлович с его неожиданной лекцией по истории Византии вполне вписывался в рамки того сумасшедшего мира, который мы выстроили вокруг себя. И все же я не мог отделаться от мысли, что обаятельный господин Смеянов не случайно оказался за моим столиком...

«Фокс, у тебя разыгралось воображение, — рассудительно произнесла Хайша. — Этот болтун, нахватавшийся обрывков знаний, и мне действует на нервы, но это не повод в чем-то его подозревать. Это уже паранойя!»

«Если у вас паранойя, это еще не значит, что за вами не следят», — ответил я Хайше бородатым анекдотом.

— По нынешним временам цена любой книги из той библиотеки... нет, я даже не могу назвать приблизительную цену такого раритета! — продолжал кудахтать Густав Карлович. — «Лестерский кодекс» Леонардо да Винчи был продан за двадцать четыре миллиона долларов! А ведь в Либерии были книги гораздо старше! Речь может идти о сотнях миллионов долларов!

Господин Смеянов уставился на меня, ожидая, видимо, восторженных комментариев. Я воздержался. Мне как-то трудно представить даже миллион долларов. Такая сумма для меня — некое абстрактное понятие, вроде бесконечности Вселенной. То есть я, конечно, знаю, что Вселенная бесконечна, но представить этого не могу — фантазии не хватает.

Честно говоря, Густав Карлович мне порядком надоел. Если даже он подсел ко мне специально и завел разговор о Либерии с какой-то целью, он слишком долго раскачивался. В такой ситуации иногда полезно выбить человека из темпа — заставить догонять или ждать. Да и время свидания с Катей приближалось. Я демонстративно посмотрел на часы, изобразил приличествующее случаю огорчение из-за того, что приходится прервать интересную беседу, и помахал рукой, привлекая внимание официантки.

Брауни подошла ко мне все с тем же странным выражением на лице.

— Извините, мне очень неловко вас просить, но не могли бы вы подойти к стойке? У нас возникла проблема с кассой...

— Да, конечно.

Я попрощался с явно расстроившимся господином Смеяновым и последовал за официанткой.

— Ты ведь тот самый Фокс? — Брауни сделала вид, что пытается реанимировать кассовый аппарат. Разумеется, с ним все было в порядке.

— В каком смысле «тот самый»? — хмыкнул я, выкладывая на стойку деньги. — Если

«тот самый крутой и непобедимый Виктор Фокс», то да, это я. А если «тот самый мерзавец и негодяй Виктор Фокс», то это явно мой однофамилец.

— Ты — сыщик, — с утвердительной интонацией произнесла брауни. — Ты помог моему брату. Ты хороший человек.

— Если бы так считали все мои клиенты! — вздохнул я. Не помню совершенно, чтобы у меня были дела с брауни. Впрочем, у маленького народца очень сложные представления о долге чести. Вполне вероятно, что я даже не заметил, что «помог» кому-то из них. Вот так! Творить добро приятно и полезно! Особенно, когда для этого делать ничего не требуется. — И чего ты хочешь?

— Этот человек за столом — он плохой! Очень плохой! Не верь ему!

— Хм... — Я посмотрел на отражение господина Смеянова в зеркальной стойке. Очень плохой? Этот божий одуванчик? Впрочем, представления о хорошем и плохом у брауни тоже весьма загадочные. — Я и не собирался ему верить. Я вообще никому не верю — это профессиональное. Но все равно спасибо!

— Меня зовут Лиин.

— Спасибо, Лиин!

Я покинул кафе.

Если Лиин не ошиблась, значит, господин Смеянов действительно чего-то от меня хотел. Стоило же ему ходить вокруг да около битый час! Ну пусть теперь ищет способ связаться со мной. Если он смог выследить меня сегодня, это не составит для него труда.

Хотя, возможно, он просто пытался ущипнуть Лиин пониже спины — брауни очень болезненно воспринимают сексуальные домогательства. Конечно, у них есть своя магия, надежно защищающая их, но и одного только намерения было бы достаточно для смертельной обиды.

Я посмотрел на часы. Однако! Уже пять вечера!

Моя «драга» терпеливо дожидалась меня там, где я ее оставил. Стоило тронуться с места — сразу пришлось выбросить из головы и подозрительного господина Смеянова, и Лиин с ее предостережением. Ездить по центру вечером — задача, требующая полной концентрации. Впрочем, от Арбата до Никольской рукой подать. Главное — не заблудиться в путанице московских переулков.

Я успел впритык — Катя только вышла на улицу и озиралась в поисках меня. Увидев меня верхом на «драге», девушка, по-моему, едва не юркнула назад в подъезд. Но удержалась и все-таки подошла.

— Ой! А мы на этом поезде?

— Не бойся, я буду аккуратен. — Я снял шлем, протянул Кате. — Надень. На всякий случай.

Я способен оценить героизм! Она надела шлем, и руки ее почти не дрожали.

— Не бойся, это не опаснее, чем на велосипеде ездить, — успокоил я Катю, повязывая бандану и доставая из кармана куртки старомодные очки-«консервы», которые обычно таскаю с собой для вы пендрежа. Вот игодились. — Правила простые. Обхвати меня за пояс и постарайся прижаться как можно плотнее. Ноги держи вот на этих подножках, колени прижми к сиденью. Не пытайся мне помогать при поворотах, не ерзай и ни в коем случае не отпускай руки. Представь, что ты — рюкзак на моей спине. Не спускай ноги с подножек, даже когда мы будем останавливаться. Все понятно?

— Д-д-да...

Несмотря на страх, а может быть, благодаря ему, Катя вела себя образцово. Я бы даже забыл, что со мной «рюкзачок», если бы она не была женщиной. Близость ее тела обжигала меня даже сквозь кожаную куртку. Выполняя обещание, я ехал спокойно, не рискуя, но то ли народ еще сидел на работе, то ли мне везло — мы ни разу не увязли в пробке. К шести мы уже были возле дома Кати. Я не стал смущать девушку и остался ждать на улице. Надо признать, ей вновь удалось поразить меня. Мало того что она решилась повторить поездку — она собралась меньше чем за полчаса!

— Поехали?

Меня нетрудно очаровать. У девушек в бикини это вообще получается за доли секунды. Кате понадобилось чуть больше времени, но ведь она была в джинсах, кофточке и куртке. Зато у нее было безотказное оружие против меня — шикарные рыжие локоны!

Ретроспектива

1712 год, Москва

— Чернокнижник он! — выпучив глаза для пущей убедительности, произнес дьяк. — Все о том знают! Чернокнижник и нехристь! И гореть ему за это в аду!

Подведя грозный итог будущей загробной судьбе колдуна из Сухаревой башни, дьяк Прокопий мелко перекрестил рюмочку и выпил. Серdito захрустел огурцом. Сидевший наискосок за столом чернявый мужчина неприметной наружности (судя по одежде, писарь) пренебрежительно усмехнулся:

— Вы, извините, ерунду изволите говорить! Яков Вилимович — человек приближенный! Стал бы царь колдуна привечать! Яков Вилимович — человек ученый, большой мудрости и понимания.

— Чернокнижник он! — упрямо нахмурился дьяк. — Ученый! А ты сам-то не с Артиллерийской слободы, что защищаешь его?!

Писарь с достоинством возразил:

— То значения к делу не имеет, откуда я. Яков Вилимович много полезного для государства сделал, о том все знают. А что касемо колдовства, так про то все только выдумки да сплетни!

— Да какие ж выдумки?! — задохнулся от возмущения дьяк. — Да ты поди к Сухаревой башне, как стемнеет! Бывает, что и всю ночь в верхнем окне свет горит. Доброму христианину ночами спать положено! Ночь — время колдунов и ведьм!

Дьяка неожиданно поддержал купчик, давно уже просиживавший в кабаке выручку от своей свечной торговли.

— Верно поп говорит! Я сам это колдунство видел! Слушайте, слушайте, что я расскажу! Шел давеча мимо той башни за полночь...

— Из кабака шел, видать!

На скептически настроенного писаря зашикали.

— А хоть и из кабака, да трезвее некоторых! Так вот.

Слышу — свист, стоны от той башни начались, будто черти души в аду мучают! Поднимаю голову — святые угодники! Из окна башни летят железные драконы!

— Вот прям так и драконы? — не унимался писарь. — Нешто огнем из пасти пыхали?

— А вот и пыхали! Только не из пасти, а из заду! И лица у них — человечьи! Покружили вокруг башни и опять в окно впорхнули!

Писарь на это заявление только закатил глаза и тяжело вздохнул, словно говоря: «Ну что взять с темноты суеверной?» Но остальные завсегда и кабака прислушивались к словам купца с интересом и доверием. Посыпались, как из мешка, слухи, бродившие по Москве с того дня, как вместо стрельцов полковника Сухарева поселился в башне таинственный царский любимчик. Вспомнили и про железную служанку, якобы оживленную колдовством и прислуживавшую Брюсу вместо живой прислуги. И календарь, по которому судьбу любого человека можно предсказать. И про Черную Книгу конечно же.

— А что царь его к себе приблизил, так оно и понятно! — понизив голос и опасливо озираясь, продолжил дьяк. — Колдун-то ему обещал эликсир вечной молодости!

— А вот это уж, как хотите, чушь полнейшая! — возмутился писарь. — Не существует такого! Да и не может существовать! Все, что рождается, — растет, старится и умирает. Это закон природы и Божий!

— Так на то он и колдун, чтобы супротив законов!

— Что же сам Брюс свой эликсир не выпьет? Я его часто вижу, стареет он, как все

люди!

Распалившийся дяк истово зашептал:

— Да потому как страшно-то! Для того чтоб эликсир тот подействовал, надобно сначала умертвить себя лютой смертью! Порубить тело на куски и эликсиром тем облить. Кому поручить такое страшное дело можно? Вот и не решается колдун — нет у него такого верного слуги!

Писарю наскучил этот разговор, и он, расплатившись, покинул кабак. Подходя к Сухаревой башне, посмотрел на окна кабинета Брюса. Окна, как обычно, светились в ночи.

«Надо будет рассказать Якову Вилимовичу, что за слухи пошли из-за его опытов. Этак, не ровен час, придут добрые горожане поджигать башню с колдуном! Но какая дивная фантазия! Порубить себя на куски ради вечной молодости! Надо же было до такого додуматься!»

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— Ну и где ты шляется?

— Ничего себе, — изумился я. — Ты ничего не перепутала? Это тебе восемнадцать лет. Да и то я не спрашиваю, чем ты занимаешься и где была весь день.

— Чтобы ты знал, я весь день копала данные на Орлова! — завопила Женька. — Сиж тут, не разгибаясь, как нерд какой-нибудь! А ты развлекаешься!

— Я тоже работаю!

— Не ври! От тебя пахнет духами!

— Алекс так и не объявился? — догадался я.

— Да? — довольно искусно изобразила удивление Женька. — А ты разве с ним не связался? Или я неправильно поняла — вы же вроде как партнеры?

— Напарники, — поправил я ее мрачно. — Не надо мне тут грязных намеков.

Я встревожился не на шутку. Честно говоря, исчезновение напарника как-то вылетело у меня из головы. Пока рядом была Катя, я вообще не вспоминал о делах — в кои-то веки! Зато теперь меня начала грызть совесть... ну ладно, преувеличиваю — не грызть, а слегка покусывать. В конце концов Алекс — взрослый мальчик и в состоянии за себя постоять.

«Или дорого продать жизнь».

«Это не совсем то соображение, которое могло бы меня успокоить!»

— Не паникуй, — то ли Женьке, то ли самому себе приказал я, усаживаясь в кресло. — Обстоятельства бывают разные. Чаще всего сидишь и представляешь всякие ужасы, а потом оказывается, что все гораздо проще.

— Да, знаю, — кивнула девчонка, не поворачивая головы. — Обзваниваешь его друзей, милицию, морги, не спишь всю ночь, глотаешь успокоительное, а оказывается, что он просто остался ночевать у своей подруги и отключил телефон.

— Жень... Алекс — взрослый мужчина! Взрослый инкуб в конце концов! И вообще, он с тобой и двумя фразами-то не перебросился!

— Я не об этом. — Женька оторвалась наконец от монитора и посмотрела мне в глаза. — Просто не относись ко мне, как к ребенку. Если мне всего восемнадцать, это не значит, что я ничего не понимаю, что мои чувства — мелочь, глупость. Если человеку мало лет, это еще не значит, что он дурачок какой-то и все его переживания сводятся к «любит — не любит». Ты не допускаешь, что я могу беспокоиться об Алексе просто потому, что у вас опасная работа? Вы-то, может быть, привыкли уже. Вам, наверное, кажется нормальным драться с оборотнями? И что если у напарника не отвечает телефон — ерунда! Сколько раз такое случалось! Выкрутится! А я вот не привыкла! И когда уже за полночь, а Алекса нет, и тебя нет, и твой телефон тоже не отвечает, у меня есть причины волноваться! Я сижу здесь, за окном — ночь, и когда я думаю, что так и до утра могу просидеть, и до следующей ночи, и до следующего утра, а вы не вернетесь уже никогда, мне становится страшно!

— Извини, — буркнул я. Женьке удалось меня смутить. — Ты тоже учитывай, что если

я взрослый, это еще не значит, что умный. Просто привык, что из-за Алекса у нас постоянные проблемы именно с этой стороны... А что, неужели совсем ничего?..

— Да пошел ты! — Женька вздохнула. — Он, конечно, кавайный, аж слюнки текут... текли бы. Но мне сейчас не до этого. Не с моими теперешними проблемами.

— Да брось! Разберемся мы с Келлером! Не так уж он и крут.

— Если бы только в нем было дело...

— А в чем?

— Неважно.

— Жень, ты хоть помнишь, о чем мы договаривались? — Я начал сердиться. — Я вытаскиваю тебя из этого дерьма. Но за это требую твоей честности. Если ты меня обманываешь...

— Что, мне уйти? — Девчонка выдержала мой взгляд, — Я могу остаться до утра, или мне прямо сейчас свалить?

— Дьявол! — Я запустил стакан в угол и ушел в свою комнату.

Безжалостно согнав с кровати разнежившегося Ми-ми, я упал навзничь, пошарил в проеме между кроватью и стеной, извлек полупустую бутылку и сделал хороший глоток неразбавленного джина. Дьявол! Иногда я ненавижу то, чем занимаюсь. Да чего уж там! Большую часть времени я ненавижу свою работу. А в промежутках пребываю в недоумении — зачем мне все это?

И вот что удивительно — люди приходят в нашу контору, когда их действительно прижало. Что-то происходит вокруг них, но это что-то не укладывается в рамки здравого смысла. Их здравого смысла. Им не поможет милиция, им не поверят друзья, и даже самые близкие люди покрутят пальцем у виска и порекомендуют хорошего психиатра — ведь их здравый смысл один на всех. Единственные, кому они могут рассказать о своих проблемах, — я и Алекс. Если не считать психов из ближайшего «желтого дома».

И вот когда они приходят и рассказывают о своих проблемах, думаете, они рассказывают все честно и до конца? Нет. Они врут, не договаривают, переворачивают все с ног на голову, лишь бы подать себя в выгодном свете. А когда мы, намучившись с их враньем, все-таки вытаскиваем их из дерьма, они начинают ненавидеть нас зато, что мы попутно раскрыли их маленькие, никому не интересные тайны.

Не говоря уже о том, что для большинства мы — обычные проходимцы, обманщики, наживающиеся на чужой наивности.

Я сделал еще пару глотков джина.

Однако, как быть с Катей? Я ведь уже солгал ей, дескать, историк и собираюсь работать в их фирме. А вполне вероятно, что вскоре у господина Келлера возникнут неприятности, в результате которых Катя и ее подруги потеряют любимую работу. То-то она обрадуется, когда узнает, что это я во всем виноват! И наверняка решит, что я и познакомился-то с ней только ради получения информации. Правда, так оно и есть... вернее, было поначалу. Но ведь не объяснишь!

Нет, приличной девушке нужен приличный мужчина. Пусть даже и с тараканами в голове — это сейчас модно. Но тараканы обязательно должны быть социально приемлемыми. И у мужчины должна быть приличная работа и хорошие перспективы в жизни. А какие перспективы у меня? Да никаких... Надо бросать это бестолковое существование. Работать, строить свою жизнь, а не гоняться за призраками! Устроиться в какую-нибудь нормальную фирму. С гарантированной зарплатой, комфортабельным рабочим местом, фиксированным рабочим днем... гм... а еще начальником и... обязательным костюмом и галстуком?!

Не-не-не, на фиг такое счастье!

Я отогнал жуткую картину себя в галстук очередным глотком джина.

— Фокс! — В приоткрытую дверь просунулась сногшибательная шевелюра всех цветов радуги. — Я собрала на Орлова и Келлера все, что возможно, и сбросила на твой ноут...

— Зачем?

— Ну... вдруг тебе понадобится? Ты ведь все равно будешь книги искать? Я только переночую и...

— Переночуешь и принимайся копать дальше, — буркнул я. — Особенно меня интересует Орлов. Еще проверь некоего Смеянова Густава Карловича. Лет ему, наверное, хорошо за пятьдесят, возможно, что и за шестьдесят. Историк или вроде того. И посмотри, что интересного есть о царской Либерии.

— Фокс?! Я завтра...

— Никуда ты завтра не уйдешь, — отрезал я. — Ты нам с Алексом не доверяешь. Это плохо, но не смертельно. Я обещал тебе помочь, значит, помогу. Если понадобится, свяжу и запру тебя в кладовке. Но мне бы не хотелось прибегать к крайним мерам. Так что пообещай не убегать. Договорились?

— Дурак ты, Фокс!

— Будем считать, договорились, — произнес я в захлопнувшуюся дверь.

Итак, что мы имеем?

Разговор с Густавом Карловичем, случайный или нет, подкинул мне недостающий мотив. Все это время мне было непонятно, зачем успешный бизнесмен ввязался в какие-то сомнительные поиски старых книжек. Я как-то упустил из виду, что некоторые антикварные книги имеют весьма соблазнительную цену. Если предположить, что мы разыскиваем нечто, сопоставимое с тем же «Лестерским кодексом», даже у бизнесмена, имеющего особняк в Липовке, появляется вполне приемлемый мотив.

Если Смеянов подсел ко мне в кафе специально, с большой долей уверенности можно предположить, что Келлер нацелился как раз на царскую Либерию. Возможно, наткнулся на какие-то следы библиотеки, когда занимался исследованиями по делам своей фирмы. Или даже фирма изначально создавалась им ради поисков библиотеки — а что, куш-то предполагается солидный, игра стоит свеч. Впрочем, это не существенно. Далее... Орлов связан с Келлером. Скорее всего Келлер и поручил ему нанять нас с Алексом для поисков библиотеки. Не захотел сам светиться. Или просто не барское это дело — сыщиков нанимать. Зачем они выдумали эту историю с украденными книгами, непонятно. Хотели выглядеть в этой истории белыми и пушистыми? Или это вообще сольное творчество Орлова? Тонкая натура Альберта Виленовича требует, чтобы даже наемные сыщики считали его честным человеком, желающим вернуть свою собственность? Или есть настоящая причина, которой я пока не вижу?

Кто такой Смеянов? Еще один исполнитель воли Келлера? Или он и есть голова всей этой интриги, а Келлер при нем — исполнителем? Нет... непохоже, что Келлер способен работать на кого-то. Или Смеянов вообще случайный человек?

Еще загадка: откуда на аукционе взялось завещание Якова Брюса? Если я прав, то историю с кражей книг Келлер с Орловым придумали. Получается, никакого вора, выставившего завещание на аукцион, не существует. Но завещание на аукционе появилось. И выложил его не вор, а... Такой приметный след, а, Фокс? След, объясняющий роль еще одного твоего знакомого во всей этой истории. Что ты об этом думаешь?

Я отметил эту мысль еще одним глотком джина.

А Катя оказалась восприимчивым человеком. «Тень матадора», несмотря на необычность постановки, была, в общем, о простых вещах — о любви, верности, смерти. Девушка смеялась и плакала, словно происходящее на сцене, при всей условности декораций и карнавальности костюмов, происходило в реальности. И долго еще (спектакль закончился, и мы решили посидеть в кафе) переживала и вспоминала события пьесы.

«Фокс! Ну и какого дьявола ты здесь сейчас один? Учитывая, что она тоже сейчас одна?»

«Да, было бы просто замечательно пригласить ее сюда! Чтобы она увидела Женьку, Алекса и Ми-ми! В квартире скромного историка, ага».

«Ну Ми-ми, допустим, она бы приняла за собаку...»

«Так ты меня не ревнуешь?»

«А ты хотел бы? — насмешливо спросила Хайша. — Не надейся! Мы слишком близки. И, если ты не забыл, я все-таки богиня!»

«Даже если забуду, ты мне обязательно об этом напомнишь! Но Катю все равно пока нельзя сюда привозить».

Кроме всего прочего, оказалось, что в Кате есть теневая кровь. Буквально капли, доставшиеся от предков в пятом, а то и шестом поколении. И никто, разумеется, не учил ее пользоваться силой, у нее даже теневого зрения не было. Но это не гарантировало, что в случае эмоционального всплеска такое зрение у нее не проявится. А что Катя девушка очень эмоциональная, это я уже выяснил. Может, оно и неплохо было бы. Открыть для нее мир Тени, стать первым проводником и учителем...

«Слюни-то подбери, гуру недоделанный! — безапелляционно ворвалась в мои мысли Хайша. — Не забудь, что ты сейчас копаешь под ее шефа!»

Чертюва работа! Встретить прекрасную девушку и думать, как бы не сблизиться с ней! Нет, такое могло случиться только со мной! Вот Алексу почему-то работа никогда не мешает!

Вспомнив про Алекса, я в очередной раз набрал его номер и вновь услышал стандартное: «Абонент не отвечает». Проклятье... неужели, Отбой добрался до Алекса? Не верю. У моего напарника хватит сил если не победить оборотня, то как минимум скрыться без потерь. Что ж, придется взяться еще за одно дело — поиск Алекса.

С этим расследованием я не собирался тянуть и решил с утра пораньше навестить господина Ессе. Интерес интересом, самолюбие самолюбием, но сейчас пришло время задействовать все возможности. Возможно, это и против правил, но если Самуил прямо скажет, что случилось с Алексом, то я, вероятно, успею спасти его шкуру.

— Ну-ну, значит, ты оказался еще большим тупицей, чем я предполагал.

Похоже, обучение хорошим манерам в программу воспитания ангелов не входило. Или Самуила испортила долгая жизнь среди людей? Все мои инстинкты требовали наругать в ответ, но это показалось мне не лучшим способом попросить о помощи. Пришлось взять себя в руки и быть максимально вежливым.

— Вот что, пернатый, я с удовольствием выслушаю твоё брюзжание, но как-нибудь потом. У меня напарник пропал. Ты знаешь, что с ним?

— Зачем просить о помощи, если ею не пользуешься? — Самуил принялся переключать каналы на телевизоре, висевшем прямо перед ним на стене. Не найдя ничего интересного, он раздраженно хрюкнул и уткнулся в книгу, делая вид, что меня нет в комнате.

— Эй! Когда это ты мне помогал?! Трепать языком — это не совсем та помощь, которая мне нужна!

— Я тебе сказал достаточно! Найдешь покупателя завещания — поймешь, что происходит. А ты на что тратил время? Соблазнял девиц! Я тебе говорил, что тормоза менять не надо? Ты мне не поверил даже в такой мелочи, так зачем тебе мои советы? И сейчас, вместо того чтобы искать ключ к разгадке, ты собираешься тратить время на поиски напарника. А если он не хочет, чтобы ты его нашел? Это тебе в голову не приходило?

— Приходило, конечно, — вынужден был признаться я. — Но Алекс без серьезной причины так не поступил бы. Если только ему не грозила смертельная опасность. Да и в этом случае — что ему мешало предупредить меня?

— Тебе лучше знать. Ты же уверен, что хорошо знаешь своего напарника. Вот и скажи, почему он все-таки исчез?

— Точно! — озарило меня. — Женщина!

— Что-о-о?

Я мог гордиться собой — мне удалось повергнуть в изумление существо, повидавшее все на свете. Хоть и брякнул первое, что пришло на ум. Впрочем, когда речь идет об Алексе, первым на ум приходит это. А также вторым и третьим.

— Наверняка Алекс встретил очередную «любовь всей жизни»! Когда с ним это происходит, он становится безумным, как Мартовский заяц, и забывает обо всем на свете. И смертельная опасность опять же! Марго, если узнает, убьет его! Вот он и прячется. Эх, ну как же не вовремя!

— Замечательно, — сварливо пробубнил Самуил, возвращаясь к книге. — Вот ты и раскрыл загадку мироздания. А теперь возмись наконец за то, что действительно важно. Найди завешание Брюса!

— Легко тебе говорить! — возразил я. — Я же не провидец!

— Я тоже.

— Как это? — пришла моя очередь удивляться.

— Я и не говорил, что вижу будущее, — пожал плечами ангел. — Это невозможно — будущего еще нет. Я вижу настоящее и прошлое, а будущее могу только прогнозировать. Подбросив камешек, ты с уверенностью можешь сказать, что он упадет на землю — потому что твой опыт говорит тебе, что брошенные предметы обычно падают вниз. Человек, у которого нет твоего опыта, назовет это предсказанием. Так и я не предсказываю, а прогнозирую. Просто мой опыт и знания несравнимо больше, чем у остальных. Но всегда остается вероятность неожиданного поворота событий. Если бы не это, я бы, пожалуй, давно сошел с ума.

Я покосился на стопки книг и кричащие на разные голоса телевизоры, но промолчал — мне ведь неизвестно, что у ангелов считается нормой. Я счел тактически правильным вежливо попрощаться с ангелом и отправиться искать Алекса.

— Найди завешание! — напутствовал меня Самуил.

«Ты же не думаешь в самом деле, что Алекс все это время скрывается у какой-то женщины?»

«Нет, конечно. Алекс так никогда не поступил бы. Уже сто раз позвонил бы, похвастался!»

«Тогда почему ты не добился от Самуила правды?»

«Каким образом? Ты же видела сама — он уперся. Ты думаешь, у меня был шанс переупрямить старого осла, которого в свое время не переубедил даже Люцифер?»

«И что дальше?»

«Пройдусь по магазинам. Алекс ведь занимался букинистическими магазинами, перед тем как пропал. О результатах поисков он мне рассказать не успел, значит, мне все равно придется повторить его путь. Заодно, может быть, нападу на след самого Алекса».

В первом магазине, ближайшем к нашей конторе, если ехать на метро, продавцы не смогли вспомнить никого, похожего на моего напарника. В принципе у Алекса могла быть какая-то другая система, по которой он выбирал очередность магазинов. Например, он мог начать с самого дальнего, чтобы постепенно приближаться к конторе. Или его машину уже починили, и он больше не зависел от метро.

Однако и в следующем магазине Алекс не появлялся. Я объехал несколько точек, но никаких следов напарника не обнаружил. В Москве, конечно, много букинистических и антикварных лавок, но не настолько же! Значит, с Алексом что-то случилось еще до того, как он начал обход. Либо, что более вероятно, в одном из первых же магазинов он натолкнулся на что-то важное. Но что это было? И что произошло потом? Проклятье! Неужели нельзя было позвонить?!

Впрочем, в неоднозначной ситуации я бы и сам попытался разобраться сначала самостоятельно.

Но, по крайней мере, один полезный вывод я для себя сделал: можно не тратить время на расспросы в тех магазинах, в которых Алекс не успел побывать. Это позволило сравнительно быстро отсеять еще несколько «пустых номеров», а потом мне наконец повезло.

— Да, этот молодой человек у нас был, — важно кивнула седая дама в строгом костюме, оторвавшись на минуту от созерцания каких-то бумажек. — Но вряд ли я смогу

вам много рассказать — он просто походил по залу, разглядывая книги, и ушел.

— Он с вами не разговаривал? Ни о чем не спрашивал?

— Нет. Он задал пару вопросов Леночке. — Дама указала в сторону молодой девушки, работавшей в другом конце зала. — Возможно, она сможет что-то вам рассказать.

Увы, девушка ничего особенного добавить не смогла. Как я и догадывался, Алекс задавал ей вопросы, весьма далекие от книг. Этот паршивец всегда умудряется флиртовать, даже занимаясь делом!

— Леночка, вы уверены, что Алекс ничего не спрашивал про завешание Брюса или другие необычные книги? Может быть, про постоянных покупателей?

Девушка рассмеялась:

— Он-то пытался, но получалось у него это ужасно! Сразу ведь ясно, когда человек совершенно ничего не смыслит в старинных книгах. Я подумала, он случайно сюда зашел — наверное, ждал своего знакомого.

— Знакомого?

— Да. Мы с ним и разговаривали-то недолго, мне же работать надо! Потом он еще некоторое время ходил, разглядывая книги, а потом пришел его знакомый. И они вместе ушли.

Горячо! Очень горячо!

— А вы не слышали, Алекс не называл своего знакомого по имени?

— Нет, я далеко стояла.

— А как он выглядел?

— Как выглядел?.. — задумалась девушка. — Хорошо выглядел. Очень импозантный мужчина. Явно следит за собой. Костюм, галстук, туфли — все высшего класса. Прическа — словно только из салона. Лет, наверное, сорок пять, но выглядит отлично, наверняка занимается спортом. И лицо такое... ну как у киноактеров, которые в старых фильмах героев играли. И даже дурацкие усики его почти не портят...

— Усики? — Я почувствовал себя, как рыбак, выудивший полутораметрового сома после целого дня бессмысленного сидения на берегу. — Такие тонкие, шнурком по верхней губе?

— Да... ужас, конечно, но в остальном — очень стильный мужчина.

Вот, значит, как. Альберт Виленович зачем-то встречался с Алексом, но мне ничего не сказал. Вернее, он сказал, что не может дозвониться до моего напарника. Повторил это несколько раз, видимо, в надежде, что так будет убедительнее. Сволочь...

Я осознал, что стою на улице, возле верной «драги», и перед глазами у меня все плывет от бешенства.

«Стоп, стоп! Спокойно! — Я сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, пытаюсь остыть. — Еще ничего не известно. Может быть, Орлов и ни при чем. Просто соврал по мелочи?»

Я покрутил эту мысль так и сяк — да, может, так и есть. Но чутье подсказывало, что это маловероятно. Орлов уже пытался нас обмануть, втягивая в поиски библиотеки. Кроме того, он уже фигурировал в роли похитителя, когда выполнял заказ Келлера. Слишком много вранья Альберт Виленович накрутил вокруг себя, чтобы быть ни при чем.

К тому же он мне просто не нравился!

Я позвонил Женьке.

— Привет! Мне нужно узнать кое-что про Орлова.

— Нет, ну нормально?! Ни тебе «здравствуй, Женечка, как твое настроение?», ни «извини, Женечка, за мое вчерашнее уродское поведение!». Ты хам, Фокс-кун, и бесчувственный чурбан!

— Да-да, я мог бы обогатить твой словарь еще сотней всяких забавных словечек, но мне сейчас не до этого. В какое время и где обычно ужинает Орлов?

— Чаще всего — в кафе «Угол», в переулке рядом с метро «Библиотека имени Ленина». Часов в пять — полшестого. Слушай, что происходит? Ты нашел Алекса?

— Думаешь, это так просто? — огрызнулся я. — Ищу! Вот поеду сейчас с Орловым побеседую. Что-то мне подсказывает, что после этого я точно буду знать, где Алекс. Наверное, это мой кастет в кармане научился говорить.

— Фокс! Не дури! Орлов...

Я нажал сброс. Знаю я все. Обычные люди привыкли считать, что такие парни, как Альберт Виленович, не по зубам каким-то полулегальным сыщикам. У орловых деньги, положение в обществе, за них всегда готова заступиться милиция, да и собственная служба безопасности не дремлет. В целом это даже соответствует положению дел. Есть одно маленькое «но». В Тени другие правила игры.

Завибрировал телефон. Я хотел было отключить его, но это оказалась не Женька, а Катя.

— Привет, Катенька!

— Ой! Привет! А... а... ты почему сегодня не пришел?

Я мысленно обложил себя самыми выразительными эпитетами, которые только знал. Вчера, прощаясь с Катей возле ее подъезда, я твердо пообещал зайти наконец в отдел кадров и устроиться на работу в фирму Келлера. И, естественно, совершенно об этом забыл.

— Катенька, солнце... — Я замялся на секунду, но все-таки решился. Будь что будет! — Обстоятельства складываются так, что я не смогу работать у Келлера.

— Ой!

— Слушай, это сложно объяснить по телефону. Если у тебя нет других планов на вечер, давай встретимся, и я все тебе расскажу.

— Если ты хочешь...

— Отлично! Мне сегодня еще предстоит побегать, но к семи я освобожусь. Давай я заеду за тобой?

— Ой! Вик... ты только не обижайся, но я лучше сама приеду, на метро. Мне пока немного страшно.

— Хм... По-моему, это как раз на метро ездить страшно! Ну ладно. Тогда записывай адрес. Это бар, называется «У кота».

Я объяснил Кате, как найти бар, и отключил телефон — во время разговора мне несколько раз пыталась дозвониться Женька, а спорить с ней сейчас мне было недосуг. Человеку, не имевшему дел с Тенью, трудно объяснить, насколько все иначе обстоит «на той стороне». Никакие слова не послужат лучшим доказательством, чем завершённое дело.

А Кате лучше узнать правду. Приведу ее в бар, там такая концентрация силы, что теневая кровь наверняка пробудится. Вряд ли с теми каплями, что у нее есть, Кате будет доступна теневая магия, но хотя бы теневое зрение у нее проявится. А там уж, как я сумею все объяснить... надеюсь, она простит меня за обман. Все равно, тянуть это представление дальше — только хуже делать.

Катя будет ждать меня к семи, значит, нужно быстро разобраться с Орловым.

«И вот, окрыленный чувствами герой летит навстречу подвигам! — немедленно прокомментировала Хайша. — Готовый сразить полчища врагов, а главному гаду оторвать яй... гм... голову и бросить к ногам принцессы!»

«Заткнись!»

«Не забыл мушку спилить?»

«Проблем не будет. Я знаю, что делаю!»

«Ну-ну...»

При всей своей ехидности Хайша редко ошибается. Почти никогда. Мне стоит быть осторожным с Альбертом Виленовичем. С Алексом же он как-то справился, несмотря на его тeneвую кровь. Поразмыслив, я заехал по дороге к торговцу, продающему всякую магическую мелочь.

Дорога до Нового Арбата, даже с учетом визита в магическую лавку, заняла всего полчаса, а вот бар с лаконичным названием «Угол» я разыскивал почти час, мысленно ругая себя за то, что не расспросил Женьку подробнее. Однако перезванивать ей не стал, не

хотелось вступать в бесполезный спор. Наконец совершенно случайно я наткнулся на стрелку-указатель, прикрученную на стене почему-то метрах в двух над землей — если не искать специально, и не заметишь.

В переулке действительно обнаружился вход с довольно крутой лестницей, ведущей в подвал. Над входом малиновым неоновым мигала небольшая вывеска «Угол». Охренеть! Как это они еще не разорились с такой скудной рекламой... И как их еще не разорили клиенты, переломавшие ноги на этом аттракционе, мелькнуло у меня в голове, пока я спускался по лестнице.

Ответ на последний вопрос сидел в маленьком холле у гардероба. Именно сидел: было в «ответе», наверное, больше двух метров; при этом мужик умудрялся казаться приземистым из-за шарообразной грудной клетки и таких же шаров на том самом месте, где у нормальных людей расположены плечи и бицепсы. Нетрудно было догадаться, что пьяных клиентов, не способных одолеть лестницу самостоятельно, вышибала запросто выносил на руках. Думаю, его бы не затруднило вынести и целую компанию за раз.

Впрочем, эта гора мышц имела вполне дружелюбное выражение лица, даже, не побоюсь заново сказанного слова, интеллигентное (в основном из-за небольших круглых очков а-ля Леннон или в стиле Гарри Поттера, как подумал бы современный тинейджер). Вышибала увлеченно читал «Вокруг света».

Миновав гиганта, я открыл стилизованную под старину дверь из черненых досок и вошел в бар. И увидел ответ на свой первый вопрос. Несмотря на столь неудачное расположение и полное отсутствие наружной рекламы, бар оказался практически забит — и это в начале вечера, в рабочий день! Видимо, работала самая эффективная форма рекламы — личные рекомендации завсегдатаев.

Заняв свободный стул у барной стойки, я заказал сок и стал незаметно разглядывать публику в надежде увидеть Орлова и непринужденно с ним побеседовать.

Альберт Виленович и в самом деле вскоре здесь появился.

Убедившись, что клиент устроился за столиком в дальнем углу кафе, я забрал стакан с соком и, делая вид, что ищу свободное место, прошелся по помещению. Большинство столиков было занято дружескими компаниями или влюбленными парочками, а вот Альберт Виленович один занимал целый угол.

— Я жду друзей! — буркнул Орлов, не отрывая взгляд от меню.

Я пропустил его слова мимо ушей и плюхнулся в кресло напротив.

— Я же сказал, что жду друзей! — с капризным раздражением в голосе повторил Орлов, поднимая глаза и явно собираясь позвать администратора, но узнал меня и осекся. — Э-э-э... господин Фокс?

— Угу. — Я подарил Альберту Виленовичу самый тяжелый взгляд из своего арсенала. — Буду краток. Где Алекс?

— Но позвольте?!

— Не позволю! Слушай, приятель, мне не нравится, когда из меня пытаются сделать дурака. Но если клиент хорошо платит, я иногда могу подыграть — пусть тешит свое самолюбие. Мы бы с Алексом выполнили твой заказ, хоть ты и вешал нам лапшу на уши. Однако ты совершил большую ошибку, Альбертик. У нас с напарником, видишь ли, уговор — всегда выручать друг друга. И в такой ситуации побоку деньги и интересы клиентов. Так вот, я тебе даю шанс сохранить твою лживую морду в целости и сохранности. Говори, где Алекс?!

— Что вы себе позволяете?! — взвизгнул Орлов на все кафе.

Ему казалось, что он кричит достаточно громко, чтобы привлечь к нам внимание. Ну да, приличное заведение, здесь наверняка есть охрана, помимо вышибалы у входа. Здесь солидный бизнесмен может не опасаться какого-то неопрятного типа в дешевых джинсах и мотоциклетной куртке — достаточно громко крикнуть.

Все так. И меня уже должны были бы вежливо выставить на улицу. Если бы, двигаясь через зал к Орлову, я не раскидал по полу несколько зернышек кофе. Как раз за этими

зернами, предварительно заговоренными опытным магом, я и заезжал в магическую лавку. Алекса задушит жаба, а перед этим он задушит меня, когда узнает, во что нам обошлись меры по его спасению! Но маг стоил своих денег — зерна создавали области рассеянного внимания. Это похоже на «занавеску», которую наколдовал возле лаборатории алхимика мой напарник, только пользоваться зернами может и обычный человек, не маг. Достаточно произнести активирующее заклинание. Оказавшись в радиусе примерно полутора метров от такого зерна, человек перестает обращать внимание на происходящее вокруг. Учитывая, что люди и так-то мало что замечают, эта магия действует не хуже полной невидимости.

Убедившись, что на его вопли никто не обращает внимания, Альберт Виленович с ужасом уставился на меня. До него дошло, что сейчас, среди бела дня и в людном месте, он совершенно незащищен. Точнее, Орлов мог бы попытаться защититься сам — он поддерживал себя в форме, был подтянут и мускулист. Но он даже не двинулся с места.

— И во второй раз закинул старик невод в море, — процитировал я. — Ты созрел, чтобы сказать мне правду, а?

— Это ужасная ошибка! — завел Орлов дрожащим голосом. — Я не понимаю, с чего вы взяли, что я что-то знаю?! Я не видел господина Рейнарда уже больше недели! Я же говорил вам — мы встретились всего один раз, и потом я даже дозвониться до него не мог!

— Врать нехорошо, — нравоучительным тоном сообщил я и достал из кармана пакетик теневой соли. — По-моему, твой бифштекс плохо приправлен.

Теневая соль, которую я также купил в магической лавке, средство универсальное. С ее помощью можно отгородиться от недружелюбно настроенных духов, обездвижить некоторых примитивных некротварей, сбить со следа большинство существ, способных чують запах души, и сделать много других полезных вещей. Посыпав теневой солью бифштекс, стоявший перед Орловым, я воспользовался одной из ее наименее востребованных возможностей.

— Что вы... — начал было Альберт Виленович, но взлетевший кусок мяса с изрядной силой залепил ему по губам.

— Псевдожизнь, — добродушно пояснил я, наблюдая, как бифштекс отвешивает Орлову сочные оплеухи. Удары были не то чтобы очень сильные, но Альберт Виленович, не имевший раньше дела с теневой магией, был совершенно деморализован. — Я дал этому куску мяса немного сил и что-то вроде элементарного сознания. Теперь он мстит вам за то, что вы в него вилкой тыкали... Ну пожалуй, хватит!

Я бросил еще одну щепотку теневой соли, и бифштекс, уже обернувшийся вокруг вилки с явным намерением вогнать ее в «обидчика», вновь распластался на тарелке. Орлов сидел неподвижно, вытаращив глаза, и лишь инстинктивно отплевывался от соуса, заливавшего все его лицо.

— Не переживай так, — поспешил я успокоить бизнесмена. — Это было самое безобидное проявление теневой магии. Ты ведь наверняка слышал, какую власть дает Тень на самом деле?

— Не... не...

— Не слышал? — Я сделал вид, что удивился. — Ведь в твоей семье веками хранили книги о магии Тени?

— Не... не...

— Ах, ну да! Я и забыл, что ты нам про книги лгал. Но неужели твой шеф, господин Келлер, никогда не демонстрировал тебе свои способности?

— Не... не... — продолжал блеять Орлов.

Я даже забеспокоился — не перестарался ли? Не хватало только, чтобы Альберт Виленович лишился рассудка от пережитого. Я сунул ему под нос бокал с вином. Орлов сделал пару глотков и с благодарностью кивнул. После чего заговорил неожиданно связно и быстро:

— Анатолий Германович часто демонстрировал нам чудеса. Время от времени он собирает своих учеников и ближайших друзей в своем доме, в Липовке, и устраивает там...

— Оргии, — подсказал я, вспомнив рассказы духов.

— Да, наверное, можно и так сказать, — согласился Орлов, — Но главное во время таких собраний — все-таки обмен энергией и знаниями. Анатолий Германович обещал, что всех научит тому, что умеет сам. Только я раньше не верил ему! Думал, это все хорошо подготовленные трюки, ну вроде как у иллюзионистов. Но теперь я понимаю...

— Давай-ка ближе к телу, — оборвал я прозревшего бизнесмена. — Где сейчас Алекс?

— В Липовом Цвете, в доме Анатолия Германовича.

— Как туда попасть?

— Никак! — Орлов посмотрел на меня, как на сумасшедшего. — Ладно еще кто другой, но вы-то знаете силу магии! Вы умеете делать странные вещи, но господин Келлер творит настоящие чудеса! И у него есть ученики и священная цель! Вам его не одолеть!

— Только избавь меня от восторгов новообращенного, — скривился я. — Не более чем пять минут назад ты считал своего шефа ловким обманщиком. Теперь, увидев летающую отбивную, готов признать его новым мессией. Но первый вариант ближе к истине. То, что Келлер владеет парой трюков, не делает его честным человеком. Среди магов столько же жуликов, сколько и среди обычных людей. Сила сама по себе не делает человека лучше или хуже. Впрочем, на мой взгляд, ты несколько староват, чтобы объяснять тебе, что такое хорошо и что такое плохо. Скажи-ка лучше, когда у Келлера очередная тусовка?

— Что? А! Завтра вечером.

— Отлично! — Я встал. — Не советую рассказывать Келлеру о нашем разговоре. Он не простит тебе предательства. Скройся на ближайшие пару дней.

Я ушел, оставив Орлова размышлять над этой идеей.

«Зря ты его оставил! Не верю я, что он последует твоему совету!»

«Я тоже не особо на это рассчитываю. У Альбертика холопская натура — не сможет без хозяина. Наверняка предпочтет, чтобы Келлер его выпорол, но оставил при себе».

«Я об этом и говорю! Надо было его устранить!»

«Хайша! Ты меня пугаешь! Раньше я не замечал в тебе такой кровожадности».

«Да я ни чуточки не кровожадна! — обиделась богиня. — Просто этот тип все расскажет Келлеру, и тот успеет подготовиться. Это опасно!»

«Келлер и так готов к нападению. Он же не дурак — понимает, что я буду искать напарника и могу узнать, кто его похитил. Но я почти уверен, что он не станет предпринимать каких-то особых мер. Когда мы пересеклись в коридоре, я почувствовал в нем железобетонную самоуверенность и пренебрежение ко всему миру. Ну чем может угрожать ему какой-то там частный детектив?»

«А тебе не приходит в голову, что в этом он прав?»

Я не стал отвечать на провокацию богини. Тем более что отчасти она была права — совсем без посторонней помощи мне не обойтись. План проникновения на территорию особняка Келлера в общих чертах у меня уже сложился, оставалось проработать некоторые детали. Например, как нейтрализовать камеры наблюдения. Я включил телефон. На экране немедленно высветилось сообщение о дюжине пропущенных звонков — все от Женьки. Что ж...

— Жень, привет!

— Фокс! Ты свинья! Я тебя ненавижу!

— Юной барышне не пристало так выражаться.

— Свиньясвиньясвинья...

— Я приеду и вымою тебе рот. С мылом. — Похоже, у меня получилось произнести это достаточно убедительно, поскольку Женька сразу замолчала. — Извини, что отключился. Мне некогда было с тобой спорить. Привыкай, если действительно хочешь войти в наш бизнес — ты пока стажер. И слишком мало знаешь о Тени. Ты очень многих нюансов пока не понимаешь. Потому смиришься с тем, что мы с Алексом будем совершать поступки, которые тебе кажутся глупыми. Со временем убедишься, что мы знаем, что делаем. Согласна?

— Ладно, я поняла, — проворчала Женька. — Просто я хотела сказать, что встречаться

в баре с Орловым было опасно. Это кафе принадлежит...

— Понимаю, — прервал я ее. — Неважно, я уже поговорил с Альбертиком и знаю, где Алекс. И мне будет нужна твоя помощь.

— Ура! — завопила Женька. — Где встретимся?

— Дома встретимся, — усмехнулся я. — Освободить Алекса я отправлюсь завтра вечером. И не спорь! Помнишь, что я только что тебе говорил?

— Ладно-ладно... А от меня-то что нужно?

— Алекса держит в своем особняке Келлер. Завтра у него намечается прием для близких друзей. Вечеринки у Анатолия Германовича проходят с размахом, так что проникнуть в дом и вывести оттуда Алекса под шумок будет проще. Мне нужно, чтобы ты нейтрализовала камеры наблюдения. Это возможно?

— Как два байта переслать, — хмыкнула Женька. — Мальчики из охраны постоянно лазают по сайтам знакомств прямо с того же компа, который управляет камерами периметра. У них уже столько троянов на харде, что проще все стереть и заново настроить, чем сразу вычищать.

— Отлично. Сделай так, чтобы я мог ненадолго «ослепить» их, но чтобы это прошло незамеченным.

— Дай подумать... Ну не проблема. Когда подъедем к забору...

— Стоп! Я же сказал — ты остаешься дома!

— Ну Витенька...

— Все. Это окончательное решение. Мы договорились?

— Ладно, шеф. Есть, шеф. Тогда позвонишь мне, когда будешь возле забора.

— Это тоже плохой вариант. Слишком много случайностей могут вмешаться и провалить операцию. Вдруг связь оборвется? Или мы друг друга неправильно поймем по телефону? Можешь сделать так, чтобы я в нужный момент нажал кнопку и получил результат?

— Я тебе что — волшебница?!

— Ну-у, — разочарованно протянул я. — А я-то думал, все эти разговоры про лучшего хакера имеют под собой что-то серьезное.

— Фокс! Меня «на слабо» не возьмешь! Ладно, я, наверное, сумею сделать так, чтобы ты со своего ноута запустил программу. Сделаю все максимально просто. На рабочем столе будет иконка, щелкнешь по ней и войдешь в компьютер охраны. Я там создам файл запуска. Он будет называться... ну скажем, «Фокс». Щелкнешь по нему, и запустится подготовленная мною программа. Она отключит видео с камер слежения, а на мониторы охраны начнет транслировать закольцованный отрывок записи, который я подготовлю.

— Отлично! Ты и правда гений!

— Подумаешь... — с нарочитым безразличием ответила Женька. — Раз плюнуть. Только учти, охранники могут догадаться, что что-то не так. Например, если по улице проедет машина, а на мониторах не появится. Так что, сколько времени продержится обман — это непредсказуемо.

— Ничего, мне бы только внутрь пробраться... Хорошо, Жень, спасибо! У меня сейчас встреча, дома буду поздно, не волнуйся.

— И не думала даже!.. Вик... ты это... Ты там осторожнее, Вик.

Я бросил взгляд на часы. Дьявол! Разговор с Орловым слишком затянулся! Я имел все шансы опоздать на свидание с Катей. Она, как мне кажется, не из тех девушек, что устраивают скандал из-за десяти минут ожидания, но все равно — неловко как-то.

Я выжал из «драги» все, на что способен не особо молодой двигатель, а из себя — все, на что способен не особо молодой пилот. Можно сказать, мы с моим мотоциклом — ровесники, десять лет для техники — серьезный возраст. Но малышка меня не подвела, а я не подвел ее. Ровно в семь вечера мы затормозили у входа в бар. Кати еще не было, но это меня не волновало — девушки всегда опаздывают, я привык относиться к этому философски.

Я припарковал мотоцикл на видном месте, чтобы Катя сразу догадалась, что я уже

здесь и жду ее внутри, спустился по лестнице, вызвал теневое зрение и потянул на себя дверь. Мелькнула мысль, что в последнее время моя жизнь напоминает жизнь нормального американского частного детектива. Вокруг кинозвезды, богачи и красавицы, а сам я только и делаю, что перемещаю свою задницу из одного бара в другой.

Правда, в таких барах, как «У кота», американским детективам точно бывать не приходится!

В сравнительно просторном зале было многолюдно. Вообще-то слово «многолюдно» в данном случае не совсем корректно. В том смысле, что большая часть посетителей была не совсем людьми, а некоторые — совсем не людьми. Оно и понятно, ведь это место считается в городе одним из основных «перекрестков» Тени. Здесь можно, не скрывая свою теневую суть, встретиться, поговорить о делах, повидать знакомых, просто отдохнуть. Внутри лучше сразу переходить на теневое зрение — чтобы знать, с представителем какой расы имеешь дело. Практически все посетители бара «У кота» — люди Тени и прочие теневые существа. Если в бар случайно забредает обычный человек, всегда найдется маг, ненавязчиво внушающий, что место это совершенно убогое и делать тут нечего.

Я кивнул сирене, курящей сигару у стойки. Одним из несомненных плюсов «У кота» является музыка. Ритара потеряла голос с точки зрения ее сородичей, но, по-моему, ее исполнение блюза обладает чарующей силой. Ее выступление начнется примерно через час — как раз мы с Катей успеем поговорить, и заодно она познакомится с положительными сторонами Тени.

— Привет, Ритара, привет Саргис! — Я помахал хозяину бара, возвышающемуся за стойкой незыблемым монументом. — Как дела?

— Вечер добрый, Виктор, — кивнул гигант, не отрываясь от жаровни, на которой готовил кофе, — Я не Саргис, я Петрос. Саргис отправился в Крым, ругаться с поставщиками.

— Проблемы?

— Ай! — неопределенно пожал могучими плечами Петрос, наливая кофе в крохотную чашечку и пододвигая ее к сирене. — В наше время хорошо делать свое дело означает обязательно иметь проблемы. Эти люди думают, что они самые хитрые! Прислали партию скверного портвейна. Не настолько скверного, чтобы вылить на землю, но ты же понимаешь...

Я прекрасно его понимал. Те, в ком есть теневая кровь, живут дольше обычных людей, а в ком ее много — несравнимо дольше. Большинство посетителей «У кота» помнили времена, когда еще не было синтетических продуктов и промышленного производства вин. И если я, например, ни за что не отличу вино за сто рублей от вина за тысячу долларов, то некоторые завсегдатаи были настоящими ценителями. А некоторые могли запросто отравиться какими-нибудь «вкусовыми добавками, идентичными натуральным». Братья-близнецы Саргис и Петрос прилагали нечеловеческие усилия, чтобы кухня «У кота» оставалась качественной и не запредельно дорогой, но с каждым годом противостояние становилось все безнадежнее. Я сочувственно кивнул Петросу, забрал джин-тоник и занял место у стойки, с которого была видна входная дверь.

Не успел я прикончить стакан, как повеяло затхлостью, и рядом уселся тощий тип в кожаной жилетке на голое тело и таких засаленных джинсах, что они тоже казались кожаными. В «верхнем» мире человека в такой одежде даже близко не подпустили бы к бару, но здесь, в Тени, другие порядки. Я давно привык к странному облику некоторых теневых обитателей, но, увидев Шварца, выругался — не из-за его непрезентабельного вида, конечно. Просто его появление обычно сулило неприятности. Или клиента. Или одновременно и клиента, и неприятности.

Когда-то давно Шварц был обычным человеком вроде меня, но способным входить в Тень. А еще — хроническим неудачником. Однажды он нарушил одно из основных правил безопасности — сел играть в покер с демоном, лишенным тела. Надо признать, демоны всегда предлагают очень заманчивые ставки — Шварцу они предложили девяносто лет

сплошного везения. Но выиграть у них почти невозможно, а отыграться — тем более. Шварца захватил азарт. Он пришел в себя, только когда проиграл «дневное» тело, а демон встал из-за игорного стола в «обновке». С тех пор Шварц не может покинуть Тень, перебиваясь мелким воровством, подачками и стукачеством. Впрочем, когда он был еще полноценным человеком, его жизнь мало отличалась от нынешней.

— Привет, Вик, — промямлил Шварц, облизывая сухие, потрескавшиеся губы. — Вижу, дела у тебя идут неплохо...

— Не жалуюсь, — согласился я, не уточняя, что неплохо дела начали идти ровно два дня назад. Шварц принадлежит к категории искренне радующихся чужим проблемам. Я ему доставлять такого удовольствия не собирался. — Ты подошел узнать, как у меня дела, или?..

— Или. — Шварц уставился на меня сквозь завесу длинных сальных волос. — Тут тебя кое-кто искал... — Блеклые глаза без зрачков замерли, черный язык опять пробежал по растрескавшимся губам.

Я опустил руку в кошель на поясе, в который при переходе в Тень трансформировалась кредитка, и достал серебряную монетку. Положил ее на стойку между собою и Шварцем.

— Девушка. — Шварц не отрывал взгляда от монетки, но руку не протянул, — Такая, знаешь ли... милая такая девушка...

Сердце сжалось. Чудовищным усилием воли я не показал своего состояния. Сделал пару глотков, словно размышляя, стоит ли информация больше, потом выложил еще пару монет. Только тогда корявая лапка с грязными ногтями мгновенно сгребла монеты, и Шварц разродился информацией.

Незадолго до моего прихода в бар зашла какая-то девушка. Факт сам по себе ничем не примечательный, если не считать того, что девушка была новичком в Тени. Она явно обладала тeneвым зрением, но смотрела на посетителей так, словно попала в кунсткамеру. То есть, я хочу сказать, если без привычки, то мы тут все и впрямь выглядим, как бред обкурившегося художника-авангардиста. Но если у девушки тeneвое зрение, то она давно бы должна привыкнуть к такому зрелищу, ведь обычно способности проявляются еще в детстве. Оставалось предположить, что она приобрела свои способности недавно — такое хоть и редко, но случается.

Конечно, это была Катя — кто же еще? Значит, она приехала раньше и решила подождать меня внутри. Вот этого я не предвидел! С какой стати девушке в одиночку соваться в незнакомый кабак? Но она именно так и поступила. В итоге жалкие капли тeneвой крови, которые были в Кате, пробудились, и у нее открылось тeneвое зрение. Представляю, что она подумала, увидев местную публику! И все же она не сбежала! Поразительно храбрая девушка!

Самым простым для Кати было спросить обо мне у Петроса. Она на это не решилась, и мне легко было понять почему. Будь я новичком, тоже не решился бы подойти к существу, сложенному из скальных блоков. Тeneвая кровь хозяев «У кота» (а у Петроса с Саргисом ее не меньше двух третей) — от элементарных духов земли. В Тени они выглядят очень грозно, хотя на деле — самые мирные существа, с которыми мне доводилось общаться. Но Катя-то этого знать не могла, испугалась и обратилась с вопросом к тому, кто показался ей безобидным. Кто более других напоминал обычного человека...

— И кто это был? — поторопил я Шварца, охваченный скверным предчувствием. В Тени не так много существ умеет сохранять свой «дневной» вид, и те, о ком я подумал в первую очередь, были не лучшей компанией для приличной девушки. — Ну?!

— Память у меня плохая, Вик...

Я раздраженно бросил на стойку еще пару монет.

— Отбой тут отирался как раз, — перестав валять дурака, чуть слышно прошептал Шварц. — Ну ты же понимаешь, он внушает доверие женщинам. Он представился твоим другом и предложил проводить ее до твоей конторы...

Я ничего не сказал. В глазах Шварца промелькнул ужас, и он неуловимо быстрым движением выскользнул из-за столика и скрылся в облаках табачного дыма.

Значит, Отбой.

Я оставил на стойке деньги за выпивку, попрощался с Петросом и, сдерживая себя, чтобы не перейти на бег, направился к выходу. На лестнице столкнулся с входившим в бар молодым вампиром. Обычно я избегаю конфликтов с другими существами, если мне за это не платят. Тем более что близнецы терпеть не могут драк в своем баре. Но сейчас мои мысли, надо признать, отнюдь не добрые, витали далеко, и я невежливо оттолкнул упыренка с дороги. И почувствовал, как тот вцепился мне в плечо.

— Эй, ты меня толкнул!

Я обернулся и, с трудом сдерживаясь, произнес:

— Извини, приятель.

Я хотел двинуться дальше, но вампир руку не разжал, наоборот, стиснул мое плечо сильнее и угрожающе улыбнулся. Учитывая особенности строения зубов, это у него хорошо получилось. Кто-нибудь мог бы и испугаться. В баре повисла тишина, посетители с интересом ожидали продолжения.

— Вот что, парни, — громыхнул из-за стойки Петрос, — драться проваливайте на улицу!

— Заткнись, папаша! — рявкнул упыренок. Молодой дурень, горячий. Кулаки чешутся. — Он меня оскорбил! Я его быстро уделаю, твой каба́к не постра...

— Извини, некогда мне, — оборвал я его речь, подкрепив свои слова прямым в челюсть. Вампиры, как и большинство теневых существ, отличаются гораздо большей силой, чем обычные люди. Поэтому мне было совершенно не стыдно за то, что на моем кулаке оказался кастет, ударную поверхность которого покрывала гравировка с усиливающими заклинаниями. Это всего лишь уравнивает мои возможности с возможностями всяких теневых ублюдков. В остальном была виновата самоуверенность этого молокососа и крутая лестница.

Оставив вампира приходить в себя и пересчитывать уцелевшие клыки, я выбрался на улицу, размышляя на ходу, правомерно ли называть вампира, пусть даже молодого и глупого, молокососом? Насколько я знаю, организм вампира совершенно не усваивает молоко, и даже пара глотков обрекла бы упыря на долгое и малоприятное уединение в каком-нибудь укромном уголке.

Отгнав нелепые размышления, я огляделся и перешел на бег. Со слов Шварца выходило, что Отбой увел девушку минут за пять до моего появления. Возможно, я даже видел их краем глаза, подъезжая к бару, да не обратил внимания. В баре я провел минут десять. Значит, у Отбоя фора в пятнадцать минут, может быть, чуть больше. Куда он поведет Катю? Это очевидно — рядом Терлецкий парк. Спешить он не станет, чтобы не насторожить жертву раньше времени. Я успею... обязан успеть!

И я успел.

Они расположились на поваленных бревнах, окружающих полянку, — компания обычных на первый взгляд парней и девушек. Бросалось в глаза разве что их сходство друг с другом, не настолько сильное, чтобы они сошли за братьев и сестер, но достаточное, чтобы догадаться о кровном родстве. На всех были куртки или жилетки с цветами «Оборотней». Отбой все-таки обладает некоторым чувством юмора — так назвать свой клуб!

Оборотни негромко переговаривались, потягивая из банок пиво, но от непринужденных поз и ленивых разговоров веяло игрой. Центром игры была Катя — она стояла посреди поляны, испуганно обхватив себя за плечи.

Я пересчитал стаю — двенадцать волколаков.

Черт... хреново...

«Я тебе помогу».

«Ты знаешь, как я к этому отношусь!»

«Убить нас я им все равно не позволю! — рассердилась Хайша. — Если тебе наплевать на себя, то мне нравится жить!»

«Ладно-ладно, успокойся. Позволь мне сначала действовать своими методами!»

Я спокойно вышел на поляну и подошел к Кате.

— Здравствуй, Катюша. Ну что же ты меня не дождалась?

— Ой! — пискнула девушка. — Кто вы?..

— Фокс! — рывкнул Отбой. — Ну наконец-то!

— Привет, — Стараясь сохранить на лице беззаботное выражение, я посмотрел в желтые глаза оборотня. — Я чую, ты отмылся не до конца?

Отбой покраснел до кончиков ушей. Он явно постарался перебить запах алхимических препаратов дезодорантом, но от этого вонь лишь приобрела новые богатые оттенки. Если это было испытанием даже для моего обоняния, трудно представить, что чувствовала рядом с Отбоем его стая. Неудивительно, что он жаждет мне отомстить!

— Отбой, ты же вроде не дурак, — нагло ухмыльнулся я. — Ты знаешь меня, знаешь Алекса — мы не болтливы. Можно было все забыть. Но ты решил все тупо испортить ради мести! Ведь у меня теперь нет причин скрывать, что с тобою случилось на самом деле!

Отбой зарычал. Остальные оборотни тоже вскочили, готовые трансформироваться.

— А что произошло на самом деле? — раздалось откуда-то сверху.

Несмотря на опасность, я поднял взгляд. На ветке дерева, метрах в двух над землей, примостилась девушка в мотоциклетной куртке с чужого плеча. Серые, словно седые, волосы собраны в два задорных пучка, кошачьи глаза на остром лице поблескивают зеленым.

— Не твое дело, Рысь! — рыкнул Отбой. Из-за частичной трансформации речь прозвучала невнятно, но я уловил неуверенность. Оборотень не рассчитывал, что кого-то из стаи заинтересуют мои слова. Они и не заинтересовали стаю — волколаки вообще не очень сообразительны. Только он забыл про Рысь, которая непонятно что здесь делала. Оборачивающиеся в больших кошек люди обычно живут крайне замкнуто. Но Рысь по какой-то причине оказалась в стае, а кошачье любопытство хорошо известно!

— Да, видишь ли... — Я задумчиво почесал в затылке, — У меня с памятью плохо. И чем дальше мы с этой девушкой будем от вас, ребята, тем хуже будет с памятью. Я могу даже вообще все забыть.

Отбой попытался сожрать меня взглядом, но все же буркнул:

— Убирайтесь!

— Эй! — завопила Рысь, повиснув вниз головой. — Так нечестно! Я хочу знать, о чем он там говорит! И почему уходит с нашей добычей!

Остальные оборотни тоже недовольно заворчали.

Ненавижу подростков!

— Не ваше дело! — рывкнул Отбой. — Заткнулись все! Или кто-то хочет бросить мне вызов?!

— Ну вы, парни, тут без нас развлекайтесь! — Я вежливо помахал оборотням, схватил за руку Катю и бросился прочь.

Как я и подозревал, Отбой не собирался нас отпускать. Просто он хотел напасть внезапно, чтобы я не успел рассказать о его позоре. Стоило мне отвернуться, как он трансформировался и прыгнул. Я ждал этого и в развороте принял его челюсть на кастет. Сложившейся энергии удара и заклинаний хватило, чтобы отбросить массивную тушу на пару шагов. Оборотень рухнул на бок и затряс ушибленной головой. Остальные волколаки, увидев поверженного вожака, мгновенно трансформировались и бросились на меня.

Я сжал в кармане коробочку, собранную Женькой. Только бы она не ошиблась в расчетах!

Не ошиблась. Эффект даже превзошел мои ожидания — оборотни, жалобно скуля, покатались по земле, пытаясь закрыть лапами уши. Наиболее сообразительные поспешили перекинуться в людей, но даже в человеческой форме оборотни частично сохраняют волчий слух. Неслышимый человеческому уху звук бил по ним не хуже моего кастета, которым я не без удовольствия охаживал дезориентированных волколаков. Оглушив ближайших оборотней, я схватил остолбеневшую Катю за руку и припустил через парк.

Как мы ни во что не врезались и не переломали ноги о корни деревьев, для меня до сих пор остается загадкой.

Удивительно и то, что Катя бегала отлично. А может быть, ее, как и меня, подгоняло завывание бросившихся в погоню оборотней. Ничто так не окрыляет, как десяток разъяренных тварей, гонящихся за тобою по пятам!

Когда парк остался позади, а до бара был еще целый квартал, Катя все-таки выбилась из сил, и нам пришлось перейти на быстрый шаг. К счастью, оборотни изрядно от нас отстали, к тому же им пришлось вновь перекинуться в людей — на улицах было еще много народу, и стая волков привлекала бы внимание. Конфликтовать с Анклавом магов Отбой был не готов.

И все же они постепенно нас нагоняли.

— Еще чуть-чуть, — попытался я подбодрить Катю. — Главное, добраться до мотоцикла.

В глазах девушки отразился почти такой же ужас, как при виде трансформированных оборотней.

Я практически волоком дотащил ее до бара. Возле «драги» стояло с полдюжины парней в одинаковых черных джинсах, черных шелковых рубашках и черных же ветровках.

«Полное отсутствие вкуса, — констатировала Хайша. — Бессмертное полотно Саврасова в натуре. Только название надо поменять на «Упыри прилетели». Впрочем, чего ждать от кровососов?»

— Это ты! — взвился давешний вампир, увидев меня. — Сволочь! Смотри, что ты сделал!

Он оттянул губу, демонстрируя дыру вместо левого верхнего клыка.

— Ну извини. — Я пожал плечами, растолкал опешивших от моего спокойного и даже дружелюбного тона вампиров и стал деловито выкатывать мотоцикл. — Да не переживай так! Они ж у вас отрастают заново.

Потрясенный моею наглостью вампир не нашел ничего лучшего, чем заступить мне дорогу, расставив ноги, словно шериф в американском вестерне.

— Что-то ты какой-то нервный, — примирительным тоном проговорил я, натягивая перчатки. — Дерганный и не позитивный. Зубы, что ли, жмут?

Из-за угла выскочил Отбой в сопровождении стаи. Оборотни, не ожидавшие застать меня в компании вампиров, притормозили. Вампиры, двинувшиеся было ко мне, тоже растерялись, их сбили с толку куртки оборотней, такие же, как у меня. В символике разных клубов упыри, разумеется, не разбирались и приняли оборотней за моих друзей. То, что доктор прописал! Конечно, зачарованный кастет — штука отличная, но и мотоциклетные перчатки с карбоновой защитой в такой ситуации неплохая альтернатива!

Даже самый мелкий и тощий вампир сильнее обычного человека — это аксиома. Но с законами физики он ничего поделать не может и при всей своей силе весит столько же, сколько человек его комплекции. Бить пришлось левой рукой, но удар все равно получился хороший — тщедушного вампира подбросило в воздух и он врезался в Отбоя. И без того взбешенный оборотень коротко взмахнул кулаком...

— Ты что же делаешь? — со слезами на глазах простонал вампир, выплевывая очередной клык. — Сволочь!

От боли и обиды он, похоже, совсем потерял голову и впился оставшимися клыками в предплечье Отбоя. Оборотень взревел и принялся колотить упыря по голове свободной рукой, но тот присосался на совесть. Откуда-то сверху на плечи вампира обрушилась Рысь, на лету трансформируясь в звероформу.

— Наших бьют! — разнеслось над улицей ее радостное верещание.

— Ваших бьют, — поддержал я ее, обращаясь к вампирам.

Этот древний как мир клич послужил своеобразным спусковым крючком. Оборотни бросились на помощь вожаку, вампиры бросились спасать своего родича — началась обычная в таких случаях свалка.

Я усадил Катю на заднее сиденье и поехал домой.

Уверен, они прекрасно повеселятся и без меня!

Пока мы ехали, Катя пришла в себя.

Во всяком случае, она умудрилась не свалиться. Когда я остановился возле нашего подъезда и достал из кофра цепь, девушка отступила на пару шагов и, испуганно глядя на меня, спросила:

— Чт-то эт-то б-было?!

— Оборотень, — пояснил я, приковывая мотоцикл на ночь к скамейке. — Вернее, несколько оборотней.

— Эт-то же м-миф!

— Ну ты даешь! — усмехнулся я. — Этот, как ты изволила выразиться, миф только что нас чуть не слопа! По-моему, вполне убедительное доказательство его реальности. Нам здорово повезло — сработал эффект внезапности. Ну и кровососы вовремя подвернулись. Вот уж никогда не думал, что скажу такое, но и от них может быть польза! Вообще-то упыри с оборотнями и так на ножах — из-за охотничьих территорий. Так что спровоцировать драку было несложно. В этом я профессионал!

— А т-ты к-кто? — продолжая трястись, спросила девушка.

— А, черт! — Я сообразил, что Катя все еще пользуется теневым зрением. И, поскольку раньше мой теневой облик не видела, меня не узнает. — Зажмурься и представь, что по глазам у тебя стекает вода, словно окна моешь.

Девушка, как ни странно, послушалась.

— Ой! Виктор? Ты? А почему ты так... странно выглядел?

Хороший вопрос! Я и сам хотел бы знать, почему Тень одарила меня лицом, как у кукольного петрушки: рот в вечной улыбке до ушей, длинный подбородок, здоровенный нос крючком? Вроде я никогда не был большим шутником. Разве что это намек такой — мол, шут ты, Виктор Фокс, гороховый.

— Ты ведь не историк, правда? — Девушка говорила спокойно, но я почувствовал, что она вот-вот сорвется. — Что происходит, Вик? Что происходит?!

— Об этом я и хотел с тобой поговорить. Пойдем в дом, а? Мне надо многое тебе рассказать.

— Нет. — Катя отступила еще на шаг. — Я никуда не пойду! Объясняй здесь!

— А тебе не кажется, что ты как-то поздновато проявляешь осмотрительность? — поинтересовался я. — Как с оборотнем при луне прогуливаться, так — пожалуйста! Даже в парк не побоялась с ним идти. А со мной ты все-таки дольше знакома... Ладно. Как хочешь.

Я плюхнулся на лавочку и, не глядя на девушку, начал рассказывать про Тень, теневую кровь, мою работу и последнее дело. Я старался быть кратким и упоминал только основные моменты, но «лекция» все равно затянулась почти на час.

— Ты можешь, конечно, считать меня подлецом и обманщиком. Я действительно познакомился с тобой, чтобы получить информацию о фирме Келлера. Но потом... я понял, что ты мне нужна. Поэтому и решил тебе все рассказать. Теперь ты, наверное, хочешь, чтобы я отвез тебя домой?

— Да... Нет! — Катя смирла мотоцикл опасливым взглядом. — На сегодня я свою норму приключений получила.

— Я вызову такси.

— Не надо. Пойдем к тебе. У меня еще много вопросов. И... мне как-то не по себе. Боюсь, я не смогу сегодня уснуть одна в квартире.

— Отлично!

— Только не думай, что я тебя простила! Все-таки ну как ты мог?!

— Черт...

Разумеется, следовало предвидеть, что меня будут подстергать в подъезде — это же классика! Заболтался и прозевал опасность самым позорным образом.

— Гражданин Фокс! — припечатал меня к месту гневный возглас. — Как вы изволите

объяснить свое возмутительное поведение?! У нас, к вашему сведению, дом образцового содержания!

Я тяжело вздохнул и повернулся к Едвиге Константиновне. Соседка выглядела внушительно — халат из красного бархата, напоминающий мантию, и бигуди на голове делали ее похожей на судью. На языке у меня вертелось много всяких слов, использование которых не приветствуется в обществе, но я невероятным усилием воли промолчал.

— И не пытайтесь меня убедить, гражданин Фокс, что эта девица — тоже ваша дочь или сестра! — упредила Едвигу Константиновна мою попытку оправдаться. — Позор, гражданин Фокс!

Я молча открыл дверь, впихнул в квартиру растерявшуюся Катю и захлопнул дверь перед носом продолжающей митинг соседки. Этот поступок мне, конечно, еще припомнится, но когда-нибудь потом, а сейчас я почувствовал невероятное облегчение.

— Вик, это ты? — донесся из комнаты голос Женьки. — Что там за шум?

— Все в порядке, — отозвался я, проходя в комнату. — Соседка опять вопит. Знакомьтесь... Э-э-э...

— Это еще кто? — Женька ревниво нахмурилась, разглядывая Катю.

— Ой! Кто это, Виктор? — Катя изумленно уставилась на буйство цветов в Женькиной прическе. — Ой! Она тоже какой-нибудь теневой оборотень?!

— Прекрасно! — фыркнула Женька. — Алекса, я так понимаю, ты не нашел? Вместо него притащил в дом какую-то толстую тетку!

— Не стоит завидовать, девочка! — Холодность Катиного голоса могла сравниться с Северным Ледовитым океаном. — Ты еще найдешь себе пару — некоторым мужчинам нравятся суповые наборы!

— Эй, эй! — Я встал между девушками. — Вы что, обалдели? Какой гoblin между вами пробежал?

— Что ж, я все понимаю! — Женька, состроив трагичную мину, сползла с дивана и побрела в комнату Алекса, — Как ты мог?! После всего, что между нами было!

Она еще и язык мне показала за спиной у Кати! Маленькая дрянь!

— Ты... — Кате от возмущения явно не хватало слов, — Как ты мог?! Она же еще ребенок!

— Ей восемнадцать, — попытался оправдаться я. — И между нами ничего не было!

— Рассказывай! — противным голосом заявила из-за приоткрытой двери Женька. — Ты с ним осторожнее! У него трусы в Микки-Маусах!

— Что?!

— Ты копалась в моих вещах?! — Тут я увидел Ми-ми, довольно машущего хвостом. — А! Так это наш дорогой чайник на ногах постарался!

— Ой! — Катя моргнула, пригляделась к чжуполуну, испуганно отшатнулась и зацепилась каблуком за телефонный шнур. Громоздкий тяжелый телефон, помнивший еще времена СССР, перевалился через край стола.

— Кви-и-и-и! — заверещал Ми-ми, спасаясь от неожиданного «нападения».

Во входную дверь заколотили, словно по ту сторону собралась толпа буйных горилл. Я распахнул дверь, собираясь наконец высказать Едвиге все, что думаю о привычке некоторых совать нос не в свои дела. Не знаю, хватило бы у меня на это духу. Подобное желание возникает у меня при каждой встрече, но проклятое воспитание не позволяет грубить пожилой женщине. Но на этот раз высказаться мне помешала объективная причина — Едвиги за дверью не оказалось.

На лестничной площадке бесновались несколько оборотней во главе с Отбоем.

Я выхватил свою волшебную коробочку и нажал на кнопку. Ничего не произошло. Отбой довольно оскалится.

— Что, Фокси, не подумал о такой простой штуке, как воск?

Тут на площадку выскочила исходящая праведным гневом соседка.

— Гражданин Фокс! Прекратите безобразия! Я вызову милицию! У нас дом...

— Исчезни, крыса! — рявкнул один из оборотней.

Едвигу Константовну словно ветром сдуло. Вот почему у меня не получается с такой непосредственностью выяснять отношения с надоедливými людьми? Я попытался закрыть дверь, но Отбой успел вставить ногу между дверью и косяком.

— Ну что, Фокси, решим наши маленькие проблемы?

— Отбой, — я постарался придать своим словам максимальную убедительность, чувствуя, как все сильнее пульсирует знак на груди, — добром прошу, уходи. Я не хочу тебя убивать.

— Что?! — Отбой шутовски скривился, приставив ладонь к уху. — Я не слышу тебя, Фокс! Да и поздно просить пощады...

Видимо, Отбой собирался высказать все, что думает о глупом слабом человечике, посмевавшем оскорбить вожака стаи оборотней. Но тут вновь открылась соседняя дверь, и Едвигу Константовна, вопреки обыкновению, не произнесла ни слова, окатила столпившихся на площадке оборотней из ведра. Поднявшиеся клубы пара и вопли не оставляли сомнений, что в ведре был крутой кипяток. Может быть, я не так уж и неправ, что неизменно вежлив со старушкой?

Отбой отвлекся, я распахнул дверь настежь, а потом со всей силы захлопнул ее. К воплям ошпаренных оборотней добавился щенячий визг их вожака. Пока Отбой скакал на одной ноге, сжимая руками расплюснутую конечность, я спокойно запер дверь и вернулся в комнату.

Катя сидела на диване и чесала Ми-ми голову в том месте, где поросычья шкура переходила в пластинчатый гребень. Чжуполун закатил глаза и тихо похрюкивал от наслаждения. Просто идиллия.

— Что там?

— Наши общие знакомые пытались взять реванш. Ничего, объединенные силы добра взяли верх над силами зла. Как обычно.

— Извини, что я тут... устроила. — Катя грустно вздохнула. — Но ты тоже виноват! Надо было предупредить, что у тебя здесь девушка!

Я оглянулся на приоткрытую дверь, за которой скрылась Женька. Наверняка ведь подслушивает!

— Она — не моя девушка! — нарочно громко произнес я, — Ее украл твой шеф, Келлер. А я случайно освободил. Теперь вот прячем ее здесь, пока не разберемся с Келлером. Мы почти договорились, что Женя будет работать в нашей команде, но после сегодняшнего представления у меня появились серьезные сомнения, что мы сработаемся.

Из-за двери послышалось сердитое фырканье.

— Что-то я устал от всех этих событий. — Я не удержался и зевнул. — А завтра мне еще штурмом брать крепость. Я тебе постелю в своей комнате.

— А ты?

— Да вот диван освободился, лягу здесь.

— Зачем? — Катя встала, подошла ко мне вплотную, прижавшись всем телом. — У тебя ведь широкая кровать? Хватит места двоим?

Ретроспектива

1724 год, Санкт-Петербург

— Ты же колдун... — Петр сказал это, не поднимая глаз. Ему — невиданное дело! — было неловко за свои слова.

Брюс вздохнул. Тяжело смотреть на умирающего государя. На умирающего друга.

— Видать, плохой из меня колдун вышел, государь... Эх, и надо же было вам в воду-то лезть! — прорвалось из глубины души жалкое, ненужное. — Без вас спасателей не нашлось бы?! Я ж говорил, с вашей болезнью от всякого холоду надо беречься... А вы — в ноябре, в Ладогу...

— Дурень ты, Яшка, — невесело усмехнулся Петр. — Разве в такой час умом думаешь? Как душа повелит, так и поступаешь. Лучше бы придумал какую тинктуру или микстуру... Неужто во всех книгах, что ты читал, ничего нет?

— Блюментрост лучше меня разбирается в медицине, он этому учился, всю жизнь посвятил, и то не знает, что тут поделывать, — виновато развел руками Брюс.

— Лаврентий меня лечит по науке. От тебя же я хочу, чтобы ты в тех книгах искал...

— Я искал и ищу, но... Если бы у меня было время!

— Лаврентий надеется, что я еще сколько-то проживу. Да и этот, новый, Азарини, обещает на ноги поставить. — Петр скривился, — Но если эта боль не прекратится, такой жизни и грешники в аду не позавидуют. Ищи в своих книгах лекарство, Яшка! Нельзя мне сейчас помирать, никак нельзя, не ко времени... Ступай, найди снадобье...

— Будет исполнено, господин бомбардир. — Яков Брюс поднялся, тяжело опираясь на трость. Вроде и не стар еще, только разменял шестой десяток, а бессонные ночи последних дней отняли, кажется, все силы. — А итальяшку этого гоните в шею. Они там, в Риме, все больше по срамным болезням мастера, навряд ли он больше в медицине понимает, чем Блюментрост.

Стоило Брюсу выйти из покоев государя, как его обступили придворные. На встревоженных лицах за вопросами о здоровье Петра читался один, самый главный: «Что нам-то теперь делать? Пора новому хозяину кланяться или обождать?»

Бесцеремонно растолкав напудренных стервятников, Брюс зашагал прочь из дворца. Надо сегодня же отправляться назад, в Москву, в Сухареву башню. Там его лаборатория, все инструменты и записи, там Либерия...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Я проснулся посреди ночи. Светящиеся цифры на будильнике показывали три часа.

Все тело болело, но это была приятная боль.

Безумно хотелось пить.

Осторожно, чтобы не потревожить Катю, я выбрался из-под простыни и побрел на кухню. Спohватившись, натянул джинсы — вдруг Женька опять всю ночь работала в большой комнате. Ох... Представляю, чего она наслушалась сегодня ночью!

Чувствуя, как горят уши, я осторожно выглянул за дверь. Женьки, к счастью, не было видно. Черт! Представляю, как она завтра будет ехидно ухмыляться! А какие перспективы для острот открываются, лучше и не думать! Впрочем, плевать! Оно того стоило!

Я босиком прошлепал на кухню. Достал из холодильника бутылку минералки. Налил в стакан.

Ох, Катя-Катюша, что ж мне теперь делать-то?

«А что? Разве тебе не понравилось? Мне вот, например, очень!»

«Хайша! У тебя совсем стыда нет!»

«Разумеется. Не забывай, я все-таки богиня!»

«Ты извращенка, а не богиня! Боги должны проповедовать высокую любовь, духовную!»

«Какие у тебя странные представления о богах! Духовная любовь? Это тебя точно кто-то обманул. Если существо не способно даже на плотскую любовь, то куда уж ему духовная-то?»

От теологического спора меня отвлек какой-то шорох в прихожей. Ми-ми спал на диване, до меня доносился его храп с характерным похрюкиванием.

— Паштет? — Я шагнул в комнату, включил свет. — Ты чего...

Я успел увидеть только смазанную тень, метнувшуюся ко мне из прихожей. Знак на груди отчаянно забился, но Отбой уже приблизился вплотную. Он врезал мне изо всей силы в солнечное сплетение, я сразу задохнулся от боли. Мышцы превратились в кисель, меня отбросило на полки с книгами. Посыпались на пол папки с делами, книги, какие-то

безделушки. Отбой не давал мне упасть, мощными ударами буквально вбивая в полку. Перед глазами плыло.

Только левая рука действовала по своей собственной воле. Я почувствовал, как ее опутывают тонкие нити тьмы, и прохрипел:

— Дурак... беги...

Отбой не понял. Но даже если бы понял, навряд ли бы побежал. У оборотней очень жесткие понятия о чести. Ну и вообще, как я уже говорил, они слегка туповаты.

Спасла его, как ни странно, Катя.

На самом деле она вовсе не собиралась спасать Отбоя. Она собиралась спасать меня. Видимо, грохот падающих предметов ее разбудил, и она выскочила из комнаты в чем была — то есть ни в чем. Испуганно вскрикнула, нырнула назад и тут же вернулась. С бейсбольной битой. Все-таки потрясающе отважная девушка!

Удивительно, что способна натворить бейсбольная бита в руках слабой девушки!

Отбой заметил мой взгляд и даже успел повернуться.

Очевидно, вид обнаженной валькирии вызвал в нем мгновенный ступор, и он не успел трансформироваться. А в следующее мгновение бита со звонким стуком влипла в его лоб. Да, оборотни — крепкие ребята. Особенно крепкая у них голова. Несмотря на то что Отбой был в человеческой форме, даже удар бейсбольной битой по голове лишь слегка оглушил его. Мне удалось собрать остатки сил, взять его голову в борцовский захват и рвануть назад. Хрустнули позвонки, оборотень обмяк и рухнул на пол.

Катя, вырвав биту, закрыла лицо руками и заплакала.

— Ну тише, тише... — Я обнял ее, глядя по волосам и одновременно пытаюсь прогнать совсем некстати возникшее желание. — Все в порядке. Все уже закончилось!

— Мы его убили! — прохныкала девушка, — Нас посадят!

— К счастью, нет... или к сожалению. Оборотни очень живучие. Этот очухается максимум через полчаса.

Вспомнив об этом, я усадил Катю на диван и полез в кладовую. Конечно, волколаки чудовищно сильны, но двенадцати миллиметровый капроновый шнур даже оборотню-медведю не порвать. Отбой оказался крепче, чем я думал, он пришел в себя как раз к тому моменту, когда был затянут последний узел у него на щиколотках.

— Черт... голова болит! — пожаловался оборотень, подергавшись и убедившись, что веревку ему не порвать. — Воды дай, а?

— Катенька... э-э-э... накинь на себя что-нибудь, — Я сходил на кухню, налил в стакан минералки, уселся рядом с Отбоем, прижав холодную бутылку к стремительно распухающей скуле. Приложил край стакана ко рту оборотня, — Пей.

— Спасибо. — Напившись, Отбой посмотрел мне в глаза, — Ну?

— Что — ну?

— Что делать со мной будешь?

— Не знаю, — признался я, — По уму, следовало бы вызвать сюда Ивора и сдать тебя как нарушителя конвенции. А по совести, то сначала пристрелить, а потом вызвать Ивора. Потому как достал ты меня нереально.

— Кишка у тебя тонка, — хмыкнул Отбой.

— Можешь себя успокаивать, — пожал я плечами. — Если бы ты угрожал только мне, я бы не особо беспокоился. Сам видишь — все твои попытки заканчиваются ущербом для тебя самого. Будь на твоём месте кто поумнее, давно сделал бы из этого правильный вывод. Но ты угрожаешь моим близким, а значит, мне все-таки придется от тебя избавиться. Ради них.

— Брось! — Отбой встревоженно нахмурился. — Ты не сможешь! Все знают, что ты никогда никого не убивал!

— Все когда-то случается в первый раз, — вздохнул я, — Не думай, что мне это доставит удовольствие. Ты сам вынудил меня.

Я сходил в свою комнату и вернулся с револьвером.

— Это «Van Helsing», сорок пятый калибр, — пояснил я Отбою, не спускающему с меня испуганного взгляда, — Пули серебряные, но это на всякий случай. Тебе и так снесет череп, никакая регенерация не поможет.

— Ты ведь шутишь? — Катя вернулась и теперь смотрела на меня таким же испуганным взглядом, что и оборотень. — Так нельзя!

— К сожалению, нужно. Он сумел пробраться в дом, несмотря на замки и бронированную дверь. Если его отпустить, мы никогда не сможем чувствовать себя в безопасности. Как ты, кстати, сумел открыть замки?

— Да у тебя не заперто было!

— Врешь! — Я вскинул револьвер.

— Клянусь! — задержался Отбой, пытаясь убраться из-под прицела. — Я просто сидел на скамейке и думал.

— А ты умеешь думать? — не удержался я, — Серьезно?

— Фокс, это как минимум не благородно! Я думал, как тебя достать! И тут слышу — твои замки защелкали.

— Гонишь!

— Зачем мне?!

— Ну значит, ошибся.

— С моим слухом? Нет, я сразу понял, что это твои замки открываются. Ну и спрятался в кустах — вдруг это ты куда-то собрался? Но мне не повезло, это была какая-то мелкая девчонка...

— Проклятье! — Я распахнул дверь в комнату Алекса. Разумеется, Женьки там не оказалось.

Наверное, когда я повернулся к Отбою, у меня было какое-то особенное выражение лица, потому что оборотень взвизгнул и попытался забиться под диван.

— Я ее не тронул! Честно! Она же щенок еще! Мы не охотимся на детенышей!

Мне с трудом удалось взять себя в руки. Отбой говорил правду — оборотни никогда не нападают на детей. Такое поведение диктуют им какие-то их животные инстинкты.

— Значит, она просто ушла?

— Да! Я проверил дверь, увидел, что она не заперта, и вошел.

Я осмотрел комнату. Алекс оставил после себя редкостный бардак. Женька спать явно не ложилась, значит, все наши с Катей охи и вздохи слышала прекрасно. Проклятье! Но ведь она не маленькая уже! Восемнадцать лет! Неужели это ее так смутило?!

Видимо, последний вопрос я задал вслух.

— Она не из-за нас ушла, Вик.

Я и не услышал, как в комнату вошла Катя.

— Смотри — на столе лежало... — Девушка протянула мне листок бумаги.

Я прочитал записку, накарябанную непривычной к карандашу рукой. Выругался. Перечитал и выругался еще раз.

«Вик, я сама помогу Алексу. Не суйся к Келлеру, он с тобой справится, а со мной — нет. Я вам помогу».

Ниже стояла какая-то закорючка вместо подписи.

Мило.

— Не делай этого, — попросила Катя.

— Да не буду я его убивать, — хмыкнул я. — Мне просто нужно было припугнуть этого остолопа как следует.

— Я не об этом.

— А?

— Не изображай из себя, пожалуйста, идиота! Я же вижу, ты уже мысленно оседлал своего белого коня и готов ввязаться в драку. Не надо! Она знает, что делает!

— Извини, — улыбнулся я и развел руками, — придется. Женька привыкла жить в Интернете. Ей кажется, что она взрослая, умная и неуловимая героиня комиксов. Но в

реальной жизни она — обычная девчонка. Возможно, она даже хуже приспособлена к реальной жизни, чем ее сверстницы. Ей Алекса не спасти. Господи, да первый же охранник Келлера отправит ее в нокаут одним щелчком! Так что белые кони и прочие рыцарские атрибуты тут ни при чем. Я собираюсь сделать то же, что и планировал. Просто мне придется вытаскивать двух человек вместо одного.

В дверь позвонили.

Я посмотрел в глазок. В первый момент меня охватила радость — тонкий девичий силуэт на плохо освещенной лестничной площадке едва не обманул меня. Но у девушки не было взлохмаченной прически, зато по бокам головы воинственно топорщились пучки серебристых волос.

Я вернулся в комнату, подцепил Отбоя за веревки и поволок в прихожую. Открыв дверь, я тут же приставил к виску оборотня револьвер с взведенным курком. Рысь пришла одна, значит, хочет решить дело миром. Но мудрые римляне говаривали: «Хочешь мира, готовься к войне».

— Привет!

— Привет! — Рысь окинула Отбоя скептическим взглядом и ехидно ухмыльнулась: — Я почему-то так и думала.

— Ваш вожак теряет хватку. Не скажу про здравый смысл — с ним у Отбоя всегда были проблемы.

— Эй! Перестаньте говорить обо мне так, словно меня здесь нет!

— Да... — вздохнула Рысь. — Но мне не хотелось бы, чтобы Отбоя сместили. Он — хороший парень.

— Это Отбой-то? — удивленно хмыкнул я.

— Для меня, — уточнила Рысь.

— А как же кошка, которая гуляет сама по себе?

— Хорошо гулять, когда есть куда и к кому возвращаться. — Рысь отвела глаза и глухо сказала: — Я понимаю, у тебя нет причин оставлять ему жизнь. Но очень прошу. Я буду у тебя в должниках.

«Фокс, ты идиот!»

«Скажи что-нибудь, чего я не знаю!»

— Выйди из подъезда и возвращайся через минуту.

Рысь послушно исчезла. Я выволок Отбоя на лестничную клетку.

— Отбой, у меня был очень большой соблазн убить тебя. Благодарю свою девушку.

— Я знал, что у тебя духу не хватит.

— Верь в это, если хочешь.

— Я все равно буду преследовать тебя, — проворчал оборотень, как мне показалось, смущенно. — Ты же понимаешь...

— Ты обязан показать стае, что всегда мстишь врагам. Понимаю. Если ты пообещаешь охотиться только за мной и не преследовать моих друзей, этого будет достаточно.

— Заметано.

— У тебя есть стиль, Фокс, — раздалось мурлыканье у меня над ухом.

Я не услышал, как вернулась Рысь. Если бы она захотела, могла бы легко положить меня. Но она не захотела. Не обращая больше на меня внимания, склонилась над Отбоем, распутывая веревку. Кто их поймет, этих кошек?

Я отступил в квартиру и запер дверь.

Катя ждала меня в большой комнате. Я обнял ее.

— Все. Гости наконец ушли.

— Зато какой бардак оставили! — впервые за это время улыбнулась Катя. — Веселая у тебя жизнь!

— К счастью, у нас это не так часто случается. Обычно расследования протекают спокойно. Даже скучно.

Раздались скребущие звуки, и из-за дивана показалась кошачья голова. Убедившись,

что опасности нет, Паштет выбрался наружу, одарил меня укоризненным взглядом и устроился на своем любимом месте. Из кладовой приковылял Ми-ми. Чжуполун выглядел виноватым.

— Да ладно, приятель, брось! — успокоил я его. — Ты мне все равно ничем не смог бы помочь.

Ми-ми тяжело вздохнул и залез на диван.

— Надо разобрать эту свалку. — Катя кивнула в сторону поваленных книжных полок.

— Да ну брось! — Я посмотрел на часы. — У нас осталось не так много времени до утра. Не будем тратить его на всякие глупости.

— А на какие глупости мы его будем тратить? — улыбнулась девушка.

— Ну... я бы, например, поспал. Ой, за что?! Шучу! Шучу!

На этот раз нам никто не мешал и проснулся я лишь в половине десятого. И даже угрызений совести не испытывал. Все равно прием у господина Келлера начнется только вечером. Времени подготовиться к операции предостаточно.

Звонок Игоря застал меня как раз в процессе сборов.

— У тебя все в порядке?

— Что?

— Видимо, в порядке, — констатировал Игорь. — Просто тебя вчера ждали...

— Ох, блин! Сегодня уже суббота?!

— Представь себе.

— Вчера был тяжелый день. Я совершенно забыл про день рождения. Да и все равно не смог бы прийти. Кетчуп сильно обиделся?

— Да забей! Ты ж его знаешь — он не умеет обижаться. Значит, у тебя все в порядке?

— Ну... да. Слушай, хорошо, что ты объявился! Я сам собирался попозже тебе звонить. Помню, у тебя был маленький такой домкрат, чтобы с собой возить. Можно его позаимствовать на время?

— Ну спрашиваешь! Конечно, приезжай и бери! А почему не у меня?

— В смысле?

— Ну ты что, колесо снимать собрался? Лучше приезжай ко мне — помогу.

— Да нет, мне для другого нужен.

Я вкратце описал Игорю происходящее и объяснил, для чего мне домкрат.

— Ты меня удивляешь, — бесстрастно сообщил Игорь. — С таким планом в лучшем случае завтра мне придется вытаскивать тебя из тюрьмы. А в худшем — собирать с ребят бабки на венки. Жди. Приеду через два часа.

«Ну вот и все. Он отправится с нами».

«Ты этого хочешь?»

«Нет. Но нужно распутать все узелки. К тому же мне одному двух человек не вытащить».

Катя еще спала, и я от нечего делать стал разбирать кучу книг на полу, аккуратно возвращая их на полки. За ними настала очередь папок со старыми делами. Их не так уж и много накопилось за время существования нашего агентства. Сказать откровенно, дела у нас никогда не шли особо успешно. Всего десятка два папок. Но под каждым переплетом из толстого серого картона — кусочек нашей с Алексом жизни, непростой, бестолковой и местами смешной.

«Не вздумай раскисать, Фокс! Алекс жив, ничего с ним не сделают!»

«Я не раскисаю. Но что если они уже выбили из Алекса, где находится завещание? Тогда он стал опасной и ненужной обузой, от него поспешат избавиться!»

Я взял в руки очередную папку и увидел торчащий из нее край пластикового файла. В памяти немедленно всплыла картинка недельной давности: я сижу за столом с пакетом кефира в руках. Заходит Алекс и между делом кладет файл в папку.

Я открыл папку, уже догадываясь, что увижу.

Более идиотского способа спрятать завещание нельзя было и придумать. И более

надежного, надо признать.

Теперь я был абсолютно уверен, что Алекс не проговорился — иначе бы господин Келлер уже изъявил желание встретиться со мной. А значит, у меня есть хорошие шансы вытащить напарника живым. Я на всякий случай перепрятал завещание и принялся чистить револьвер. Надеюсь, он мне не понадобится, но нелишним будет прихватить его с собой.

За этим занятием меня и застал Игорь.

— Собираешься ворваться к Келлеру, выстрелить в потолок и заорать: «Всем на пол! Это операция по освобождению заложников!»?

— У меня была такая мысль, — кивнул я. — Но мне сказали, что Келлер владеет какими-то магическими приемами. Если он начнет метать молнии или учинит еще что-то в стиле злого мага из компьютерной игры, могут пострадать люди.

— Его сообщники, — поправил меня Игорь.

— Просто люди, — возразил я. — Келлер наверняка никого не посвящал в свои уголовные дела. Для этих людей он — маг, учитель истины. Они сами жертвы обманщика.

— Знаешь, меня одно поражает, — покачал головой Игорь, — как ты с такими взглядами до сих пор еще жив?

— Ну возможно, это потому, что я настоящий крутой парень?

— Сомневаюсь. Мне кажется, скорее потому, что дуракам везет.

— Меня что-то слишком часто стали называть дураком.

— Стоит задуматься... О! Здравствуйте! Фокс, почему же ты не предупредил, что у тебя в гостях такая красавица?!

— Привет! — Катя очаровательно покраснела от комплимента. Впрочем, какой комплимент? Чистая правда! >Я строго приказал своему организму собраться, и мне это почти удалось — только колени продолжали слегка дрожать.

— Катя, это мой друг — Игорь. Игорь, это Катя — моя... девушка.

— Ну ты и жук, Фокс! Скрывать такое чудо!

— Да никого я не скрывал! — попытался оправдаться я. — Мы не так давно знакомы. Ладно, Хафиз, хорош глазеть на чужую девушку, время поджидает.

— Что? А! Ну да... Так вот что я хотел тебе сказать: твой план никуда не годится!

— Это почему?

— Ну допустим, ты раздвинешь прутья домкратом и проникнешь в сад Келлера. Ты думаешь, охрана будет наблюдать за этим в камеры и делать ставки, кто выиграет — ты или их босс?

— Камеры я нейтрализую.

— Магия? — Игорь состроил кислую мину. — Не очень-то я доверяю этим вашим штучкам. Ну да ладно, допустим, ты знаешь, что делаешь. А что ты придумал против собак?

— Думаешь, там собаки будут? Да нет, не может быть! Там же гости, вдруг кто в сад забредет? Собак наверняка будут держать в клетках до конца вечеринки.

— Логично, — вынужден был согласиться Игорь. — Даже удивительно, что ты говоришь разумные вещи. Ну а если ты все-таки ошибаешься? Допустим, гостей предупредили, чтобы в сад ни ногой?

— Ты удивишься еще сильнее, но у меня есть средство от собак! — сообразил я. — Очень надежное.

— Хм... Сегодня день сюрпризов. Ладно, как мы проникнем на территорию поселка?

— Мы?! Хафиз, это тебя не...

— Позволь мне самому решать, что меня касается, — отрезал Игорь. — Ты член моего клуба, мой брат. Твои проблемы — мои проблемы. По-моему, в этом суть клуба, а не в совместных пьянках и ношении одинаковых нашивок.

— Проклятье, Хафиз! Это запрещенный прием!

— А то я не знаю! — расплылся в довольной ухмылке Игорь. — Итак, как мы попадем на территорию поселка? Хорошо бы без шума. Ты вроде говорил, что у тебя там клиентка. Может она нас впустить?

— Мне бы не хотелось втягивать Еву, — покачал я головой. — Если что-то пойдет не так и начнут искать виноватых, сразу выяснится, что чужаков на территорию приказала впустить она.

— И ее сожгут на костре!

— Конечно, нет, но зачем доставлять человеку неприятности, если можно обойтись без этого?

— Он прав, — Катя обняла меня сзади за шею и уткнулась лицом в волосы, — Ты такой несовременный! Но именно это мне в тебе и нравится!

— Женская логика! — фыркнул Игорь, — Ладно, какой у тебя план?

— Ева нам все-таки поможет. Но так, чтобы никто не узнал, что это она нам помогла.

Я взялся за телефон.

— Дом госпожи Барановски! — Я узнал по голосу дворецкого Евы.

— Добрый день! Это Виктор Фокс. Помните меня?

— Конечно, господин Фокс! — Из голоса дворецкого исчезла чопорность. — Я не успел сказать вам тогда, как мы все вам благодарны! С тех пор как вы прогнали дьявола, здесь стало возможно жить! Все слуги просто молятся на господина Ивора!

— Отлично! Рад, что у вас все в порядке. А госпожа Барановски дома?

— Э-э, да, сейчас спрошу!

Через минуту я услышал знакомый голосок:

— Господин Фокс? Как приятно снова вас слышать! Ха-ха-ха! Неужели решили все-таки опробоваться в кино? Ха-ха-ха!

— Нет-нет, я еще не готов к всемирной славе! — Я невольно улыбнулся. — У меня к вам небольшая просьба. Ваш сосед, господин Келлер, прислал вам приглашение на сегодняшнюю вечеринку?

— Я даже не знаю, я приказала не беспокоить меня подобной чушью. Сейчас спрошу дворецкого...

Как немедленно выяснилось, Анатолий Германович не терял надежды и приглашение Еве прислал. Мы договорились, что водитель Евы привезет мне его не позже, чем через час.

— Ева Барановски? — Катя округлила глаза. — Та самая?! Ничего себе у тебя знакомства!

Мы переглянулись с Игорем и рассмеялись.

— И ничего смешного! — надулась девушка. — Она классная! И вообще... есть в этом доме еда?

— Э-э... мм... Вообще-то нет.

— Посмотрим. — Катя ушла на кухню, деловито захлопала дверцами шкафчиков, — Знаю я мужиков. «Еды нет» на вашем языке означает, что нет готовых котлет с макаронами, чтобы разогреть и проглотить. Ну вот, смотри, есть один болгарский перец, три помидора, пакет риса. Масло, соль, специи... М-да, со специями не густо, но заменим их бульонным кубиком. Это что? Соевое мясо? Вообще великолепно! Да тут можно целый пир устроить.

— Ну тогда тебе и карты в руки. А я пока гляну, что Женька на Келлера собрала.

Я залез в ноутбук и сразу на рабочем столе обнаружил папки «Келлер» и «Орлов». Оставалось только порадоваться, что когда мы с Женькой поссорились в первый раз и она собралась уходить, то сбросила на мой ноутбук всю информацию. Правда... она все равно ушла. И в этом нет ничего хорошего. Только бы с ней ничего не случилось!

Отогнав невеселые мысли, я открыл папку «Келлер». Удивительно, сколько информации Женька сумела о нем собрать! Похоже, она не преувеличивала, называя себя лучшей среди веб-хантеров. Если бы я вздумал шантажировать Келлера, ему бы пришлось несладко. К сожалению, вытаскивать Алекса и Женьку посредством шантажа было слишком опасно. Зато среди прочих документов обнаружился и архитектурный план особняка в Липовом Цвете. Я распечатал его на нескольких листах, склеил скотчем и разложил на полу.

— Отлично! — Игорь немедленно устроился на коленях рядом и принялся размечать план фломастером. — Здесь, как я понимаю, черный ход. Значит, проникнуть внутрь лучше

всего именно здесь — чтобы идти по прямой.

— Если представится такая возможность, — возразил я, вспомнив узор из ветвей и листьев, покрывающий решетку, — У Келлера ведь не только обычная охрана, но и магия.

— Хватит пыль вытирать, — выглянула из кухни Катя. — Обед готов!

Катя приготовила совершенно изумительный плов, особенно если учесть, насколько скудным ассортиментом продуктов ее снабдил наш холодильник. На самом деле мне из риса с соевым мясом удалось бы приготовить только рис с соевым мясом. И нормальный человек согласился бы есть это блюдо только с голодухи. Никогда бы не догадался, что вываренное в бульоне и обжаренное соевое мясо становится похожим по вкусу на настоящее. Раньше-то я его почти не ел, а купил исключительно под нажимом одной из барышень, предпочитавшей здоровое питание. Барышня не выдержала моей возмутительно вредной привычки пропускать вечером стаканчик-другой джин-тоники и растворилась в неизвестности, а пакет с содержимым, похожим на кусочки дерева, остался. И вот пригодился. Игорь свою тарелку чуть ли не вылизал, я же, честно говоря, размышляя о предстоящей операции, ел без особого аппетита.

— Не дрейфь. — Игорь ободряюще похлопал меня по плечу. — Все будет хорошо, мы все умрем.

— Ты умеешь подбодрить.

— А что? Ну сам посуди: жизнь коротка и не сказать, что особо приятна. Можно просидеть отпущенный судьбою срок, спрятавшись в своей норке, как премудрый пескарь, избегая опасностей и неприятностей. Да только что ты этим выиграешь — десять — двадцать дополнительных лет? Да пусть хоть сто! Сто лет серой скуки и вечного страха перед окружающим миром — неужели бы тебе хотелось прожить их именно так? Да что я говорю?! Ты ведь и сам это понимаешь, иначе к мотоциклу и на километр бы не подошел. Так что осознание собственной смертности — великая вещь. Понимаешь, что трястись над своей шкурой просто нелепо... Ну ладно, раз все решили, надо ехать. Прямо сейчас — надо добраться до поселка заранее, чтобы можно было провести рекогносцировку.

К счастью, Игорь не испытывал такой неприязни к машинам, как я, и, помимо мотоцикла, ездил на уазике, списанном какой-то армейской частью. Игорь не зря слыл отличным слесарем — он не только полностью восстановил древнюю машину, но и усовершенствовал, поскольку уральские конструкторы не особо заботились о комфорте «советского джипа». Теперь салон внутри был герметизирован и утеплен специальными панелями и обивкой, установлена нормальная печка, кондиционер и комфортные сиденья. Большой частью Игорь использовал уазик в качестве передвижной ремонтной мастерской. В багажнике стояли ящики с разнообразным слесарным инструментом, коробки с самыми необходимыми запчастями, какими-то мешочками и свертками, содержимое которых известно было только Игорю.

— Вик... ребята... — Катя вышла нас проводить и теперь смотрела чуть ли не с ужасом. — Ребята, пожалуйста, вернитесь живыми!

— Все будет в порядке, солнышко!

— Не бойся, Катюшка! Я пригляжу за этим разиней! — Игорь запрыгнул в кабину и махнул мне рукой. — Залезай! Хватит обниматься! Перед смертью не надышишься!

— Проклятье! — Я с трудом оторвался от Кати и залез в уазик. — Ну и зачем было ее пугать?!

— Ничо! Больше ценить будет! — Игорь лихо развернулся и вдавил педаль газа в пол. На машине он ездил так же отчаянно, как и на мотоцикле. — Пусть привыкает, раз связалась с частным сыщиком.

До Липового Цвета мы добрались к половине восьмого. Вечеринка у Келлера должна была уже начаться. На пропускном пункте я помахал перед лицом охранника приглашением, и он, даже не соизволив прочитать, на чье оно имя, поднял шлагбаум. У меня мелькнула мысль таким же способом въехать на территорию особняка, но, поразмыслив, я от нее отказался. Слишком рискованно — наверняка личная охрана Келлера куда внимательнее

этих олухов. К тому же на случай, если что-то пойдет не так и придется удирать от погони, пусть лучше машина ждет нас на улице.

Игорь остановил уазик на соседней улице, и мы прогулочным шагом направились в обход забора. Я осматривал решетку тeneвым зрением. Тeneвая листва опутывала ее плотно, но в конце концов нашелся достаточно большой разрыв.

— А теперь немного магии! — произнес я, пытаясь скрыть за шутливым тоном нервную дрожь. — Надеюсь, Женька действительно такой профессионал, каким себя считает.

Я открыл ноутбук и щелкнул по папке «Фокс_открой». Открылась папка с кучей каких-то файлов, среди которых я нашел файл «Фокс. ехе». Щелкнул по нему. Открылось окошко со строкой загрузки, пробежала синяя полоска...

— И? — заинтересованно спросил Игорь, заглядывая мне через плечо.

— Мм... ну я думаю, все, — с некоторым сомнением ответил я.

— Как-то это несолидно выглядит, — почесал затылок Игорь, — А как мы узнаем, что твоя магия работала?

— Ну если сейчас мы начнем ломать решетку и прибежит толпа охранников, чтобы набить нам морды, значит, не сработало. А если будет тихо, значит, сработало.

— Мне такой метод проверки кажется слишком экстремальным, — проворчал Игорь.

— У Женьки все тестируется в боевых условиях, — вспомнив про излучатель против оборотней, сообщил я. — Но вообще-то, она профессионал. Да и выбора особого у нас нет.

— Гм... — Игорь покачал головой. — В твоей команде играют странные ребята!

— Не то слово. Ладно, надо двигаться, пока камеры в отключке. Вот эти прутья можно раздвигать.

Игорь вставил между прутьями домкрат, и через пару минут перед нами была дыра, достаточная, чтобы протиснуться не очень крупному человеку. Никто так и не прибежал, размахивая большой дубинкой, — Женька отработала свой номер на совесть.

Игорь проскользнул в образовавшуюся дыру и остановился, настороженно разглядывая парк.

— Ты это специально, да? — пропыхтел я обиженно вслед тощему приятелю. Мне пришлось выдохнуть и максимально втянуть живот, чтобы протиснуться. — А если обратно придется убежать?

— Вот и постарайся, чтобы не пришлось! — парировал Игорь. — Что с собаками?

— Уф-ф... — Я совершил последнее усилие и вылетел в парк, как пробка из бутылки шампанского. — Не видно. Я был прав — их не выпустят раньше, чем гости разъедутся.

— Ладно, будем считать, что пока нам везет! Дальше двигаемся перебежками.

Мы незамеченными добрались до черного хода. Дверь оказалась предусмотрительно заперта, но примитивный замок остановил меня ровно на полминуты. Игорь только покачал головой — то ли с уважением, то ли с осуждением.

Проникнув внутрь, мы прошли через коридор и оказались у двери в главный зал. Она оказалась открыта (видимо, чтобы не мешала официантам бегать на кухню и обратно), но отгорожена от зала ширмой.

Судя по плану, дом Келлера представлял собой обширное и запутанное строение. Из-за ширмы нам был виден только главный зал и кусочек холла, служившего прихожей. Похоже, гости туда попадали прямо от входных дверей. Там их встречали два охранника, а также некий напыщенный тип, которого я мысленно окрестил мажордомом. Отсюда гостей провожали в главный зал, занимавший большую часть первого этажа. Тут в основном и происходило коловращение приглашенных — официанты разносили легкие закуски и напитки, напротив входа, у стены, располагался бар, где бармен смешивал коктейли. Второй этаж опоясывал зал кольцевой галереей, оставлявшей в центре свободное пространство. Большинство комнат первого этажа были открыты для гостей: в них можно было полюбоваться шикарными коллекциями старинного оружия, картинам и даже собранием довольно уродливых авангардных скульптур. А вот на второй этаж доступ гостям был

закрыт: еще один охранник у лестницы, ведущей в галерею, вежливо разворачивал всех назад, объясняя, что наверху — личные покои хозяина дома. Коридор, в котором мы находились, выходил прямо под эту лестницу и скрывался за ширмой. Это явно было знаком фортуны — не желая привлекать внимание гостей к двери в чулан и подсобные помещения, Анатолий Германович обеспечил нам с Игорем возможность появиться в зале незаметно.

Дождавшись, когда в радиусе нескольких метров от нас никого не будет, мы с самым непринужденным видом вышли из-за ширмы и начали прогуливаться, изображая увлеченную беседу. Как и предполагалось, никто не придавал значения нашему появлению. Я беспокоился насчет своего затрапезного вида, но, оказалось, напрасно. В зале тусовались совершенно разные люди, в том числе и в весьма простецких нарядах. Обстановка тоже была вполне демократичной: если бы я не знал заранее, что это собрание оккультной секты, решил бы, что попал на обычную корпоративку. Никто не вырядился в балахон со звездами, не наблюдалось и согбенных стариков с крючковатыми носами, шепчущих под нос заклинания.

Некоторое время мы с Игорем бродили по залу, разговаривая о какой-то ерунде. Обошли все открытые комнаты, оценили богатство коллекций. Время близилось к полуночи, а Келлер все не появлялся. Игорь начал нервничать.

— Как думаешь, это так и запланировано или что-то произошло?

— Не дергайся. Видишь, гости не проявляют беспокойства. Не забывай, он не просто пригласил друзей повеселиться. Это — его «ученики», он обязан соблюдать некую дистанцию, иначе не будет должного уважения. Естественно, он появится в самый последний момент, продемонстрирует себя обожателям, проведет какой-нибудь идиотский ритуал и исчезнет. Черт!

— Что?

— Женька! Вон в дверях комнаты с картинами. Девушка с разноцветными волосами.

— Вижу. Спокойно, идем к бару, спрячемся за ним. Она не ожидает нас здесь увидеть и не будет специально выискивать. Просто нужно следить, чтобы не столкнуться нос к носу.

— Но ей может угрожать опасность! Надо поговорить с ней, пусть уходит...

— Ты с ума сошел? А если она поднимет шум? Судя по тому, что ты рассказывал, у нее характер тот еще!

— Черт, ты прав! О! А вот и Анатолий Германович... ну и клоун!

Раздался гул, переросший в рукоплескания и восторженные крики. Мы с Игорем незаметно ретировались за все ту же ширму. На балюстраду второго этажа торжественной походкой вышел господин Келлер. Сейчас он был в черной атласной мантии, скрывавшей его пузо и придававшей фигуре монументальную величественность. Позволив «подданным» насладиться своим видом, он торжественным шагом начал спускаться по лестнице. У последней ступеньки его уже ждали четыре прелестные девушки в полупрозрачных накидках. Встав на колени, они протянули к нему руки, словно в мольбе. Меня передернуло от проявления такой рабской покорности. Проклятье! Чем же он так воздействовал на всех этих людей, что он такое дал им или пообещал?! Глаза Келлера возбужденно блеснули — чувствовалось, что он наслаждается всеобщим почитанием. Небрежным кивком Анатолий Германович поприветствовал гостей и прошествовал сквозь толпу, увлекая всех к единственной двери, остававшейся все это время закрытой. По мановению пухлой ладони створки распахнулись. За дверью была темнота, которую подчеркивали висящие будто в воздухе свечи, образующие уходящий вниз коридор.

— Какая пошлость! — Я почувствовал одновременно разочарование и презрение. — Я еще понимаю, устраивать такие спектакли лет сто — двести назад, тогда это могло произвести впечатление. Но сейчас-то кого можно удивить само-раскрывающимися дверями и подвешенными на проволочках свечами?

— Сам видишь, публика в восхищении...

— Идиоты...

Двери закрылись за последним из гостей.

— Отлично! Теперь можно спокойно заняться поисками Алекса! — сказал я.

— Скорее всего, он в подвале.

— Скорее всего. Только на плане хрен поймешь, где вход в подвал. В чулане никаких люков или дверей я не заметил.

— Попробуем осмотреть все комнаты. Бери на себя правого охранника, а я левого.

— Правого от кого? — Но Игорь уже исчез. Я выругался. — Великолепно, мастер! Будет исполнено, мастер!

Я выбрал правого от себя и угадал. Правда, громила был изрядно выше меня ростом и шире в плечах, но на моей стороне были неожиданность и верный кастет. Игорь разделался со вторым охранником еще быстрее, вызвав у меня приступ черной зависти. К тому же его «клиент», в отличие от моего, сохранил товарный вид. Я удивленно заморгал — охранник просто спал, да еще и сладко похрапывал.

— Неумеренное увлечение бодибилдингом, — проворчал Игорь. — Почему-то считается, что чем больше на охраннике мяса, тем лучше он охраняет. Хотя на самом деле после достижения определенного объема мышцы начинают работать впустую, отбирая у мозга кислород. Вот я и лишил его на несколько секунд притока воздуха. Все остальное его мясо сделало само — погрузило мозг в спячку.

— Мастер...

— Пока нет. Мастер этого не допустил бы... — Он показал прокушенную до крови ладонь.

— Надо перевязать...

— Некогда. Потом продезинфицирую и перевяжу... Надеюсь, уколы от бешенства делать не придется.

— Эй! — Возглас за нашими спинами заставил меня подпрыгнуть. — Вы что тут делаете?!

— Колыбельные исполняем, — кивнул я на охранников. — А вот ты что тут делаешь?

Женька сердито насупилась:

— Должен же кто-то об Алексе позаботиться!

— И много толку было от твоего бегства? Хотя тебе удалось меня удивить! Я ожидал найти тебя в том же подвале, где держат Алекса.

— Я... — Женька смущенно замялась. — Я была осторожной.

— Это хорошо, — примирительным тоном сказал я. Расстелил на полу план особняка. — Может, ты лучше разбираешься в планах? Где тут вход в подвал?..

— Вход — из вот этой комнаты! — Женька уверенно ткнула пальцем в правое крыло особняка. — Там библиотека, а из нее потайной ход в подвал. Если Алекса еще... если... в общем, он должен быть там!

— Ничего с ним не сделали! — Я постарался произнести это максимально уверенно. — Келлер еще не знает, где завешание. Иначе давно бы явился в контору.

— А оно там? — Игорь удивленно посмотрел на меня. — Что же ты не сказал?

— Да... как-то к слову не пришлось, — пожал я плечами. — Да какая разница? Обменивать его на Алекса я буду только в крайнем случае. Келлер переступил все мыслимые рамки, и я хочу надрать его жирную задницу!

— Тогда хватит расслаиваться! — Женька целеустремленно двинулась в сторону библиотеки. — Стоя на месте, ты лишь дождешься, что тебе самому чего-нибудь надерут!

— Слушай, она мне кого-то напоминает! — поскреб в затылке Игорь.

— Нет, она не моя дочь! — Я последовал за девчонкой. — И не моя сестра. И вообще не родственница! И мы совсем не похожи!

— Ладно, ладно, я ж ничего и не сказал!

Библиотека у господина Келлера была шикарная! Собственно говоря, к библиотеке слово «шикарная» мало подходит. Оно как бы из другого мира. Шикарной может быть машина, норковое манто или даже женщина в норковом манто. Тем не менее к библиотеке Анатолия Германовича более всего подходило именно это слово. Толстые тома благородно поблескивали с полок кожаными корешками с золотым тиснением. Судя по их виду, книги

не то что не читали — их вообще никогда не брали в руки. Пройдя вдоль полок, я растерялся, не в состоянии понять, по какому принципу расставлялись книги. И лишь выйдя на середину комнаты и охватив взглядом все великолепие одновременно, я понял: их подбирали по гармоничному сочетанию цвета корешков и высоте переплета.

Середину комнаты занимал огромный стол, на одном конце которого тихо урчал компьютер с огромным плоским монитором, а на другом конце лежали какие-то гравюры. Одна из гравюр была распялена под устройством из увеличительного стекла и небольшого станочка. Стену за спинкой кресла занимало что-то вроде алтаря из черного камня, украшенного золотыми узорами. Стена за алтарем, покрытая светлой штукатуркой, была изрисована сложным узором из переплетающихся линий, прямых, овалов и каких-то символов.

«Ну-ка, подойди поближе. Дай мне рассмотреть!»

Я послушно подошел и уставился на каракули.

«Это и есть источник силы Келлера?»

«Да, точнее, часть его, — протянула Хайша. — А я-то уж было подумала... Келлер точно не маг. Он просто где-то раздобыл артефакт, изготовленный тeneвым магом. Думаю, это что-то небольшое и исполненное в виде амулета или предмета культа. Кулон, крест, возможно — кинжал, жезл или чаша. Что-то, чем можно манипулировать во время ритуала. Неважно, какого. Главное, чтобы при этом присутствовали верующие, внимание которых будет сконцентрировано на артефакте. Их вера и эмоции заряжают артефакт силой. После маг помещает его на этот алтарь, и начинает работать узор, передающий силу от артефакта магу».

«Магу?»

«Ну не обязательно магу. Это заимствованная сила, вроде той, что ты использовал в баре, когда разбрасывал кофейные зерна. Как мы и думали, Келлер не маг. Он может показывать свои фокусы, только пока артефакт обеспечивает его силой».

«Понятно. Обычный фокусник. Что, если я разрушу узор? Келлер лишится силы?»

«Наверняка. Но я бы не советовала делать это сейчас. Он сразу узнает, что в библиотеке кто-то есть. А кроме магии, у него есть еще с десятков вооруженных охранников, если ты не забыл».

— Ты что-нибудь понимаешь? — Игорь показал на разукрашенную стену.

— Нет, — пожал я плечами. — Да и не особо стремлюсь. Вся эта эзотерика-шизотерика — для слабых или глупых. Когда человек не способен добиться успехов в реальных делах, то выдумывает для себя мирок, в котором он — великий колдун, сдвигающий взглядом горы. А в реальности прячет от жены червонцы и боится ходить ночью по улице. Даже удивительно, что Келлер достиг таких успехов в бизнесе.

— Странно слышать такое от тебя.

— Я же сто раз объяснял: маги из Тени не имеют отношения ко всей этой бутафории! Они скорее ученые, просто предмет их науки такой... специфический. Ладно, сейчас это неважно. Надо найти вход в подвал.

Я принялся шарить по столу в поисках потайных рычажков или кнопок. Женька шагнула к компьютеру.

— Ого! Любопытно, — протянул Игорь, заглянув ей через плечо. — Оп-па! Ничего себе!

На экран транслировались картинки из разных комнат особняка — похоже, господин Келлер любил подглядывать за гостями. Но на этот раз мы сами невольно оказались в роли вуайеристов. В одном из окошек отображалось происходящее в той комнате, куда Келлер увел свою «паству». Я несколько секунд смотрел на экран, потом отвернулся, чувствуя, что краснею самым нелепым образом. Гости успели переодеться: мужчины надели черные мантии, как у Келлера, женщины стояли обнаженными. У всех в руках горели свечи. Посреди комнаты, в круге вырезанной на каменных плитах сложной фигуры из множества пересекающихся треугольников и квадратов, Келлер проводил ритуал. В одной руке он

держал кинжал, в другой — чашу с какой-то жидкостью, похоже, с вином. Выкрикнув какие-то слова (камера не передавала звук), Келлер погрузил кинжал в чашу, а потом вылил вино на алтарь. Алтарем служил грубо отесанный камень, на котором, бесстыдно расставив ноги, лежала голая девушка. Я не ханжа, но смотреть на последовавшее за этим продолжение, особенно в присутствии Женьки, было дико.

— Довольно банально придумано, — сказал я, пытаюсь скрыть смущение. — Как я и предполагал, он завоевывает адептов, играя на их самых примитивных инстинктах. Еда, спиртное, секс. Сейчас они выпьют вина, наверняка с подмешанным галлюциногеном, устроят групповуху, после чего вернутся к семьям, ощущая, что прикоснулись к чему-то необычному. Эффект маскарада.

— Что ты имеешь в виду? — Женька, без намека на стеснение, наблюдала за происходящим. О tempora, о mores, как говаривал старина Цицерон!

— В любом социуме быт людей жестко регламентирован рамками законов и традиций, — лекторским тоном пояснил я, продолжая изучать содержимое стола. — Эти ограничения почти во всех культурах подавляют естественные устремления человека. Природой заложено стремление иметь как можно больше сексуальных контактов — это разнообразит генотип, что повышает у потомков шансы выжить и дать новое потомство. Социум требует моногамии или как минимум ограничивает число партнеров. Человек стремится много есть, много спать и, по возможности, ничем себя не утруждать. Социум заставляет его работать, лень же и обжорство традиционно осуждаются. Как и одурманивание алкоголем или наркотиками — к чему человек также стремится. Ограничений еще много, но это — основные. Зажатый в их рамки, человек подсознательно чувствует себя несчастным, а если ограничений слишком много, в нем подспудно зреет бунт. Необязательно активный — человек может просто впасть в депрессию, потерять вкус к жизни, покончить с собой и так далее. Бунт психики. Поэтому почти во всех социумах проводились своеобразные карнавалы и мистерии — время, когда людям официально разрешалось нарушить социальные запреты и творить любые непотребства. Спускать пар. После чего люди возвращались к своему обычному существованию, которое уже не так сильно давило на них, и — до следующего карнавала.

— Но сейчас-то особых запретов нет, — возразил Игорь.

— Так только кажется. Современная цивилизация на словах объявила человека свободным, и соответственно карнавалы были выхолащены до обычных костюмированных празднеств. Но на самом деле человек сейчас зажат в социальные тиски гораздо сильнее, чем во времена Античности и даже Средневековья. А карнавалов — таких, чтобы с полным отрывом башни, — нет. Вернее, есть, но они не имеют статуса официально дозволенного, поэтому осуждаются общественной моралью, а такая мораль всегда имеет оттенок ханжества. Поэтому все секты, так или иначе, используют карнавалы — исконно карнавалы, я имею в виду — атрибуты для привлечения неофитов.

— Замечательно... — Игорь обнаружил какие-то провода под столом, и мы принялись искать, куда они ведут. — Но ты говорил, что Келлер действительно владеет магией?

— Да. К сожалению, духи — довольно бестолковые свидетели. Но я уже знаю, откуда у Келлера магические силы. Если понадобится, я легко вырву ему клыки. Но сначала надо Алекса найти.

— Вот... — Женька, закончив копаться в памяти компьютера, нажала «Enter». — Вход здесь.

Стена за алтарем легко отъехала в сторону, и за ней открылась лестница, ведущая вниз. Совершенно обычная. Лестница в каком-нибудь подъезде в спальном районе и то выглядит более зловеще. Во всяком случае, освещение здесь было яркое, а стены и ступени — чистые.

Тем не менее спускались мы осторожно, друг за другом. Не верилось мне, что Келлер оставил это место без защиты. Так и оказалось. Почти в самом низу лестницы, видимо, в расчете на то, что незваный гость решит, что все позади, и расслабится, нас поджидала ловушка. Даже теневое зрение мне не помогло бы — ифрит был заточен в притолоку и

выглядел, как темное пятно на штукатурке. Выдал его запах раскаленного металла. Почему, ощутив этот запах, я сразу подумал об ифрите? Знаю!

— Стойте на месте! — приказал я спутникам и бросился вверх по ступеням. — Даже не шевелитесь!

Когда мы обыскивали библиотеку, на глаза мне попался огнетушитель. Причем не маленький, типа автомобильного, а солидный баллон, какие обычно висят в государственных учреждениях и заводских цехах. Ну оно и понятно, библиотека же, если загорится, то пожар будет серьезным!

Но именно этот огнетушитель, в сочетании с запахом металла, и подсказал мне о ловушке. А теперь, заодно, поможет ее обезвредить!

Сбежав вниз по лестнице, я снял с огнетушителя пломбу и, перехватив увесистую красную колбу поудобнее, шагнул вперед. Раздался треск, словно рвалась прочная ткань. Из притолоки высунулась круглая лысая башка, увенчанная небольшими изогнутыми рогами и свиными ушами. Ифрит поморгал заспанными глазами, соорудил рассерженную физиономию и запыхтел:

— Эй! Ви кто такие, э? Зачем ходил-будил? Хана вам, э!

Втянув воздух, ифрит распахнул пасть, но дохнуть пламенем не успел. Я ударил предохранителем об пол и направил струю пены прямо в глотку джинна.

— Ва!.. Бла!..!!!!!!! — Гневный вопль сменился испуганным бульканьем и кашлем.

— Пошли быстрее! — Я бросил слабо сипящий огнетушитель и, с отмычками наперевес, подступил к двери в подвал. Увы, тут меня ждало серьезное разочарование.

— Проклятье!

— Что? — Игорь оказался рядом, сжимая в руках короткую пружинную дубинку.

— Замок со сканером отпечатков пальцев! Нет, ну кто ставит такие замки на подвал, а? У него там что, личный Форт-Нокс?

— Ты не можешь его открыть?

— Ну... могу, конечно. Всего-то и нужно, что привести сюда Анатолия Германовича и заставить приложить палец к этой пластине. В принципе можно даже обойтись одним пальцем Анатолия Германовича, если тот согласится с ним расстаться.

— Юмор у тебя... Отойдите-ка, братцы.

Игорь достал из кармана один из таинственных свертков, которые я заметил еще в машине.

— Ничего себе! — ахнула Женька и отступила на пару ступенек. Я последовал ее примеру, не отрывая взгляда от желтоватой пластичной «колбаски», которую Игорь щедро налепливал вокруг замка.

— Незаконное проникновение в частное жилище, незаконное хранение и использование взрывчатых веществ, — пробормотала девчонка, как мне показалось, восхищенно.

— Сейчас еще и причинение материального ущерба будет! — с лихой веселостью поддержал ее Игорь, отбегая от двери. — Ну-ка, заткнули уши, открыли рот...

Взрыв прозвучал не так внушительно, как бывает в кино, но ухнуло сильно. В воздух взвилось облако штукатурки, испуганно заверещал ифрит.

— Нашумел я малость, — извинился Игорь. — Сейчас охрана прибежит. Так что освобождай скорее своего напарника и сматываемся.

Дверь оказалась почти не повреждена — только вырвало кусок дубовой облицовки и покорежило металлическую основу возле самого замка. А вот замок полностью расплющило и вырвало из стены. Игорь остался охранять лестницу, а мы с Женькой вбежали в комнату. Алекс сидел на раскладушке у дальней стены. На первый взгляд он был цел, если не считать внушительного синяка под глазом и разбитой губы. Но глаза...

— Алекс! — испуганно вскрикнула Женька. Хотела дотронуться до его плеча, но застыла в нерешительности. — Что с ним?

Я приблизился, заглянул в глаза напарника. Ясно.

— Накачали чем-то, чтобы не буянил. Не бойся, если еще жив, значит, оклемается.

— Если они не ошиблись с дозой и не выжгли ему мозги, — проворчал из коридора Игорь.

Я погрозил ему кулаком и повернулся к девчонке:

— Ничего, Жень, ты не бойся. Мозги у Алекса трудно повредить — они у него крепкие! Прямо гранит!

Мои слова ее почему-то не очень утешили.

— Ладно, хватит болтать! — распорядился Игорь, прислушиваясь к доносящимся сверху звукам. — Похоже, они пытаются вломиться в библиотеку. Двери там добротные, а замок я заклинил на всякий случай. Так что минут пять у нас еще есть, но не стоит тратить их на причитания. Хватай своего друга и пошли!

Он был прав. Я взвалил Апекса на плечо и выбежал из подвала. На лестнице явственно слышались тяжелые удары в комнате над нашими головами.

— Эй! Постояль, э?

Я резко обернулся, пытаясь выхватить левой рукой револьвер и вместе с тем понимая, что против ифрита револьвер бесполезен, даже если заряжен серебряными пулями. На самом деле против ифрита бесполезно практически любое оружие.

«Фокс, ты идиот! Спрячь пистолет и дай мне с ним разобраться!»

«А что ты сделаешь ифриту?»

«Ифриты неуязвимы, но не вечны! Не мешай!»

Огненный джинн покачивался в воздухе рядом с треснувшей притолокой. Взрыв расколол камень, и ифрит освободился. Глаза у него были красные, изо рта шла пена, как у взбесившейся собаки. Увидев в моей руке револьвер, джинн замахал короткопалыми ручками:

— Эй, ни нада стрелят! Чиво нервный такой?

— А чего ты... это... того?

— Чиво? А-а-а... Кха! Кха-а! Тьфу... — Ифрит прокашлялся, выплюнул еще несколько комков пены и обиженно ответил: — Сам пена поил и смеешься? Злые вы, люди!

— Ну извини, — примирительным тоном произнес я. — Ты нас вообще сжечь хотел!

— Это я проснулся, — почесал лысину ифрит. — Я когда проснулся, всегда злой! И работа такой. Келлер-ага в камень посадил, стеречь приказал, понимаешь, э? Но теперь твоя камень разбил, моя освободись, э?

— Ну освободил... тьфу ты! Освободил. И что?

— Я с вами пошоль, э?

— Ой, да пошоль ты... куда хочешь! Игорь, Женька, некогда! Бежим!

Я первым побежал вверх по ступеням. На шаг позади меня мчалась легкими прыжками Женька, за ней — вооруженный дубинкой Игорь. Замыкал процессию ифрит, предающийся на лету планам на будущее. Краем уха я уловил, что сначала ифрита запечатал в кувшин царь Соломон и выбросил в море. Такое вот у царя Соломона было хобби. Кувшин выловил и распечатал какой-то рыбак, и для него благодарный джинн сотворил дворец, гору золота и гарем. На следующий день огненный джинн собрался развлечься сам, но его поймал странствующий суфий и опять запечатал в кувшин, поскольку считал ифритов порождением дьявола. Кувшин он унес в пустыню и там закопал. Однажды на кувшин наткнулся караванщик, и для него ифрит тоже построил дворец, создал гору золота и набрал огромный гарем. Джинн собирался хорошенько оттянуться, но на следующий день... Тут лестница закончилась, и мы не услышали продолжения истории. Впрочем, учитывая обстоятельства, при которых мы нашли ифрита, дальнейшие его приключения явно не отличались разнообразием. Мне даже стало жалко невезучего джинна.

Мы вбежали в библиотеку, и в тот же момент петли на дверях не выдержали. Створки рухнули внутрь, а вместе с ними — и несколько охранников, похожих на одетых в смокинги горилл. На полу образовалась матерящаяся куча.

— В окно! — рявкнул я, подавая пример сообщникам.

— Ты?! — удивленно вытаращился Келлер, вбежавший следом за охранниками. — Вставайте, идиоты! Взять...

Я сунул руку в карман:

— Эх, хотел приберечь... ну для хорошего человека ничего не жалко!

Я сжал цилиндрик в кулаке, почувствовал, как хрустнул предохранитель, и бросил к ногам Келлера. Тот шарахнулся прочь, но тут же застыл с выражением крайнего ужаса на лице. Тот же ужас, смешанный с недоумением, отразился и на лицах поднимающихся охранников.

— Ух, ты! — восхитилась Женька. — Это какая-то магия?!

— Нет, — буркнул я, — Химия.

В дверной проем заглядывали встревоженные гости. Увидев любимого учителя и вожда застывшим в странной позе, они тоже замерли, явно не решаясь что-либо предпринять.

Игорь шагнул было вперед, но я его удержал.

— Не надо.

— Вечно ты мямлишь! — прошипел Игорь. — Стоило бы проучить этого жирного недоумка!

— Не суйся, — предупредил я, открывая окно, — А то присоединишься к ним.

— Хм... а что с ними? Ты сказал — химия? Значит, газ?

— Угу. — Я вылез через окно на карниз. — Я сейчас спрыгну, а ты скидывай мне Алекса и девчонку.

— Я сама спрыгну! Я уже взрослая!

— Здесь пять метров и асфальтовая дорожка. Если сломаешь ногу, мне придется нести либо Алекса, либо тебя. Я двоих тащить не смогу, а Игорь будет прикрывать отступление. Не ставь меня перед трудным выбором: бросить обдолбанного напарника или раненую девушку! Ты же понимаешь, кого мне придется выбрать!

Не слушая возмущенных воплей девчонки, я спрыгнул. К счастью, вполне удачно. Поймал Женьку, потом Алекса. Потом вниз ртутной каплей по стене соскользнул Игорь.

— Все в порядке? Бежим!

От дверей особняка к нам уже мчались двое охранников, на ходу доставая оружие. Эти парни были явно из внешней охраны — одеты в униформу и сложены гораздо скромнее, чем выставочные экземпляры в доме. И — опаснее. Игорь метнулся им навстречу, подсек первого и, пока тот вспахивал лицом садовую дорожку, стремительно обработал дубинкой второго. Из-за угла появились еще два типа в униформе.

Я могу бесконечно смотреть на три вещи: горящий огонь, текущую воду и как другие дерутся. Но сейчас главная задача операции была выполнена, и следовало отступить без потерь. До забора мы добрались без помех, я протолкнул в дыру Алекса, Женьку, вылез сам, прислушался. От особняка доносились крики и, что уже хуже, собачий лай.

Бегом дотащив Алекса до машины, я запихнул его на заднее сиденье, усадил Женьку на водительское место.

— Машину водить умеешь?

— Ну... да... только с автоматом.

— Придется быстро переучиваться. Ничего сложного нет — просто перед тем как переключить передачу, не забывай надавить на вот эту педаль. А потом плавно ее отпускай. Я пошел на выручку Игорю. От собак даже ему не отбиться. Если через пять минут мы не появимся, уезжай!

— Ни за что!

— Доберешься до конторы, расскажешь все Кате, — игнорируя недовольный взгляд, продолжил я. — Закроется — и никого! Абсолютно никого не впускайте! Когда Алекс придет в себя, он скажет, что делать.

Я бросился назад, к дыре в заборе. Успел как раз вовремя — Игорь метался по саду метрах в пятидесяти от меня. Он бегал, подпрыгивал высоко в воздух, неожиданно падал на землю и перекатывался, уходя от собак. Тех было около десятка — здоровенные поджарые

доберманы. Метрах в ста от них стояли несколько охранников, не решаясь подойти к взбешенным неуловимой добычей собакам. Я достал излучатель и нажал клавишу. К счастью, на собак он подействовал так же, как раньше на оборотней.

— Черт! — прохрипел Игорь, пошатываясь от усталости, — Ты вовремя! Я совсем выдохся...

— Э! Уходить! — Над полем боя материализовался ифрит. — Совсем уходить! Я их придержаль!

— Уходим!

Мы поспешили к ограде. За нашими спинами раздалось завывание ифрита, полыхнуло сразу несколько взрывов подряд.

Выбравшись из парка, я отпустил рычаг домкрата, и прутья решетки сдвинулись. Не до конца, но достаточно, чтобы не пропустить охранников и собак. Впрочем, судя по тому, как разбушевало пламя, в ближайшее время нас никто преследовать не будет.

— Ранен? — спросил я Игоря.

— Так... пару раз куснули. Ничего, им от меня тоже досталось.

Женька встретила нас радостным визгом и с явным облегчением уступила водительское место Игорю. На выезде из поселка я вновь помахал через открытое окно приглашением, и нас выпустили, даже не заглянув в машину.

— Странно. Я думал, будем прорываться с боем.

— Обычная в таких случаях неразбериха, — пояснил я. — Никто не сообразил позвонить.

— А Келлер?

— Думаю, он сейчас слишком деморализован.

— Чем ты его угостил?

— В принципе это называется бинарное отравляющее вещество...

— Ты?! — взвилась на заднем сиденье Женька. — Ты что, рехнулся?!

— Спокойно, сестренка! — ухмыльнулся я. — С ним все будет в порядке! Ну-у, не совсем в порядке, но проблемы будут чисто психологические.

— Ты плохо знаешь Фокса, — поддержал меня Игорь. — Наверняка все отделались легким испугом. Он выглядит грозно, на словах циничен и груб, но в глубине души — мягкий и добрый.

— Гм... — Вообще-то я не ожидал такой характеристики. — Я просто не вижу смысла в жестокости, если без нее можно обойтись. Алекса мы спасли, ушли все живыми и почти здоровыми. Даже ифрита освободили, хотя, судя по его прошлому, это ненадолго. И даже секту Келлера развалили походя.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну... этот газ разрабатывался в рамках программы «Гуманное оружие». У меня есть знакомый изобретатель, который работал в сфере военной промышленности. Он занимался разработками оружия нового поколения — его называют гуманным, потому что противника не убивают, а только обезвреживают. Потом их лабораторию прикрыли, и этот парень начал сам такие игрушки мастерить и продавать надежным клиентам. Ну всякие там гранаты, выбрасывающие липкую сеть, усыпляющие газы. Вот в той гранате был похожий газ. Очень сильное слабительное мгновенного действия. Когда у человека жуткое расстройство кишечника, ему совсем не до войны становится.

— Значит, Келлер там... — Лицо Игоря вытянулось. Видимо, он вспомнил, что сам чуть не сунулся в газовое облако.

— Угу. И он, и охранники, и некоторые гости, оказавшиеся в радиусе действия. Поэтому они все и замерли. Не знаю, сколько они смогли зажиматься, но явно не очень долго. Не думаю, что у учеников сохранится уважение к великому магу, обделавшемуся у всех на глазах.

— Жуть, — покачал головой Игорь. — Беру свои слова обратно. Ты можешь быть жесток. Лучше бы ты его убил! Теперь он не успокоится, пока не отомстит!

— Да и хрен с ним! — отмахнулся я. — Келлеру придется встать в длинную очередь. Одним мстителем больше, одним меньше!

Конечно, я немного рисовался. Совсем чуть-чуть. Меня и в самом деле сейчас гораздо больше беспокоили соратники, нежели мстители.

Ретроспектива

1735 год. Усадьба Глинки

Старик за письменным столом дописал последнюю строку и отложил перо, устало прикрыв глаза. Он всегда много работал, иногда не выходил из кабинета по нескольку дней, но в последние годы стало подводить зрение, да и силы уже не те... Неслышной тенью рядом с креслом возник слуга с подносом.

— Опять? — проворчал Брюс, неведомо как с закрытыми глазами ощутив его присутствие. — Только недавно ведь принимал...

Слуга, все так же молча, склонился в глубоком поклоне, но подноса не убрал. Кряхтя, Брюс выпрямился в кресле, взял маленькую серебряную рюмочку, поморщился и залпом выпил густую темную жидкость, а затем немедленно запил ее водой из большого бокала и несколько раз прополоскал рот остатками.

— Господи... ну и отрава!

Слуга принял из дрожащей руки бокал и исчез так же неслышно, как и появился.

Старик прислушался к внутренним ощущениям и удовлетворенно кивнул головой. Еще пару месяцев он протянет, а значит, успеет завершить все дела. Собственно, большая их часть уже завершена: нужные приготовления выполнены, письма подписаны и отправлены. Даже огромная библиотека рассортирована и распределена между разными людьми — те книги, разумеется, кои этим людям не повредят.

События последних лет подорвали веру Брюса в разумность рода человеческого, а потому самоубийственные знания, что ему удалось собрать, никому нельзя было доверить. Особенно — рабочие дневники. Получив в свое полное распоряжение Либерию, Брюс скоро понял, что древние книги, хоть и хранили интересные знания, во многом устарели. Высказывания древних авторов нуждались в переоценке, открытия механиков — в доработке, озарения магов и ученых — в переосмыслении. Нет, они не были бесполезны: так, придуманный еще греческими жрецами механизм, работавший от падающей воды, позволил Брюсу создать прекрасные фонтаны, а из римских дневников он почерпнул идею, как до середины лета сохранить лед на пруду в своей усадьбе, чем немало подивил гостей. Были и более полезные изобретения, но о них Брюс никому не рассказывал, доверяя лишь книге, которую писал все эти годы. Теперь пришло время позаботиться о том, чтобы эта книга не попала в недостойные руки. Брюс позвонил в колокольчик, вызывая слугу...

— Почему бы хозяину просто не уничтожить ее? — Раскосые глаза на желтоватом лице слуги смотрели абсолютно бесстрастно.

— Уничтожить труд всей моей жизни? — Яков Вилимович удивился, но не особо — своего слугу он знал очень давно и привык к его странному образу мыслей.

— Многие великие мужи моей страны так поступали, — пожал плечами слуга. — Это прекрасный завершающий штрих, делающий произведение искусства совершенным.

— Гм... Очень интересная мысль. — Брюс усмехнулся, — Но мне все же хотелось бы сохранить эти записи для потомков. Когда-нибудь люди будут готовы принять мои знания без вреда для себя. Я хочу, чтобы меня помнили... Как видишь, я не свободен от тщеславия.

— Это тоже достойное желание, — сдержанно одобрил слуга. — Я сочту за честь выполнить вашу волю.

— Хорошо. — Брюс протянул ему лист бумаги и небольшую книжку: слуга узнал новый томик, недавно купленный по заказу его сиятельства в Москве. — Вздорная книжка, аббату не следовало так вольно обращаться с Цицероновыми сочинениями! Впрочем, бог ему судья. Главное, что даже если этот экземпляр потеряется, тебе не составит труда

раздобыть новый. При помощи его ты всегда сможешь разгадать вот это мое послание. Здесь точно указано, где спрятаны мои рабочие дневники. Для постороннего же человека это будет выглядеть обычным завещанием. Ты еще молод и, я верю, застанешь времена, когда знания сии будут использованы только во благо.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Несмотря на поздний час, Едвиг Константовна пребывала на боевом посту — на лестничной площадке. Готов поклясться, она поджидала меня специально, чтобы уличить в очередном непотребстве и окончательно заклеить позором. Не знаю уж, что ей за удовольствие в этом. Однако, увидев меня с Алексом на руках, в сопровождении мрачной Женьки и кривящегося от боли в прокушенной ноге Игоря, соседка потеряла дар речи и ретировалась в квартиру. Даже не хочу представлять, что она подумала.

Женька открыла дверь, я прошел в комнату, торопясь уложить Алекса на диван, и застыл. Когда в лоб смотрит дуло пистолета, а у тебя обе руки заняты бесчувственным телом напарника, тут не до героических выходов. Даже если пистолет держит дряхлый сморчок, едва достающий тебе до плеча. Вот уж, воистину, господин Кольт уравнил шансы!

Вошедшие следом Игорь и Женька тоже замерли.

— Здравствуйте, Густав Карлович, — с вежливой иронией произнес я. — Знаете, никогда бы не подумал, что увижу вас с пистолетом в руке!

— Ах, милейший Виктор Олегович, что же делать? Живя в волчьей стае, поневоле приходится примеривать на себя поведенческие стереотипы данной страны.

— Вик! Ты что, знаешь его?! — пискнула Катя.

— Господи, ну зачем же ты ихпустила?!

— Этот тип сказал, что он пришел за Ми-ми.

— За Ми-ми? — Я посмотрел на свинодракона, спокойно сидевшего у стола. — Черт!

— Вик, прости!

— Тихо, не дергаться! — рявкнул Орлов, также присутствовавший в комнате. Он стоял за спиной Смеянова, левой рукой прижимая к себе Катю, а правой держал у ее горла опасную бритву.

«Ну что? — обратился я к Хайше. — Вот сейчас твоя помощь мне не помешает».

«Подожди!»

«Проклятье! То ты лезешь мне помогать, когда не нужно, а когда нужно...»

«Подожди, я говорю! Иначе пропустишь самое интересное! У тебя есть шанс узнать правду. Если ты хочешь ее знать, конечно!»

— Мразь, — прошипел я сквозь стиснутые зубы, глядя на Орлова. — Только попробуй! Сам будешь просить добить тебя!

— Вы не в том положении, милейший, чтобы угрожать! — усмехнулся Густав Карлович, — Так что не будем тратить время... Эй! Стой!

Женька неожиданно развернулась и выскочила вон из комнаты. Я услышал, как хлопнула входная дверь.

— Вот и все. — Я продемонстрировал Смеянову обаятельную улыбку. — Скоро здесь будет милиция. Советую отпустить девушку и поспешить убраться до их приезда!

— Это вам придется поспешить, — не теряя самообладания, возразил Смеянов. — Отдайте завещание Брюса, или Альберт сделает девушке художественную роспись по коже.

— Ничего он ей не сделает. Иначе вам придется меня убить. Потому что если мне представится шанс, я убью вас.

— Мне будет очень неприятно это делать, но...

— Не забывайте — остался свидетель!

— Свидетель чего? — усмехнулся Смеянов. — Девочка понятия не имеет, кто я такой. В столице, конечно, не так много Густавов Карловичей. Хорошее имя, запоминающееся. Но, видите ли, на самом деле меня зовут не так.

— Действительно. — Я перевел взгляд на Орлова, — Альбертик, ты хоть понимаешь, что это значит для тебя?

Орлов недоуменно уставился на меня. Он явно не понимал.

— Девочка про него действительно ничего не знает. Но про тебя-то она знает все! А ты кое-что знаешь про Смеянова. Так что тебя он тоже спишет.

Орлов явно не был титаном мысли. Пока он обдумывал мои слова, Смеянов шустро переместился в угол комнаты, так чтобы держать под прицелом и нас с Игорем, и Орлова с Катей.

— Я... Густав Карлович?!

— Извините, Альберт Виленович, но наш договор придется расторгнуть. Ничего личного, но, сами видите, обстоятельства вынуждают. Фокс, хватит валять дурака, отдавайте завещание. Или я начну с того, что прострелю вашей девушке живот.

Я шагнул к дивану, аккуратно положил не реагирующего на окружающее Алекса, которого все это время держал на руках. Выпрямился и медленно потянулся к внутреннему карману:

— Завещание у меня при себе. Я достану его медленно, не стреляй.

— Не буду, не беспокойтесь. Главное, не пытайтесь выхватить револьвер и устроить тут сцену из вестерна, — предупредил меня Смеянов. — Я все равно успею выстрелить первым... Что?!

Я обернулся в сторону коридора, услышав, как заскрипел пол под тяжелыми уверенными шагами.

Мы с Игорем переглянулись. Для милиции было как-то слишком быстро.

В комнату, понуро повесив голову, вошла Женька. Следом, мгновенно заполнив собою все помещение, дирижаблем вплыл Келлер в сопровождении двух вооруженных охранников.

— Так-так-так, — пропыхтел он. — Прямо встреча старых друзей какая-то!

— Привет, засранец! — не удержался я.

— А вот фиг тебе! — Анатолий Германович резво продемонстрировал мне увесистый кукиш. — Сила воли побеждает телесные слабости! К тому же у меня сейчас курс лечебного голодания. Но вот моих сотрудников и гостей ты очень огорчил! Ну что это в самом деле за клоунаду устроили? Ворвались в дом, испортили дорогой, между прочим, замок, испоганили парк, напугали гостей! Теперь ты просто обязан отдать мне завещание, иначе я обижусь! А обидевшись, я могу здорово испортить тебе жизнь!

— Эй, я пока еще здесь! — проскрипел из своего угла Смеянов. — И вы все у меня на прицеле!

— Не говори глупостей, Феня, — отмахнулся Келлер, — Слишком много целей у тебя. Попробуй только дернуться, и мои мальчики тебя на куски порвут.

— Феня?!

— Ну да. Он представился, наверное, как-то иначе? Так вот, на самом деле его зовут Феня. Фенил Федотович Бобриков. Папаша его был большим оригиналом — решил дать имя сыну не по святцам, а по словарю Брокгауза.

— Заткнись! — лицо Смеянова-Бобрикова перекосило от злости. — Жирный каплун! Вор!

— И кто мне это говорит?! — воздел очи горе Келлер. — Библиотечный воришка обвиняет меня в воровстве!

— Библиотечный воришка? — переспросил я.

— Феня хорошо известен в кругу библиофилов, — любезно пояснил Келлер. — Особенно тех, у которых гибкая мораль. Раньше Феня устраивался на работу в большие библиотеки и тырил редкие книги из фондов. А потом сбывал на подпольных аукционах.

— Их бы там все равно сгноили! Или потеряли!

— Да, а ты у нас просто благотворитель и меценат!

— Слушайте, может быть, вы покинете мою квартиру и выясните отношения на улице? — без особой надежды предложил я. — А то у меня дел полно. Моему напарнику,

например, «скорую» надо вызвать...

— Стоять! — Келлер навел на меня трость. — Чтобы ты знал — это ружейный ствол. В рукояти, правда, всего один патрон. Но тебе этого хватит.

— Понял. Нет так нет.

— Если понял, гони завещание.

Я достал из кармана завещание, но отдавать его не спешил.

— Анатолий Германович, не ответишь на один вопрос?

— Хм?

— Мне просто интересно стало. Зачем ты вообще ввязался в это дело? Ты ведь бизнесмен. Зачем тебе все эти игры в магию?

— Что бы ты еще понимал! — презрительно скривил губы Келлер. — Я и бизнесом-то занялся, только чтобы магией заниматься!

— Но у тебя нет теневой крови! Любой маг Тени легко превзойдет твои фокусы!

— А мне много и не нужно! — возразил Келлер, — Не знаю, про какую тень ты говоришь и про каких магов. Но, получив кинжал... да, я готов допустить, что есть настоящие маги, куда сильнее меня. Только вот про них никому ничего неизвестно! А моих, как ты выразился, фокусов людям достаточно, чтобы поклоняться мне!

— И это все? Поклонение — все, что тебе нужно? Но это же замкнутый круг!

— Я что-то упустил? — встрял Игорь.

— Келлер где-то раздобыл артефакт, преображающий энергию веры людей в магическую силу. Тот кинжал, который ты видел в библиотеке. Артефакт слабенький, даже сильного всплеска эмоций и истового поклонения нескольких десятков людей во время ритуалов хватает максимум на то, чтобы воспарить над полом, вылечить не слишком тяжелые болезни и все в таком духе. Этих чудес достаточно, чтобы убедить паству в магической силе Келлера, и они продолжают поклоняться ему. И так по кругу.

— Но это бессмысленно!

— Я об этом и говорю.

— Зато приятно, — честно признался Келлер. — Вы просто не испытывали этого на себе! Когда тебя ждут десятки людей! Смотрят на тебя обожающими глазами! Готовы за тебя в огонь и в воду... Э, примитивы, вам этого не понять!

— Ну а зачем тебе тогда завещание?

— Разумеется, чтобы найти библиотеку!

— Но библиотеки не существует! — подала голос Женька. — Ты же историк! Ты должен знать, что библиотека Ивана Грозного — миф! Вернее, не миф, но ее просто рассредоточили по разным российским библиотекам. В той же Ленинке книги из собрания царя...

— Дура! Сколько раз тебе говорил, не лезь во взрослые разговоры! С чего вы все решили, что мне нужна библиотека Грозного? Мне нужна библиотека Брюса!

— Точнее, нам нужна всего одна книга из его библиотеки, — подал голос Феня.

— Нам? — Анатолий Германович презрительно посмотрел на старичка. — Нет уж, Феня. Обломись теперь. Я тебе предлагал честное сотрудничество, а ты меня решил кинуть. Человечка моего сманил. Дрянь, конечно, человечешко — не жалко, забирай. Но вот обмана я тебе не прощу.

— Честное сотрудничество?! — взвился Феня. — Честное?! Это завещание — мое! И библиотека моя! Я просил всего лишь историческую справку! А ты украл мою находку!

— Ой-ой, можно подумать, тебе все это по наследству досталось! Ведь ты сам эти книги украл! Сознайся! Ну откуда у Фени Бобрикова рабочий дневник Брюса? Да если бы не я, ты загнал бы его за копейки и даже не понял, какую ценность держал в руках! Ты же урка!

— А ты — крыса! У своих ворует!

— Да какой ты мне свой?! — фыркнул Келлер. — Да если бы ты даже нашел Черную Книгу, то не знал бы, что с ней делать! Тут нужно специальное образование и мозги получше твоих! Я предложил честную сделку: я помогаю тебе найти Черную Книгу, мы делаем

эликсир в моей лаборатории, и все участники получают долю от его дальнейшего использования. Но тебя жадность обуяла, Феня! Тупая жадность. Захотелось из мелких уголовников вылезти в дамки. А вот тебе... — Анатолий Германович вновь продемонстрировал кукиш. Видимо, этот жест был его любимым. — На моем горбу в рай еще никому не удавалось въехать! Либо равные доли, либо ничего! Тебе — ничего! Черную Книгу я теперь и без тебя найду! Я сам все сделаю и организую. И тогда ты приползешь ко мне, умоляя продать тебе эликсир...

— Мастер! — неожиданно вмешалась в их перепалку Катя. — Вы же говорили, что это для всех? Что мы откроем формулу всем желающим бесплатно? Чтобы все люди были счастливы...

— Что? — Феня и Орлов переглянулись.

— Катя? — Я предполагал что-то в этом роде, но не желал верить до конца. Катя покраснела, пряча глаза. Мне пришлось опереться о стол руками — ноги подкашивались. Давно мне не было так больно.

«Фокс... мне очень жаль».

«Ты знала?»

«Догадывалась. Но ты бы мне все равно не поверил, вот и пришлось ждать, чтобы ты увидел своими глазами. Прости».

«Ничего. Сам виноват. Пора бы привыкнуть, что в этой жизни чудеса, если и случаются, то исключительно скверные».

— Мастер? — еще раз спросила Катя, пытаясь заглянуть Келлеру в лицо.

— Заткнись! — со смесью злости и смущения ответил Анатолий Германович.

— Бесплатно?! — переспросил девушку Феня и издевательски засмеялся. Орлов вторил ему каким-то кашляющим стариковским хехеканьем. — Бесплатно?! Девочка, тебя в детстве головой об пол не роняли? Бесплатно... ну ты только подумай...

— Мастер? — жалобно повторила Катя, — Вы же говорили!.. Вы сказали, что наш орден наконец сможет совершить то, для чего и предназначен! Что мы принесем людям бессмертие и вечную молодость — всем, бесплатно...

— Я сказал тебе — заткнись! — вконец обозлившись, рявкнул Келлер.

— Э-э-э! Прошу прощения. — Я поднял руку, как примерный ученик на уроке, — Может быть, кто-нибудь снизойдет и объяснит мне, о чем вообще речь?

— Речь идет о Черной Книге, — сказал Игорь. — В ней содержатся все секреты Якова Брюса.

Я поднял над головой завещание Брюса, помахал им.

— Так объясните мне, убогому, что такого важного в этом завещании? Что вы все за ним гоняетесь?

— Это тайное завещание Якова Брюса, — ответил Игорь. — По решению Петра Первого Брюс до конца жизни был хранителем того, что называли библиотекой Ивана Грозного. Впрочем, не только хранителем. Он оказался единственным, кто сумел прочесть и творчески осмыслить древние книги. Это был великий ученый. Он составил Черную Книгу — на самом деле, конечно, он ее так не называл. Это уже после его смерти народная молва признала его колдуном, ну а какой же колдун без Черной Книги? Так и прилипло дурацкое название... Вот за этой самой книгой они и охотились.

— Не за библиотекой? За одной книгой?

— Да. Дело в том, что Густав Карлович, буду называть его так, раз ему нравится, жаден сверх всякой меры, — ответил мне Игорь. — А Анатолий Германович — трус. Анатолий Германович очень боится смерти. Оно и понятно — судя по совершенным грехам, ждет его жутковатое посмертие, причем, согласно законам любой религии: либо раскаленный ад христиан, либо ледяной ад язычников Севера, либо реинкарнация в виде таракана или другой мерзкой твари. Как тут не испугаться? А в Черной Книге якобы содержится рецепт эликсира вечной молодости. Вот он и обрадовался... А на радостях неосторожно предложил Густаву Карловичу совместно изготавливать эликсир. Келлеру, собственно, деньги не очень нужны.

Он их заработал столько, что до конца жизни потратить не успеет... Тем более что конец неумолимо приближается и все отчетливее дает о себе знать, ведь так, Анатолий Германович?

— Ты мне не каркай тут... тоже мне, пророк, блин... — злобно сверкнул глазами Келлер. — Я еще вас всех переживу!

— А Густав Карлович, наоборот, смерти не боится, — не обращая больше внимания на Келлера, продолжал Игорь. — У него для этого слишком скудная фантазия.

Зато он очень любит деньги. Просто молится на них. Поэтому сразу сообразил, какой спрос будет иметь такой эликсир. Даже если он не даст реальной вечной молодости — господин Смеянов в чудеса не особо верит, — все равно прибыли от продаж будут исчисляться миллионами. И эти миллионы Густав Карлович ни с кем не собирался делить. Поэтому он встретился с деловым партнером Анатолия Германовича, с господином Орловым, и поговорил с ним тет-а-тет. Как ты заметил, господин Орлов не отличается умом, да и в чудеса тоже не верит, так что, можно сказать, он обрел в Фене... простите, в Густаве Карловиче, родственную душонку. И легко согласился предать своего покровителя за... думаю, за двадцать процентов прибыли?

— Пятнадцать, — хмуро вякнул Орлов. Катю он давно отпустил, и та сидела на корточках, закрыв лицо руками.

— И что ты должен был сделать за это, Иуда? — с искренним интересом пропыхтел Келлер. — Кроме того, что сливал информацию этому убогому?

— Он украл вашу дочь, — кивнул я в сторону понурившейся Женьки.

— Ты поднял руку на мою дочь?! — Келлер бросил на Орлова такой взгляд, что тот вжался в стену. — Сгною, урод! Заживо сгною!

— Когда ты догадался? — тихо спросила Женька.

— Подозревать я начал, когда ты так уверенно рассказала про охранников Келлера. Что, мол, они постоянно сидят в Интернете и компьютер у них заражен по самые уши. Но я подумал, что ты просто следила за Келлером еще до нашей встречи по каким-то своим причинам. Ты ведь явно что-то скрывала. Но потом я увидел тебя в особняке. Я-то ожидал найти тебя запертой в подвале вместе с Алексом, но ты свободно разгуливала по дому. Как ты могла попасть туда? Навыки взлома базы данных не помогут, если надо проникнуть в хорошо охраняемый особняк. Тебя пустила охрана, знавшая дочь хозяина в лицо. Потом ты сразу подсказала, что вход в подвал находится в библиотеке. Я пользовался тем планом, который ты закачала на мой ноутбук — на нем такой информации нет. Ну и наконец Келлер тебя узнал.

— Когда?

— Когда он вбежал в библиотеку, то удивился и крикнул «Ты?!». Но ведь Келлер не знал в лицо ни меня, ни Игоря. Очевидно, что он имел в виду тебя. И отчество твоё — Анатольевна. Несложно сопоставить. Так что, когда Келлер отчитал тебя за то, что лезешь во взрослые разговоры, меня это уже не удивило.

— Прекрасное владение логикой и наблюдательность, детектив, — усмехнулся Келлер. — Жаль, что ты не работаешь на меня!

— Нет уж, я счастлив, что не работаю на тебя!

— Предрассудки, — пожал толстяк плечами. — Значит, этот хмырь похитил Женю, а вы ее освободили?

— Случайно, — честно признался я. — Орлов встретил ее на дороге между особняком и воротами. Думаю, это была импровизация. Ведь Женя не живет с вами?

— Нет, — проворчал Келлер. — Мы с ее матерью развелись сразу после ее рождения. Но я всегда относился к ней хорошо! Она приходила в мой дом, когда хотела... Только всегда все заканчивалось очередным скандалом! Она совершенно неуправляема!

— Да ты сам!.. — тут же взвилась Женька.

— Значит, в тот день ваша встреча, как обычно, закончилась ссорой, — не обращая внимания на возмущенные вопли девчонки, продолжил я. — Женька ушла пешком, от злости

не видя, что происходит вокруг. А господин Орлов, ехавший к вам по какому-то делу, заметил девочку и решил сыграть ва-банк. Человек он взрослый, регулярно занимается спортом, так что подкрасться сзади и оглушить Женьку для него не составило труда. Поскольку охрана на въезде в поселок видела его джип, он решил подстраховаться и заехать к вам, якобы по делу. Женька лежала связанной на заднем сиденье джипа. Рискованно, конечно, но, с другой стороны, стекла тонированные, да и не в привычках обитателей Липового Цвета заглядывать в чужие машины. Орлов не стал заезжать внутрь твоего поместья — отговорился, видимо, тем, что заскочил на минуточку.

— Да, было такое.

— Оправдав таким образом свое посещение Липового Цвета, он вышел за ворота и тут-то обнаружил, что джипа нет. Готов поспорить — его тогда здорово скрутило от страха! Совесть-то нечиста! Наверняка первой мыслью было, что охранник все-таки заглянул в джип и нашел там связанную дочь хозяина!

— Да, выглядел он тогда жалко, — с удовольствием вспомнил Келлер. — И очень не хотел, чтобы я звонил в милицию. Я решил, что у него в машине оружие или кокс. А он вот, значит, чего боялся...

— Да. Я случайно сорвал похищение и спрятал Женю у нас в конторе. Второе сильное потрясение господин Орлов испытал, когда пришел переговорить со мной и встретил здесь Женьку. Я подумал тогда, что его сразила ее прическа, но на самом деле он испугался разоблачения. Но Женька не видела похитителя — тот напал сзади, а потом натянул ей на голову мешок. Благодаря своему таланту девчонка накопила на Орлова массу информации, в том числе и о том, что он — ваш помощник. Но вот о встрече Орлова и Смеянова и о предательстве Альберта Виленовича она знать не могла — в Интернете об этом ничего нет. Что еще раз подтверждает — без методов, проверенных временем, не обойтись!

— Можно подумать, твои проверенные методы тебе помогли, — ехидно возразила Женька.

— Нет, для меня Смеянов тоже оставался вне поля зрения, — признался я. — Он, правда, встретился со мной один раз, чтобы прощупать почву. Но я слишком торопился, и разговор не состоялся. А в основном он предпочитал действовать через Орлова.

— А вот я узнала, что кафе «Угол» принадлежит Смеянову. Но ты мне и слова не дал сказать!

— Ну извини, — развел я руками. — Это ты у нас гений, а я иногда ошибаюсь. Бывает и так. Тем более что это знание уже ничего не изменило бы. Вернемся, однако, к нашим баранам. Альберт Виленович встретился с моим напарником и предложил ему выступить посредником в деле выкупа завещания Брюса. Думаю, это Анатолий Германович, прочитав дневник Брюса, решил, что завещание поможет найти и остальную библиотеку. В том числе и пресловутую Черную Книгу. Я прав?

— Эти идиоты в жизни бы не догадались изучить дневник, — самодовольно заявил Келлер. — Феню интересовало только, кто автор дневниковых записей и за сколько это можно продать. Я прочитал дневник! Я понял, что за сокровище оказалось в моих руках! Мне стало ясно, что книги, попавшие к Фене, — лишь часть библиотеки Брюса. И когда прошел слух, что на аукционе выставлено завещание Брюса, только я понял, что это — шанс отыскать всю библиотеку!

— Вы поручили Орлову выкупить завещание. Но к этому времени Орлов уже столкнулся с Густавом Карловичем. И Орлов сделал вид, что не сумел попасть на аукцион. А сам тем временем поручил выкупить завещание Алексу. Смеянов предвидел, что никто на аукционе не примет всерьез завещание Брюса, и смог выделить достаточно денег.

— Болваны! — Анатолий Германович по очереди смерил Орлова и Смеянова презрительным взглядом. — Такой план испортили! Ну и куда вы влезли со своей убогой самодеятельностью?!

— К вашему несчастью, — продолжил я, — Алекс далеко не дурак. Он сразу почуял, что с клиентом что-то нечисто, спрятал завещание Брюса в конторе, а сам начал

параллельное расследование. Единственную глупость он совершил, ничего не сказав мне. Скорее всего, не был уверен в своих подозрениях. Орлов не смог связаться с Алексом и решил, что вы его выследили и перекупили завещание. Именно тогда Смеянов и придумал похитить вашу дочь, чтобы потребовать в качестве выкупа эту чертову бумажку. Однако похищение не состоялось, зато Орлов встретил Женьку в нашей конторе и окончательно уверился в своих подозрениях. Он на ходу сочинил нескладную сказку о старинной библиотеке, принадлежавшей его роду, и украденных книгах. Вернее, даже не сочинил, а пересказал реальную историю. Только вот библиотека принадлежала совсем другому человеку, а эту историю Орлов узнал от Густава Карловича, который книги-то и украл. В общем, я не удивлен, что Алекс заподозрил обман. Мне тоже было трудно поверить в байку про библиофила, который небрежно пожертвовал редким документом и к тому же не читал Данте. Впрочем, нельзя судить Альберта Виленовича слишком строго, он врал с одной-единственной целью — убедить вас, что ищет по глупости упущенное завещание.

— Я ему поверил, — признался Келлер. — Когда он приехал ко мне в офис и рассказал, что нанял сыщиков для поиска завещания, я подумал, что он искренне пытается исправить ситуацию. Конечно, попытка была глупой, но от Орлова я ничего умного и не ожидал. Да и не до того мне было!

— Но слова Орлова все-таки проверили и, разумеется, легко выяснили, что «поддельное завещание» приобрел Алекс. Вы решили, что мы хотим сами сорвать куш. А тут еще Катя сообщила вам, что некто Виктор Фокс интересуется делами фирмы. Я даже заподозрить не мог, что она является вашей последовательницей. Здорово же вы задурили ей голову! Изображали благодетеля, заботящегося о человечестве...

— А разве не так? — ухмыльнулся Келлер. — Я бы поделился рецептом со всеми желающими!

— Со всеми, кто сможет заплатить!

— Если человек действительно чего-то желает, он найдет деньги! А лохам вечная молодость не нужна — они и обычной-то жизнью не умеют правильно распорядиться!

Катя сжалась еще сильнее и заплакала.

— Вы приказали Орлову похитить Алекса, и он не посмел ослушаться. Но тут вас ждал облом — справиться с человеком, в жилах которого течет теневая кровь, Орлов мог только одним способом. Он вколол Алексу наркотик. Однако воздействие наркотиков на человека с теневой кровью непредсказуемо. На самом деле повезло и Алексу, и вам. Наркотик не убил его, что вполне могло произойти. Но в нем могла пробудиться такая агрессия, что вам бы не поздоровилось. Вы просто не представляете, на что способен обдолбанный теневой маг. Но, к счастью, Алекс просто мирно проспал все это время. Вы не смогли его допросить и оставили на потом — традиционная встреча с последователями была важнее, поскольку артефакт, не получив очередной подпитки, оставил бы вас без магической силы. Но «потом» не состоялось — подросла кавалерия в лице меня, Игоря и, как ни удивительно, вашей собственной дочери.

— Все это очень интересно, — хмыкнул Келлер. — Я узнал много нового. Однако не пора ли отдать мне завещание? У меня, знаешь ли, рука устала и начинает дрожать. Как бы чего не вышло.

— И вы готовы пойти на убийство ради вот этого? — Я посмотрел на листок бумаги в своей руке, потом на Келлера и Смеянова. — Ради вот этой сказки? Да вы чокнутые, парни!

— Это не сказка, — возразил Келлер, — О Якове Брюсе еще при жизни ходили легенды. И в этих легендах больше правды, чем выдумки. Отец его был великим магистром Шотландской Ложи — он ведь был шотландским королем. Если бы не Кромвель... Впрочем, это как раз и хорошо — из-за Кромвеля отец Брюса бежал в Россию. А сам Яков получил посвящение, когда уже взрослым ездил в Англию по государственным делам. Так что все это не из пальца высосано. Яков Брюс был величайшим магом своего времени: иначе, думаешь, с чего бы Петр Первый так его приблизил? Он унаследовал все тайны Ложи! Кому, как не ему, было суждено стать хранителем либерии? Кто, как не он, мог проникнуть в тайные

знания египетских жрецов и греческих магов? Мы по капле собираем то, что у него всегда было под рукой...

— Какая несправедливость! — заметил Игорь. — Действительно, владел таким секретом и умер, хоть и в почтенном возрасте, но отнюдь не ровесником Мафусаила. Вам не приходило в голову такое простое соображение?

— Легенда гласит, что при проведении эксперимента с эликсиром слуга, помогавший Брюсу, испугался и сбежал. А сам Брюс не смог довести обряд до конца... Да послушайте же вы! — даже как-то жалобно произнес Анатолий Германович. — Эликсир существует, не может не существовать! Что, по-вашему, искали в Сухаревой башне энкаведешники? Ее ведь по камешку разобрали, чуть ли не просеивали все — это Сталину кто-то рассказал про эликсир, вот он и приказал искать Черную Книгу! А когда нашли склеп с телом Брюса, у него одна рука была совершенно не истлевшей! Именно об этом и говорится в легенде: будто бы слуга опрокинул сосуд с эликсиром и все разлил, только на руку Брюсу немного попало. Слуга потому и сбежал — понял, что натворил. И останки Брюса из лаборатории Герасимова тоже выкрали спецслужбы! Они надеялись в секретной лаборатории выяснить состав эликсира по останкам, но ничего у них не вышло — не тот уровень науки был! Но сейчас-то, сейчас! Да еще имея формулу!.. — Келлер закашлялся, подавившись слюной.

— Как же ты боишься смерти, — с презрительной жалостью произнес Игорь. — Ты ведь не живешь, а трясешься от страха. Даже если ты получишь эликсир, то все равно будешь трястись за свою никчемную шкуру...

— Лет через тридцать ты меня поймешь, — устало возразил Келлер. — В молодости все мы бесстрашные чингачгуки. Мне надоело с тобой спорить... Фокс, ты же практичный человек. Отдай мне эту бумажку, и я обещаю: как только мне удастся синтезировать эликсир, я не только поделюсь им с тобой, я с удовольствием выделю вам с напарником постоянную долю в своих доходах. Лучше тебе иметь дело со мной, чем с уголовником...

— Ты это, жирный кабан, о ком? — возмутился Смеянов.

— Глупый вопрос. Уголовник среди нас один...

— Тогда не забывай, что у этого уголовного в руке пистолет. И смотрит он в твое пузо. — Смеянов перевел взгляд на меня и нехорошо улыбнулся: — Надеюсь, ты действительно практичный человек, Фокс. Потому что деньги — это, конечно, замечательно. Но если ты сделаешь неправильный выбор, то получить их будет не от кого. Да и самому тебе они уже не понадобятся. Давай бумажку сюда!

— Фокс, не слушай его! — Келлер, с неожиданной для своей комплекции ловкостью, схватил Катю и, заслонившись ею, направил на Смеянова трость. — У меня здесь один заряд. Но его хватит, чтобы вышибить мозги либо тебе, либо этому тупому старикашке. Подойди сюда, отдай мне завещание, и мы все втроем аккуратно уйдем отсюда. А мои мальчики прикроют нас, если что.

На кубических физиономиях «мальчиков» вовсе не отразился восторг по поводу возможности такого разрешения конфликта. Наоборот, на них отчетливо читалось, что больше всего они желали бы никогда не появляться в этой квартире в компании спятивших библиофилов.

— Фокс! — крикнул Смеянов. — Я считаю до трех! Отдай завещание! Я тоже готов заплатить миллион!

— Фокс! — Келлер направил на меня свою трость. — Сделаешь хоть шаг, пристрелю!

Женька неожиданно начала хихикать. Похоже, она догадалась, какое решение я принял.

— Сделай это, Фокс!

Я отпустил бумажку. Листок плавно порхнул в воздухе...

— Ми-ми, огонь! — выкрикнула Женька.

Чжуполун, все это время с интересом наблюдавший за странными играми двуногих, мгновенно среагировал на команду девчонки. Тонкая струя огня ударила в падающий листок. Первым катастрофу осознал Анатолий Германович.

— А-ах!!! Ах... гха... ха... — Келлер закашлялся, отпустив на мгновение Катю. Та немедленно развернулась и с негодующим криком: «Сволочь!» нанесла ему сокрушительный удар ногой в пах, но Келлер остался стоять на ногах — у таких толстяков трудно пробить слой жира и попасть в уязвимое место.

— Тупая гадина! — Келлер перехватил трость и обрушил ее на голову Кати. Она упала как подкошенная, а буквально через мгновение после этого прозвучал тихий звук, напоминающий треск ломающейся ветки. «Ветка сломалась» два раза. Келлер с изумлением уставился на две маленькие дырочки на лацкане своего великолепного костюма, перевел взгляд на дымящийся пистолет в руке Смеянова. Трость неожиданно изрыгнула сноп пламени, и я почувствовал тупой удар в правое плечо. Потом сразу всю правую сторону словно окатило кипятком, и я увидел, как вокруг дырки на куртке набухает красным... Удивленно поднял глаза на Келлера, но это был нечаянный выстрел — толстяк стоял, покачиваясь и держась рукой за грудь. Потом он рухнул, неестественно медленно, плашмя, заставив содрогнуться пол. Смеянов перевел пистолет на меня, но тут на его спине с криком: «Гад!» повисла Женька, раздирая ногтями лицо старика. Тот взвыл, попытался стащить девочку за волосы, крутнулся раз-другой, потом сунул пистолет под мышку и выстрелил вслепую. Легкое тельце откинуло от него, девочка покатилась по полу, оставляя красные пятна. Смеянов вновь повернулся ко мне. На изодранном в кровь лице блеснул хищный оскал, рука с пистолетом уже пошла вверх, но тут пришли в себя охранники Келлера. Грудь Смеянова мгновенно взорвалась кровавыми фонтанчиками, его отбросило к стенке уже мертвым.

Сначала я подумал, что Орлов побледнел от страха и сейчас упадет в обморок, но в следующее мгновение понял, что посреди лба у Альберта Виленовича появилась дырка. Он начал сползать по стене, оставляя кровавую полосу. Стрельба затихла.

В тишине прозвучали два выстрела прямо над моим ухом. Охранники повалились на пол, даже не успев осознать, что их убили.

Я повернулся к Игорю:

— Видимо, теперь моя очередь?

— Ты знал?

— Догадывался. Помнишь, когда я приехал менять колодки и мы потом сидели, пили чай и разговаривали? — Мне пришлось сделать паузу, чтобы голос по-прежнему звучал твердо. — Я рассказывал об этом деле, мы отвлеклись на Юнга с его синхронией, а потом ты спросил, знаю ли я, кто вор. Но ведь я еще не успел рассказать тебе, что книги украли.

— Черт...

— Я подумал и понял, что раньше ты никогда так упорно не зазывал меня в гости — пусть даже и для ремонта мотоцикла. Ты слишком старался быть рядом, чтобы быть в курсе. Очевидно, ты знал про это дело больше, чем я тебе рассказал. И у меня возник вопрос, какова здесь твоя роль? Поэтому я и пригласил тебя на финал. Правда, не ожидал, что ты будешь расставлять такие точки.

— Прости. — Лицо Игоря исказилось, как от сильной боли. — Прости. Я не думал, что так получится. Черная Книга нуждается в защитнике, а мой сын еще слишком маленький.

— При чем тут...

— Слуга Якова Брюса не сбежал. — Игорь опустил пистолет. — То, что рассказывал Келлер, чушь, конечно. Брюс умер своей смертью, и никакого эликсира у него не было. Но книги по теневой магии были. И он понимал, что могут натворить такие знания! Поэтому поручил их охранять единственному человеку, которому доверял. — Дэнбэю Татэкаве. После смерти Петра Первого «татарин по имени Дэнбэй» оказался никому не нужен. Возвращаться в Японию он не захотел — слишком много лет уже прошло, никто его не ждал. И он стал служить Якову Брюсу.

— И этот Дэнбэй...

— Да, он был моим предком. Наша семья из поколения в поколение хранит книги Брюса. Иногда семья разрасталась, тогда долг чести брал на себя старший сын. А в этом

поколении из мужчин — только я, почему-то до меня рождались одни девочки. Ну и теперь вот еще — мой сын. Но ему всего пять лет...

— А как же завещание?

— С тех пор как украли часть библиотеки, мужчины нашего рода не переставали искать вора. Мы следили за всеми известными частными собраниями книг, аукционами, расспрашивали знающих людей — все бесполезно. Но недавно пошел слух, что всплыл дневник Брюса. Ничего конкретного, только разговоры, что кто-то что-то видел. И я решил ловить на живца. Выждав некоторое время, выставил на аукцион завещание. Я, конечно, рисковал, но не особо — только человек, прочитавший и осознавший, что написано в дневнике, стал бы покупать «поддельное завещание». Он-то и был мне нужен. Но неожиданно для меня завещание купил Алекс. Для меня было очевидно, что он — посредник, которого используют «втемную». Но меня это тоже устраивало. Человек, которого я искал, рано или поздно должен был выйти на контакт с Алексом. И я стал следить за происходящим в вашей конторе. Жаль только, Смеянов проявил себя лишь в последний момент! Иначе бы я навестил его раньше и никто ничего не узнал бы.

— Но Смеянов мертв. Зачем было убивать охранников?

— Я должен защитить библиотеку любой ценой, — извиняющимся тоном ответил Игорь. — Тебе я верю. Но Келлер еще жив. Если позволишь мне его добить, я уйду.

— Нет. Ты в состоянии защитить библиотеку и без этого. Келлер ничего не знает о тебе...

— Не говори глупостей! У него достаточно денег, связей и, главное, фанатизма, чтобы добраться до меня. Я не могу рисковать делом, составлявшим смысл жизни нескольких поколений моих предков! Что ты защищаешь его?! Он же ничтожество! Шарлатан, трус! Ты же видел, чем он занимается в своей усадьбе! Никто не заплачет о нем!

— Пожалуйста, не надо!

Мы одновременно повернулись в сторону искаженного болью хриплого голоса. Женька, зажимая бок, подползла к Келлеру, пытаясь заслонить его.

— Пожалуйста! Не надо! Пожалуйста...

— Господи! — зло простонал Игорь. — Думаете, мне это нравится? Поймите, я не могу оставить его в живых! И тебя, девочка, к сожалению, тоже! Нельзя оставлять в живых врагов и их детей. Я не могу рисковать!

«Ну вот, мы досмотрели спектакль до конца, — прозвучал в голове голос Хайши. — Я могу обрезать эту нить. Ты должен принять решение!»

«Я... не могу».

«Тогда позволь Игорю застрелить этих двоих. Они тебе никто. Игорь не обманывает — в этом случае тебе ничего не грозит».

— Уходи. — Я поднял левую руку и нацелил раскрытую ладонь на Игоря. — Уходи. Иначе мне придется убить тебя.

— Магия? — понимающе кивнул Игорь. Без обычной иронии. Ну да, если он — хранитель библиотеки, то знает, что магия существует. — Мне казалось, ты ею не владеешь.

— В моей власти единственное заклинание. И эта сила — совсем не та, какой бы мне хотелось владеть и чем можно похвастаться. Это — как револьвер сорок пятого калибра. Последний довод на крайний случай. Уходи, Игорь. У тебя нет шансов.

— Может быть. — Он невесело усмехнулся. — Но я должен попытаться. Не держи на меня зла. Прощай...

Он вскинул пистолет. Знак на моей груди полыхнул жгучей болью. Я заставил себя смотреть, как это произошло. Проявить последнее уважение к воину — это все, что было в моих силах. С моих — нет, в этот момент уже не моих — пальцев сорвалось что-то вроде прозрачной паутины, мгновенно окутавшей Игоря. К счастью, все длилось лишь несколько мгновений. Хайша говорит, что такая смерть безболезненна. Я хочу ей верить.

Я без сил опустился на пол. Вся одежда справа насквозь пропиталась кровью. Голова кружилась.

— Фокс? — жалобно позвала меня Женька. — Фокс, ты меня слышишь? Ты только не умирай! Фокс, пожалуйста!

— Не умру, — прохрипел я, — Не сейчас. Обо мне позаботится квартирантка...

«Самоуверенный нахал! — пронеслось у меня в голове, — Хотя бы спасибо сказал!»

Я ничего не стал говорить. Я не чувствовал особой благодарности. Да и сил не осталось.

ЭПИЛОГ

Разумеется, у нас были неприятности. Точнее, неприятности были у меня, поскольку Алекс еще сутки провалился под кайфом, а очнувшись, немедленно охмурил весь женский персонал больницы и те к нему никого не пускали, пока следствие не закончилось.

А ко мне в палату следователь приходил так часто, что я даже предложил ему занять соседнюю койку. Мое щедрое предложение не было оценено. Следователь почему-то воспринял его как-то болезненно и пообещал устроить мне веселую жизнь.

Впрочем, все закончилось ничем — подключил свои связи Келлер. Женька утверждала, что он это сделал в благодарность за то, что я защищал его от Игоря. Можете считать меня законченным циником, но мне более вероятным кажется, что Анатолий Германович просто сам не горел желанием оказаться в центре расследования.

А может быть, в милиции и без всякого давления сверху были рады закрыть нелепое дело. К тому же все и так было ясно. Я отчетливо представляю себе казенные формулировки в милицмейском докладе:

«Гражданин Бобриков, Фенил Федотович, ранее судимый за воровство, вступил в преступный сговор с гражданином Орловым, Альбертом Виленовичем, ранее не судимым. Сообщники обманом проникли в квартиру, которую снимал гражданин Фокс, Виктор Олегович, оказывающий населению частные услуги по розыску пропавших вещей и домашних животных. Там, угрожая пистолетом и опасной бритвой, они взяли в заложники Екатерину Николаевну Колоскову, знакомую Виктора Фокса, и потребовали отдать им некий документ, предположительно имеющий большую историческую и материальную ценность. Этот документ гражданин Фокс разыскал по просьбе Анатолия Германовича Келлера, который прибыл на место преступления через несколько минут после гражданина Фокса. В результате конфликта между гражданином Келлером с одной стороны и Бобриковым и Орловым с другой гражданин Келлер получил огнестрельные ранения в область груди, оказавшиеся не смертельными. Также Бобриков выстрелил в дочь гражданина Келлера — Евгению Анатольевну Мелихан. Пуля прошла через мягкие ткани, не задев жизненно важных органов. Охранники, прибывшие вместе с гражданином Келлером, пытаясь защитить хозяина, нанесли гражданину Бобрикову десять огнестрельных ранений, четыре из которых оказались смертельными. Также в перестрелке пострадали гражданин Фокс, получивший случайное ранение в плечо, и гражданка Колоскова, получившая удар тяжелым предметом по голове. Находившийся на месте преступления знакомый гражданина Фокса, гражданин Игорь Игоревич Дэнбеев, застрелил обоих охранников и Альберта Виленовича Орлова».

До этого момента события, насколько я понимаю, вполне укладывались в милицмейские головы, соответствуя той реальности, в которой живут нормальные люди.

Но вот что совсем не укладывалось в эти рамки — каким образом тридцатилетний парень, только что расстрелявший троих человек, через мгновение после этого умер от старости? И не просто умер, а превратился в высушенную мумию, которой на вид можно было дать несколько сотен лет. И как он смог стрелять из проржавевшего насквозь пистолета, у которого затвор намертво сросся с затворной рамой? Тем не менее эксперты подтвердили, что мумия — это именно Игорь, а выстрелы были произведены именно из данного пистолета.

Собственно, из-за этого меня и мучил следователь. Он был неплохой мужик, но совершенно не способный поверить в чудеса и магию. Поэтому я даже не пытался что-то

объяснять, тупо повторяя факты на каждом допросе. Думаю, он и сам вздохнул с облегчением, когда пришел приказ закрыть дело.

— Все-таки ты балбес! — Я наполнил стакан и развалился в кресле в своей любимой позе — закинув ноги на стол. — Какого дьявола ты мне сразу не рассказал о завещании?

— Можно подумать, ты мне рассказываешь про каждую мелочь!

— Мелочь?!

— Ну ладно, не мелочь. — Алекс покаянно развел руками. — Я не был уверен, что мои подозрения верны. Не хотел давать тебе повод посмеяться!

— Я и говорю — балбес!

— Даже если бы ты знал про завещание, ничего не изменилось бы! — возразил Алекс. — И вообще, как у тебя совести хватает мучить вопросами больного товарища!

— Да тебя же выписали раньше меня! — возмутился я. — А могли и вообще на следующий день выписать — ты сам не захотел!

— Да?! А ты думаешь, мне там легко приходилось? — завопил Алекс. — Да я ни одной ночи толком не спал! Еле вырвался оттуда!

— Ну теперь видишь, что это за тип? — спросил я Женьку.

— Да, он реально крутой! — восхищенно вздохнула девчонка.

— Нет, я никогда не пойму женщин! — покачал я головой. — Даже при том, что одна из них живет в моей голове!

— Это точно! — согласилась девчонка. — Я узнала у отца, что ты просил.

— И?

— Она по-прежнему работает у него и живет в своей квартире. А телефон поменяла. И просила не говорить его тебе. И вообще, зачем тебе это? Она же обманывала тебя!

— А ты ничего не понимаешь в мужчинах! — мстительно ответил я. — Настоящий мужчина умеет прощать.

— Слушай, Вик, — Женька оторвалась от монитора и очень серьезно посмотрела на меня, — получается, ты все это время мог вот так — одним движением всех?..

— Ну... теоретически мог.

— Тогда я не понимаю...

— Теоретически. А на практике... Пойми, Женька, жизнь — не компьютерная «стрелялка». Люди — не набор цветных пикселей на мониторе, не «тупые боты». Даже самые плохие из них. Жизнь — долгая и странная штука, нам всем иногда приходится быть и злодеями, и героями — хотя бы на время. А смерть — это навсегда. Финальная точка, после которой уже ничего нельзя исправить.

— Может быть, ты и прав. — Женька опять уткнулась в монитор. — Но по мне, так есть люди, которые хуже ботов.

— Это пройдет, — хмыкнул Алекс. — Лет через десять пройдет. Может, и раньше.

— Ой-ой-ой, какие вы все старые и мудрые! Куда уж мне! Остается только с благоговением взирать на сыплющийся песок.

— Вик, какого черта ты ей разрешил остаться? Ей ведь больше ничего не угрожает! Давай выгоним эту нахалку отсюда? У ее папаши хватит денег купить дочке квартиру!

— Да она и сама в состоянии о себе позаботиться. Но раз хочет работать с нами... знаешь, нам в агентстве не помешает хороший хакер.

— Лучший! И не смей называть меня хакером!

— Ладно, ладно, — отмахнулся я. — Лучший веб-хантер в мире нам не помешает.

— Да, но почему она заняла мою комнату?!

— Так ты же помирился с Марго?!

— Ну так я же с ней скоро опять поссорюсь!

— Когда поссоришься, будешь спать на диване! — отрезала Женька. — А то сейчас Ми-ми на тебя натравлю!

— Может, тогда снимем квартиру побольше? — робко поинтересовался Алекс, косясь на дремлющего чжуполуна. Как я и предсказывал, хозяин за ним так и не явился, — Деньги

вроде пока есть...

— Вот именно, что пока! — уточнил я. — И, как показывает опыт, это «пока» очень скоро закончится. У нас уже неделю не было ни одного звонка.

Алекс собрался что-то возразить, но в этот момент затрезвонил телефон.

Я снял трубку.

— Агентство «Фокс и Рейнард». Виктор Фокс у телефона.

— Алло! Алло! Э-э-э... Алло, вы меня слышите? Девушка!

— Какая, на фиг... — И тут я сообразил, где раньше слышал этот старческий голос. — И вор, это я, Фокс, я тебя прекрасно слышу! А девушек на телефонных станциях нет уже лет сто!

— Правда? — В голосе Ивора послышалось искреннее недоумение. — А кто же тогда провода втыкает куда надо?

— И вор, ты позвонил мне, чтобы узнать, как работает современная телефонная связь?

— Э-э-э... нет, конечно! Что за чушь ты спрашиваешь?!

— Тогда в чем дело?

— У меня проблемы, Фокс! Мне нужна твоя помощь!

— Мм... — Я переглянулся с Алексом. Старый маг был выгодным клиентом — он платит очень хорошо. Но и задания у него такие, что каждый раз думаешь, вернешься живым или нет. — Понимаешь, Ивор...

— Фокс, мне очень нужна ваша с Алексом помощь! Пропала Арина!

— Что?!

— Ох, Фокс, — тяжело вздохнул на другом конце провода Ивор, — чует мое сердце, с девочкой настоящая беда приключилась! И, боюсь, как бы это не стало бедой для многих людей!

— Мы скоро приедем!

Я положил трубку. Пренебрегать предчувствиями мага такого уровня как минимум неосмотрительно! Алекс уже натягивал свои щегольские ботинки.

— Женька, — крикнул я уже из коридора, снимая с полки мотоциклетный шлем, — начинай собирать инфу по Еве Барановски и ее дочери — Арине. Комай как можно глубже. Кажется, у нас появилась работа!

ГЛОССАРИЙ

Абрахам Ван Хельсинг — доктор, специалист по оккультной магии, герой романа «Дракула» Брема Стокера.

Азарини — итальянский врач, лечивший Петра Первого. С его подачи появилась версия, что Петр умер от сифилиса.

Аменхотеп IV — десятый фараон XVIII династии египетских фараонов, знаменитый религиозный реформатор, во время правления которого произошли значительные изменения в египетской жизни — в политике и в религии. На пятом-шестом году правления (предположительно в 1358 году до н. э.) Аменхотеп IV изменил свое имя на Эхнатон.

Амон — древнеегипетский бог Солнца, затем царь богов. Первоначально — местный бог Фив.

Анахаи — низшие духи в бурятской мифологии, иногда изображались в виде маленьких одноглазых человечков.

Анубис — божество Древнего Египта с головой шакала и телом человека. Покровитель умерших.

Атон — единый бог солнечного диска, монотеистический культ которого был введен фараоном Эхнатон.

Байкеры — любители и поклонники мотоциклов. В отличие от обычных мотоциклистов, у байкеров мотоцикл является частью образа жизни. Характерным также является объединение с единомышленниками на основе этого образа жизни.

Баньши — дух, имеющий облик женщины, смех которого предвещает услышавшему его скорую смерть.

Блюментрост, Лаврентий Лаврентьевич — лейб-медик Петра Первого, первый президент Петербургской Академии наук.

Брауни — в европейской мифологии аналог русских домовых, небольшие человечки, ростом около 90 сантиметров, схожи с маленькими эльфами, с коричневыми нечесаными волосами и ярко-голубыми глазами.

«Бритва» — разговорное название одной из моделей мотоциклов спортивного класса в среде байкеров.

Брюс, Яков Вишинович — российский государственный деятель, военный и ученый, один из ближайших сподвижников Петра Первого, представитель знатного шотландского рода Брюсов.

«Бургтроттер» — марка джипа (авт.).

Веб-хантер (от англ. web-hunter — веб-охотник) — специалист по сбору информации в Интернете (авт.).

Дагу — раса теневых существ (авт.).

Дальнойбой — в среде байкеров поездка на расстояние более 200 километров.

Двоедушник — существо, способное совмещать в себе два естества («две души») — человеческое и демоническое.

Деспот Морей — название должности управляющего Морейским деспотатом, провинции Византийской империи.

«Драга» — разговорное название одной из моделей мотоциклов чопперного класса в среде байкеров.

Иоганн Экхарт — мастер (учитель) Экхарт, знаменитый немецкий теолог и философ XIII века.

Ифрит — в арабской мифологии злой дух из низших слоев Ада.

Кабор — раса теневых существ (авт.).

Кавайный (от яп. кавай — прелесть) — в среде любителей японской анимации соответствует словам «прелестный», «милый», «хорошенький».

Карты Таро — система символов, колода из 78 карт, появившаяся в Средневековье в XIV–XVI веках, в наши дни используется преимущественно для гадания.

Кемт — название Египта на древнеегипетском языке.

Ктулху — спящий бог, придуманный писателем Лавкрафтом. В последние годы стал культурным мемом в среде активных пользователей Интернета. Обычно употребляется в ироническом контексте.

Кэмпо — японское боевое искусство.

Либереия — устаревшее название собраний книг, библиотек.

Линуксойд — жаргонное название пользователя операционной системы Linux.

Локи — скандинавский бог-жулик и злой шутник.

Максим Грек — греческий монах, по просьбе Василия Третьего присланный в 1515 году из Афона в Москву для перевода книг царской библиотеки.

Неко (от яп. нэко — кот, кошка) — слово из жаргона любителей японской анимации.

Нерд (от англ. nerd — ботан) — человек, глубоко погруженный в какую-либо деятельность (в частности, в программирование), вместо того чтобы участвовать в популярных общественных или культурных явлениях.

Номады — кочевники.

Няшечный (от яп. ня — звукоподражание мяуканью кошки, аналог русского мяу) — в среде любителей японской анимации возглас «ня!» выражает ощущение нежности, умиления.

Пейотль — туземное название североамериканского кактуса и приготовляемого из него напитка, содержащего галлюциногенные вещества.

Принцип Оккама, «бритва Оккама» — методологический принцип, получивший

название по имени английского монаха-францисканца Уильяма Оккама. В упрощенном виде он гласит: «Не следует множить сущее без необходимости».

Реднеки (от *англ.* rednecks — красношеее) — жаргонное название жителей глубинки в США. В широком смысле — «деревенщина».

Скрипт-кидди (от *англ.* script kiddies — скриптовые детки) — начинающие хакеры, пользующиеся для взлома и написания вирусов чужими готовыми скриптами.

Страты — социологический термин, обозначающий социальный слой людей с примерно одинаковым социальным статусом.

Субретка (от *фр.* Soubrette) — актерское амплуа, традиционный комедийный персонаж, бойкая, остроумная, находчивая служанка, помогающая господам в их любовных интригах.

Сэнсэй — в Японии вежливое обращение к учителю, врачу, писателю, начальнику, политику и др. В России в основном используется в различных школах боевых искусств как вежливое обращение к учителю.

Такыр — дно периодически пересыхающих озер.

Тень — параллельный мир, являющийся тенью реального мира и магически взаимодействующий с ним (*авт.*).

Уасет — IV ном (административная единица) Верхнего Египта.

Фокс-кун — суффикс «-кун» используется и в Японии и поклонниками японских мультфильмов как обращение к мужчине, равному или младшему по возрасту.

Фрик (от *англ.* freak — урод) — в широком смысле человек со странностями.

Хомяк — жаргонное название домашней страницы, «хомяк на бесплатном акке» — домашняя страница на бесплатном аккаунте.

«Цвета» — общее название для герба мотоклуба, его графического начертания, нашивок на одежде байкеров, входящих в этот клуб, и другой клубной символики.

Черная Книга — книга, являющаяся, согласно народным поверьям, необходимым атрибутом любого колдуна. Содержит все его секретные рецепты и заклинания.

Чжунполун — в китайской мифологии дракон с телом свиньи, черепашим панцирем и хвостом крокодила.

Экзорцизм — в христианстве обряд изгнания бесов из одержимого ими человека.

Эмофаг — теневое существо, питающееся эмоциями (*авт.*).

Юнг, Карл Густав — швейцарский психиатр, основоположник одного из направлений аналитической психологии.

Ясак — дань.

O tempora, o mores — о времена, о нравы (*лат.*).

Rattus norvegicus — латинское наименование обычной серой крысы.

«VanHelsing» — модель револьвера (*авт.*).

YouTube — популярный Интернет-ресурс.